

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

3

★ М А Р Т ★

О Г И З • ★ 1 9 3 6
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 3

	<i>Стр.</i>
Органы юстиции в борьбе за стахановское движение	1
А. Сольц — За стахановство и против шаблона в работе суда и прокуратуры	4
М. Брон — Харьковская областная прокуратура в борьбе с врагами стахановского движения	5
Стеблин — Органы юстиции Ивановской области в борьбе с дезорганизаторами стахановского движения	7
Быстрее перестроиться	9
С. Березовская — Заметки о судебном надзоре	10
С. Бродович — О борьбе с незаконными сборами и нарушениями финансово-бюджетной дисциплины	13
Е. Львов — Борьба со спекуляцией — важнейшая задача суда и прокуратуры	17
М. Красильников — Борьба с кражей личного имущества трудящихся	19
П. Люблинский — Ответственность за принуждение к производству аборта	22
К. Шапиро — О неправильном понимании ст. 206 УПК	25
А. Цыпкин — Процессуальное положение обвиняемого в распорядительном заседании	26
А. Либерман — О новых доказательствах в касационном процессе	27
Хохлов — За образцовый порядок судебного хозяйства	29
К. Симановская — Больше внимания работе нарсуда	31
Б. Ошерович — Работа Института уголовной политики за 1935 год	32
Р. Лопухов — За высокое качество подготовки аспирантов по правовым дисциплинам	34
А. Шестаков — Клевета	36
Свер — Потуги прокурора Лисина	37
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	38
По союзным республикам	47
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	53
В Институте уголовной политики	60
План работы Института уголовной политики на 1936 год	62
Библиография	66
Приветствия, поступившие на имя прокурора Союза тов. А. Я. Вышинского	67
Официальный отдел	68
Сводка важнейших постановлений	72

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

МАРТ 3
1936 г.

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР | Москва, Б. Дмитровка, д. 15

Редакция:

Органы юстиции в борьбе за стахановское движение

1935 год вошел в историю пролетарского государства — как год новых великих побед социализма, год начала замечательного стахановского движения, охватившего уже всю страну, сломавшего старые нормы, создавшего и выдвинувшего новые отряды героев и героинь социалистического труда, новых и особенных людей, рожденных социализмом.

Товарищ Сталин в исключительно ярких и глубоких словах показал, где лежат и в чем состоят корни стахановского движения.

Товарищ Сталин сказал, что «основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее».

Товарищ Сталин отметил и то, что «вторым источником стахановского движения является у нас отсутствие эксплуатации. Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие ~~и лучшие~~ рабочие класса. Поэтому труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы». «Третьим источником стахановского движения, — говорил товарищ Сталин, — следует считать наличие у нас новой техники», и, наконец, в качестве четвертого источника стахановского движения товарищ Сталин указал на кадры, на новых людей, из рабочих и работников, освоивших новую технику и явившихся «той силой, которая оформила и двинула вперед стахановское движение».

Эти положения товарища Сталина о корнях стахановского движения достаточно красноречиво говорят о том, что только в Стране советов, в стране пролетарской диктатуры возможно стахановское движение, немислимое ни в одной капиталистической стране.

Стахановское движение возможно лишь там, где царит подлинная культура и демократия, где обеспечены широчайшие возможности народного творчества, инициативы и героизм трудящихся масс, где наука и техника поставлены на службу трудящихся, на службу социализма.

Такой страной является наша славная родина, под руководством ВКП(б) во главе с гением пролетарской революции товарищем Сталиным и его блестящими соратниками, членами сталинского ЦК, поднявшаяся на ве-

личайшую высоту своего хозяйственного, культурного и политического могущества.

Лучшим выразителем этих успехов, этого роста новой социалистической культуры является стахановское движение, величайшее значение которого состоит в том, что «оно подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму» (Сталин).

Стахановское движение на практике показывает путь преодоления противоположности между трудом умственным и трудом физическим; оно создает и укрепляет условия для подрыва этой противоположности, поднимая стахановцев на высшие ступени овладения техникой, превращая их в высококвалифицированных мастеров своего дела, в настоящих профессоров, вносящих в научную технику важнейшие и радикальнейшие поправки и исправления.

Стахановское движение — это показатель новой социалистической культуры. «Стахановское движение — это такое движение, которое доломает последние капиталистические остатки в нашем социалистическом хозяйстве — старые технические нормы и уровень производительности труда, свойственные капиталистическому хозяйству» (Сталин).

Стахановцы — это подлинные пролетарские революционеры в области техники и производительности труда.

Удивительно ли, что против стахановского движения и стахановцев направляется в настоящее время вся сила ненависти и злобы умирающих подонков капитализма?

Удивительно ли, что против стахановского движения мобилируются последние остатки черной рати наших врагов, консерваторов, саботажников, прямых, открытых и скрытых контрреволюционеров?

Нет, не удивительно, ибо в стахановском движении находит свое выражение высочайший подъем энтузиазма, творчества и творческой мощи миллионов масс рабочих и колхозников, добывающих последние пережитки старой экономики, старой техники, старой культуры.

Об этом сопротивлении стахановскому движению говорил на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) секретарь ЦК т. Андреев: «Стахановские нормы есть победа социалистического труда над капиталистическими нормами производства, есть выкорчевывание последних остат-

ков капитализма из нашего производства. Поэтому ясно, что такое движение не может обойтись без решительного сопротивления классовых врагов. Многочисленные факты, которые известны всем, говорят об обостренной борьбе классовых врагов, пробравшихся на наши предприятия; выражается это во всякого рода вредительстве на предприятиях, в порче механизмов, на которых работают стахановцы, терроре и запугивании отдельных стахановцев. Видно по всему, что классовый враг активизировался в борьбе со стахановским движением. А с другой стороны, сопротивление стахановскому движению идет из среды консервативных элементов тех хозяйственников и технических работников, которые еще находятся в плену старых норм, которые не хотят двигаться вперед, которым стахановское движение приносит очень много забот и беспокойств в перестройке работы. Немало вскрыто такого саботажа. А сколько его еще не вскрыто? Наверняка, не вскрыто еще больше, потому что открыто против стахановского движения никто теперь не смеет выступить: стахановское движение его немедленно сомнет и сотрет в порошок. Поэтому работа классовых врагов, врагов партии всех мастей, саботаж, сопротивление стахановскому движению маскируются очень тонко для того, чтобы вставлять палки в колеса и тормозить это движение. Недоценивать это было бы преступлением. Задача заключается в том, чтобы преодолеть это сопротивление, беспощадно разгромить врагов и саботажников стахановского движения и тем расчистить еще шире для него дорогу».

На I всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин говорил о необходимости «обуздать все те элементы из хозяйственных и инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и систематически тормозят разрывание стахановского движения». Говоря о группе «предельцев» в недрах НКПС, товарищ Сталин подчеркнул, что упорство этих господ в отстаивании своих консервативных взглядов привело к необходимости «дать этим уважаемым людям слегка в зубы и вежливо выпроводить их из центрального аппарата».

Но таких «господ» немало не только в некоторых центральных учреждениях, но и на периферии, в промышленности, на транспорте, в совхозах и колхозах.

Сопротивление стахановскому движению проявляется в самых разнообразных формах. Здесь и тупое консервативное отстаивание старых норм и методов работы, здесь и скептическое расхолаживание, здесь и насмешки, нередко — прямые оскорбления и издевательства; иногда — травля, иногда — открытые нападения на передовиков-стахановцев, с применением насилия; реже, но все же встречается и прямые контрреволюционные террористические акты, попытки зверской расправы над стахановцами. Порча станков и агрегатов, утайка инструментов и сырья, саботаж, вредительство — все средства враг пускает в ход в своих преступных целях подрыва стахановских успехов.

Только по одной Москве в январе было возбуждено 14 дел о сопротивлении стахановско-

му движению с квалификацией имевших в этом месяце преступлений по ст. 58¹⁰, ст. 73¹ ч. 2 ст. 143 ч. 2 УК и др.

В одной артели пьяница и лодырь Жизняков нанес несколько ударов стахановцу Усачеву только за то, что Усачев — стахановец. Другой пьяница, работавший на 4 канализационном участке в Москве, Демен, ранил ножом в живот стахановца Баприна с криком: «Вы все здесь стахановцы, я вас всех передрежу».

В I автогрузопарке «Мосавтогруз» хулиган Кузан систематически травил стахановца Мартекса, обзывая его «немецкой мордой» и грозя выколоть ему глаза древлю.

На мельнице комбината им. Цурюпы прогульщик Попов накануне стахановских суток выпустил масло из буссы подшипника и тем сорвал проведение этих суток.

Таких примеров можно было бы привести, к сожалению, не мало. Характерно, что во всех подобных случаях застрельщиками и исполнителями антистахановских выступлений являются лодыри, прогульщики, пробравшиеся на заводы и фабрики бывшие кулаки, рецидивисты, словом, вся та накипь старого общества, которая дает себя знать при всяком значительном явлении нашей советской жизни.

Хулиганствующие и дезорганизаторские, деклассированные элементы играют в руках классового врага роль орудия борьбы с лучшими людьми нашего социалистического строительства. Классовый враг и его агентура из числа этих деклассированных элементов в отдельных случаях делает попытки, не ограничиваясь нападениями на отдельных стахановцев, сорвать самое стахановское движение путем антисоветской, антистахановской агитации, распространяя всякого рода лживые и клеветнические слухи и т. д. и т. п. Этим путем враг старается дискредитировать стахановское движение в глазах наиболее отсталых слов трудящихся, отвлечь их внимание от стахановских успехов, сыграть на тонких струнах еще живущих в сознании многих людей предрассудков, на их мелкобуржуазных пережитках и прищипках.

Последняя ставка врага — поднять против социализма, против такой яркой формы социалистического движения, как стахановское движение, все самые темные, самые отсталые, дикие предрассудки мелкобуржуазной стихии.

Враг отлично понимает, что значит эта стихия, в чем заключается ее сила.

«Мелкобуржуазная стихия, — писал Ленин в статье «О продовольственном налоге», — не даром называется стихией, ибо это действительно нечто наиболее бесформенное, неопределенное, бессознательное»¹.

Вот эту «бессознательную» и «бесформенную» стихию враждебные социализму силы и пытаются теперь активизировать и поднять против дела социализма, восстанавливая и подстрекая малосознательных и малоискушенных в политике людей против стахановцев и стахановского движения.

¹ Ленин, т. XXVI, с. 347.

Нечего доказывать, что эти попытки заранее обречены на неудачу, что все эти попытки неизбежно подавляются и будут подавляться мощью стахановского движения.

Но такая судьба, такой исход этих попыток не может ни в какой степени настраивать на благодушие и самоуспокоение. Несмотря на неизбежность провала попыток такого рода, против них необходимо развернуть упорную и систематическую борьбу. Руководствуясь указаниями товарища Сталина, необходимо эту борьбу вести двояко: одних «терпеливо и потоварищески убеждать», другим давать в зубы.

В этой борьбе роль органов юстиции, и, особенно, роль советского суда огромна.

В нынешних условиях — в условиях широко развернувшейся творческой инициативы масс, их неизмеримо возросшего, по сравнению даже с началом первой пятилетки, уровня культурно-политического развития, неизмеримо выросшего чувства политического, классово-пролетарского самосознания, чувства социалистического правосознания, — роль суда как одного из средств организации советского общественного мнения, как школы воспитания и дисциплины (Ленин), поднимается на громадную высоту.

Тов. Молотов специально обратил на это свое внимание в заключительном слове на 2 сессии ЦИК СССР: «Тов. Вышинский правильно говорил здесь о необходимости укреплять авторитет нашего суда и прокуратуры и всячески улучшать условия их работы. Суд, как и работа милиции, имеет большое значение в деле борьбы за культурность трудящихся».

Хорошая организация суда и высокий его авторитет, хорошая работа милиции и ее настойчивая борьба против элементов бытового разложения и хулиганства, хорошая работа всего управленческого аппарата в нашей стране, где советский демократизм растет во все новых и во все более замечательных проявлениях, во многом укрепляет новую культуру и новый быт, во многом укрепляет социалистический строй».

Неоспорима, таким образом, великая культурно-политическая воспитательная роль советского суда как органа пролетарского государства, пролетарской диктатуры.

Наша задача — укрепить советскую судебную систему, выше поднять авторитет и политическое влияние советского суда.

Путь к успешному разрешению этой задачи — поставить работу советского суда и советской прокуратуры образцово. «Что значит работать образцово?» — спрашивал т. Л. М. Каганович на совещании работников суда и прокуратуры Московской обл. и г. Москвы (21/IX.1934 г.) и отвечал: «Это значит — судить за то, за что следует, судить по закону, справедливо, без

волокиты и сутяжничества, судить грамотно, культурно».

Задачи воспитательного воздействия на массы, стоящие сейчас перед нашими судами, неразрывно связаны с общими задачами укрепления социалистической законности и социалистического правосознания. Суд должен воспитать уважение к советскому закону, к своей собственной деятельности. Беспощадно и бесстрашно подавляя сопротивление классового врага, все более и более нагнетающего и прибегающего к самым крайним средствам борьбы, вплоть до террора, — советский суд каждым своим шагом, каждым приговором должен внушать уверенность в том, что охрана пролетарского государства находится в верных и твердых руках, что ни одна вылазка, ни одно преступление классового врага не останется безнаказанным. Но в то же время он должен внушать уверенность в том, что удар уголовного наказания постигнет только действительно виновных, что ни один трудящийся не подвергнется опасности неправильного и несправедливого осуждения.

Такова политическая задача суда как органа укрепления пролетарской диктатуры и социалистической законности. Решая эту задачу правильно, авторитетно, в соответствии с принципами советской политики и интересами социалистического строительства, советский суд исполнит свой долг в деле укрепления социалистического правосознания, укрепление которого есть наше важнейшее политическое требование.

Поэтому-то в данное время так остро стоит вопрос об улучшении качества работы органов юстиции, о коренной перестройке самых методов работы.

Поэтому-то так важно сейчас поднять на высшую ступень развития политическую и юридическую квалификацию судебных и прокурорских работников.

Прокуроры союзных республик, автономных республик, прокуроры краев и областей должны вплотную подойти к задаче повышения квалификации работников своего аппарата, своей периферии. Сейчас мы больше, чем когда-либо, опираемся именно в эту задачу.

Высококвалифицированный в политическом и юридическом отношении прокурор, следователь и судья — вот где раньше всего лежит гарантия высокого качества судебно-прокурорской работы, устранения все еще, к сожалению, наблюдающихся в этой работе крупнейших недостатков, подъема этой работы на уровень, соответствующий высокому уровню блестящих успехов всего нашего социалистического строительства.

За стахановство и против шаблона в работе суда и прокуратуры

Преступные и неправильные действия людей квалифицируются статьями, которые определяют, в каких пределах совершивший то или другое преступление, тот или другой проступок должен быть наказан. В большинстве случаев статьи указывают максимум того, что может быть дано по такой-то статье. Только некоторые статьи указывают пределы минимума, ниже которого не может быть назначено наказание.

Прокурору, расценивающему степень виновности, судье, произносящему приговор, дают широкие возможности при расценке поступка, ибо вопрос идет о действиях человека, а его действия бесконечно разнообразны, как разнообразны и сами люди, их свойства и особенности.

Одни и те же действия в определенной обстановке требуют одной расценки, при другой — иной; одним требуется одно воздействие, другим — другое. И прокурор и судья должны избегать шаблона в своих оценках, и приговор должен произноситься за известные действия в зависимости оттого, кто их совершил и когда.

От настоящих, подлинных социалистических строителей требуется, чтобы они на дело рук своих, продукцию ума, головы, совести и нервов смотрели как на свое, так как они обслуживают общество, коллектив, чтобы они делали порученное им дело не бюрократически, а вникали в его существо, по-стахановски, а стахановство не терпит шаблона.

Между тем, работники суда и прокуратуры больше всего грешат шаблоном в то время, когда именно в порученных им работах больше всего нетерпим шаблон. Особенно резко бросается в глаза это явление, когда разбираешь так называемые «компанейские дела». Партия и правительство подчеркивают в известных случаях особую социальную опасность тех или других преступных действий и требуют применения суровых мер наказания. Такие указания мы имели по борьбе с хищениями государственной и коллективной собственности, со спекуляцией, с вредительством, с выпадами против коллективного строительства классовых врагов.

Эти преступления, — говорят нам, судьям и прокурорам, партия и правительство, — требуют беспощадных мер наказания! Но чем суровее мера наказания, тем серьезнее должно быть отношение к данному делу, тем внимательнее оно должно быть изучено.

Я на днях ознакомился с делами по ст. 107 за спекуляцию; просмотрел 175 дел. Во многих делах отсутствуют данные о размерах спекуляции. Спекулировал ли данный человек на рубли, сотни, тысячи или десятки тысяч, об этом не упоминается; а это значит, что судьи и прокурор по-настоящему не интересовались борьбой со спекуляцией, не спекуляция их волновала, не ее они хотели одолеть, а сбить с рук возможно больше дел, — благо, по этому поводу имеются указания, что давать сле-

дует не меньше пяти лет и борьбу вести надо неукоснительную. Торговал ли человек спичками, папиросами, крупным рогатым скотом или сотнями пудов хлеба — это не важно; надо только установить, что он торговал с надбавкой и на этом получал кое-что.

В делах по ст. 107 УК в редакции закона 22/III 1933 г. повторилось в несколько иной форме то, что имело место при разборе дел по закону 7 августа, что намечается при разборе дела о хулиганстве. Господствует шаблон. Раз нужно бороться с хулиганством, веляют приговоры по шаблону, дают всем 2 ч. 74 ст. и очень часто определяют меру социальной защиты чрезмерно высокую, не соответствующую содеянному, не считаясь с количеством детей, оставленных без содержания, не взирая на то, как преступник проявляет себя на производстве.

А ведь страна, а ведь партия зовет к стахановству, к творчеству, к устранению шаблона во всяком деле, а тем более в деле человеческого.

Больше всего должны об этом, партией и советской властью данным, кличе помнить на своей работе судьи и прокуроры; а между тем, они-то больше всех грешат в том, что забывают об этом лозунге. Надо обязательно исправить это дело; надо покончить с шаблонизированием в своей судебной и прокурорской работе.

Надо и в нашем деле работать по-стахановски, творя в нем, а не выполняя лишь норму, ибо нигде, как в этом деле, работая формально, можно творить зло и разрушение. Надо крепко помнить, что основным является решение суда первой инстанции, где видят преступника, где имеют возможность беседовать с обвиняемым, в отличие от всех других инстанций, где дела обычно решаются лишь по бумагам.

Суд и прокуратура подчас довольно равнодушны к произнесенному приговору и не интересуются дальнейшей его судьбой. Довольно часто приговоры остаются без исполнения, и это мало кого беспокоит. Приговор произнесен, а там дело не мое.

Ко мне на днях приходил председатель одного райисполкома, который уже шесть месяцев, как осужден на 2 года. Так как представители партии и советской власти были о нем хорошего мнения, то его из партии не исключили, а ограничились выговором, и приговора не привели в исполнение, оставив его на должности председателя райисполкома. Не позаботились даже о пересмотре дела, и только сейчас просят о его помиловании.

Так быть не должно. За свою работу в суде и прокуратуре надо отвечать, и требование хорошей, ответственной и творческой работы в суде и прокуратуре необходимо, во всяком случае, не меньше, чем в других органах. А между тем, браку в нашем деле больше, чем во всяком другом. Надо с этим покончить, надо покончить с шаблоном.

Харьковская областная прокуратура в борьбе с врагами стахановского движения

Наша социалистическая родина под руководством вождя нашей партии и народов товарища Сталина одержала всемирно-исторические победы во всех областях народного хозяйства, культуры и науки.

Все больший и больший разворот стахановского движения во всех отраслях народного хозяйства, подымающего все новые и новые пласты рабочего класса и колхозного крестьянства на борьбу за нечиданные нормы производительности труда, воочию показывает те огромные успехи, которых добилась наша страна.

На совещании комбайнеров и комбайнерок товарищ Сталин поставил перед всей страной задачу добиться в ближайшие 3—4 года 7—8 млрд. пудов зерна, а на совещании пятиотничьи выдвинул требование дать, в среднем, по Союзу 250—280 центнеров свеклы с 1 га.

Одним из непременных условий выполнения этих задач является всемерное развитие стахановского движения как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. «Стахановское движение выражает новый подъем социалистического соревнования, новый, высший этап социалистического соревнования» (Сталин).

Задачи, поставленные сейчас партией, не могут быть реализованы без этого «нового подъема», без «преодоления нынешних норм и производственных планов» (Сталин).

Уже сейчас наша область имеет прекрасные образцы преодоления этих технических норм как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Великая армия стахановцев, насчитывавшая ранее десятки и сотни людей, сейчас пополняется ежедневно и ежечасно новыми людьми, берущими на себя обязательства не только выполнить намеченные планы производительности, но и перевыполнить их.

У нас в области насчитывается больше 20 000 звеньев, взявших на себя обязательства дать 500 и больше центнеров сахарной свеклы с га.

Это могучее движение нашей эпохи встречает бешеное сопротивление остатков классового врага.

Всяческими способами классовый враг стремится затормозить это движение, стремится дискредитировать новых людей нашей эпохи.

Харьковская областная прокуратура, исходя из особенностей классовой борьбы на Украине и учитывая опыт 1932—1933 г., основное свое внимание сосредоточила на организации борьбы за обеспечение надлежащих условий работы стахановца, за улучшение его материальных, культурно-бытовых нужд, на защите стахановца от всевозможных посягательств.

Кроме специальных директивных указаний, областная прокуратура провела 4 кустовых совещания с райпрокурорами районов сельского типа по вопросам борьбы с антисоветскими вылазками классового врага.

В городе Харькове областная прокуратура провела 4 совещания со стахановцами харьковских заводов и с прокурорским активом. Эти совещания дали возможность прокуратуре обеспечить надлежащую связь непосред-

ственно со стахановцами и ударниками заводов, выявить случаи сопротивления стахановскому движению, привлечь в актив прокуратуры лучших людей производства.

Подобные совещания были проведены на предприятиях и при прокуратуре в гг. Сумах, Кременчуге, Лубнах и Полтаве.

Эти совещания дали возможность обеспечить своевременность и действенность сигнализаций с мест и своевременное на них реагирование.

Облпрокуратура установила порядок, при котором по всем без исключения делам, связанным с сопротивлением стахановскому движению, движению «пятисотниц», «тридцатников», — в момент возникновения дела, вне зависимости от его характера и направления, присылается специнформация в областной аппарат, где установлен специальный надзор за делами этой категории. Все эти дела сосредоточены у зав. сельхозсектором и зав. сектором промышленности.

Такой порядок обеспечивает:

1) своевременную осведомленность не только о делах, но и о всех возникших случаях;

2) надзор за расследованием дел этих категорий и конкретное руководство следствием по этим делам;

3) единую линию по всем этим делам.

По Харьковской области на 1/II уже возникло 44 дела этой категории; 37 из них уже разрешены, 4 дела находятся в стадии расследования и 3 дела прекращены.

Судебные дела, прошедшие через органы прокуратуры и суда, с очевидностью показывают, что формы и методы классовой борьбы на этом участке чрезвычайно разнообразны.

Не отказываясь от обычных приемов своей борьбы — террора, избиения, угроз, — классовый враг в большей мере применяет методы дискредитации стахановского движения, игнорирует требования стахановцев о создании необходимых им условий, распространяет различного рода нелепые клеветнические слухи о стахановцах, используя зачастую в своей работе отсталые элементы.

По характеру эти дела распределяются следующим образом:

1) Теракты, побиения и др. насильственные действия против стахановцев	20 дел.
2) Оскорбления, издевательства, дискредитация	17 дел.
3) Нанесение побоев стахановцам, связанные с хулиганскими действиями	4 дела.
4) Другие	3 дела.

Из дел, прошедших уже через Харьковскую облпрокуратуру, хочу привести несколько наиболее характерных, свидетельствующих о разнообразнейших методах, применяемых классово враждебными элементами.

Так, например, в Тростянецком районе, в передовом колхозе «Червоный Прапор» Бумеровского сельсовета, по инициативе награжденной орденом Ленина, члена этого колхоза Софии Григорьевны Косицы развернулось зна-

чительное движение ударничества и пятисотниц. В частности, колхозница-активистка Косица Александра взяла на себя обязательство — вместе с своим звеном дать 700 центнеров свеклы с га в 1936 г.

В связи с этим 9/XI члены колхоза Яценко и Косица Владимир напали на ударницу Косицу Александр за то, что она взяла на себя обязательство собрать 700 центнеров свеклы с га, с выкриками: «все равно, всем орден не дадут, все не будете ударниками», — и пытались ее избить.

Тот же Косица Владимир по наущению Яценко с выкриками: «ты все время работаешь инспектором качества, давишь народ, издеваешься над ним, принуждая собирать колоски», — избил инспектора качества.

Они же пытались убить предколхоза Фоменкову — активного организатора стахановского движения в колхозе.

Виновные преданы суду военного трибунала.

В Ахтырском районе, в селе Заречном, в колхозе им. I-го травня комсомолка Легута Санька, вместе с комсомолкой колхозницей ее звена Легутой Ганной, взяли на себя обязательство в 1936 г. дать по 500 центнеров свеклы с га. Исклученный из колхоза как лодырь Кравченко Николай (имущество которого в 1931 г. распродалось за саботаж хлебосдачи), узнав об обязательствах Легуты, в 9 часов вечера зашел вместе со своими товарищами в хату Киселевой, где находились обе пятисотницы, начал издеваться над ними: ругался нецензурной бранью, обливал их керосином и водой, потушил свет, предварительно связав им ноги перевеслом, а пятисотнице Легуте Ганне вымазал сажей лицо. Дело следствием было закончено в течение 2 дней, и Кравченко Н. в показательном порядке с участием прокурора осужден к 3 годам л/с.

В колхозе «Красный борец» Липовского сельсовета Карловского района лучшие ударники 4 бригады во главе с звеньевой Бондаренковой организовали бригаду пятисотниц. В тот же день бригада приступила к проведению снегозадержания на своем участке.

15/XII бригадир для перевозки снопов на поле прикрепил два веза с ездowymi Зновой Платоном и Коломийцем Кузьмой.

Звеньевая Бондаренкова, считая нецелесообразным использование двух подвод, предложила перевезти солому одной подводой с ездowymi Зновой Платоном.

Знова (ранее был исключен из колхоза как лодырь), начал наносить оскорбления Бондаренковой, ругать матерной бранью и с криками: «заколю, смерть тобі буде й мені, хай йде слава по всій Україні», — кинулся с вилами на Бондаренкову.

Лишь своевременная помощь со стороны бригадира помешала Знове осуществить свое намерение.

Аналогичные случаи мы имели и в др. районах Харьковской обл.

Но борьба классового врага против стахановского движения пятисотниц на селе не ограничивается только указанными формами классовой борьбы — контрреволюционная агитация, угрозы, избияния, террористические акты. Классово враждебные элементы ставят перед собой задачу совать непосредственную подготовку к получению высокого урожая и иными путями.

В Машевском районе в колхозе «Краина Рад» Лебедко Петр, конюх колхоза, пятисотницам Борщевой Мотре, Брыде и другим не давал коней для вывозки удобрений.

Такие случаи имеются также и в ряде других районов.

Развитию стахановского движения в промышленности остатки классового врага оказывают также бешеное сопротивление, однако формы и методы этого сопротивления в промышленности имеют несомненно свою разновидность.

Характерным в этом случае примером является дело по обвинению зав. тарифно-нормировочным бюро кузнечного цеха на заводе «Серп и молот» Дородного и нормировщика этого же цеха Некрасова. Эти, с позволения сказать, «нормировщики» проводили свою контрреволюционную работу путем незаконного повышения, норм выработки и снижения расценок рабочим кузнечного цеха, повышающим свою производительность труда и перевыполняющим нормы выработки.

Так, например, была повышена норма выработки и снижена расценка по детали № 0425 одному из инициаторов стахановского движения в цеху, перевыполняющему норму на 450—500%, прессовщику Блудову, по детали № 12 18: кузнецу-стахановцу Лучкину, перевыполняющему нормы выработки на 400—500% и прессовщике Лихобабе по детали № 82. В результате таких действий Дородного и Некрасова зарплата ударников-стахановцев не только не повысилась, но в ряде случаев снизилась от 30 до 70%.

На фабрике им. Тинякова в Харькове инструктор Погребняк браковал заводом годную продукцию, выработываемую стахановцем, заявляя, что он не допустит такого положения, чтобы рабочий получал больше, чем он — инструктор.

Нужно сказать, что не всегда и не везде наши организации развертывают достаточную работу в деле защиты стахановского движения и стахановцев; недостаточно мобилизуют общественное мнение даже на тех случаях, которые явились предметом разрешения в судебном порядке.

В соответствии с указаниями облпрокуратуры, все дела, возникающие в связи со стахановским движением расследуются следователями под непосредственным надзором прокурора. Следствие по всем делам было закончено: до 3 дней — 32 дела; до 5 дней — 6 дел; до 10 — 3 дела; свыше 10 дней — 3 дела.

В суде дела заканчивались рассмотрением в течение 4—5 дней.

Все дела рассматриваются с участием прокурора и в большинстве, одновременно, с участием общественных обвинителей.

Мероприятия прокуроров, приговора по этим делам популяризируются в прессе; на основе приговоров в большинстве случаев проводится массово-разъяснительная работа, дающая значительный эффект.

Не обошлось в Харьковской области и без перегибов.

Хотя перегибы были допущены только в трех случаях, однако для избежания ошибок облпрокуратура на этих случаях заострила внимание всех райпрокуроров.

Эти перегибы свидетельствуют, что в отдельных случаях на местах теряют необхо-

димое чувство меры; например, в одном из районов было возбуждено уголовное дело за то, что в споре из-за вывозки удобрений на поле одна пятисотница-ударница оскорбила другую пятисотницу.

Эти дела по распоряжению облпрокуратуры направлены в с/суды.

Из анализа социального положения обвиняемых по этим делам видно, что в абсолютном большинстве это классово враждебный элемент, раскулаченные, в прошлом осужденные и исключенные из колхозов. Так, осужденных ранее за разные преступления—21 чел., исключенных из колхозов кулаков, б. городских—14 чел. и единоличников—9 чел.

Для привлечения еще большего внимания общественности к делам этой категории, создания надлежащих условий стахановцам-пятисотницам облпрокуратура на основе конкретных фактов поставила вопрос перед Обкомом КП(б)У и Облисполкомом и выступила с соответствующим материалом в областной прессе.

Мы уверены, что своевременной, быстрой и решительной репрессией, в сочетании с массово-разъяснительной работой, Харьковская облпрокуратура сумеет выполнить требования прокуратуры Союза и прокуратуры Республики о беспощадной борьбе с врагами стахановского движения и этим обеспечить его (стахановское движение) еще больший разворот.

СТЕБЛИН

Органы юстиции Ивановской области в борьбе с дезорганизаторами стахановского движения

Ряд дел, прошедших в судах Ивановской области, о преступлениях, направленных против развертывания стахановского движения и против стахановцев, позволяют нам сделать некоторые выводы как о преступности в этой области, так и о практике работы судов и прокуратуры.

Несмотря на то, что преступления совершались в самых различных промышленных предприятиях 13 районов области (изучено было 16 дел о преступлениях, совершенных на 15 предприятиях), однако все преступления можно по их характеру разбить на две основные группы.

Во-первых, преступления «инженерно-технических работников, которые упорно цепляются за старое, не хотят двигаться вперед и систематически тормозят стахановское движение» (Сталин), и, во-вторых, противодействие стахановскому движению путем преследования стахановцев классово чуждыми лицами, укрывшимися на предприятиях, и отсталыми мало-сознательными рабочими, врачами, находившимися под влиянием этих классово чуждых элементов.

Если разбить всех осужденных по этим делам по их служебному положению, то из общего числа в 21 человек — 1 инженер-теплотехник, 1 ответственный исполнитель по труду, 4 мастера, 7 подмастерьев и 8 рабочих, т. е. 13 человек относятся к первой группе.

Осужденные инженерно-технические работники тормозили движение стахановцев, снижая производительность их труда, путем ухудшения работы машин и увеличения вынужденных простоев оборудования. С этой целью умышленно производился плохой ремонт станков, вследствие чего увеличивалась брачность выработываемой продукции, станки быстро выбывали из строя, требуя нового ремонта. Стахановцы ставились в худшие условия работы: к ним в качестве вспомогательных рабочих назначались наиболее неопытные, а обученные отзывались; рабочие-стахановцы снабжались худшим сырьем и вспомогательными материалами или несвоевременно снабжались, что создавало простой станков. Также увеличивался простой оборудования, путем умышленной затяжки производимого ремонта, несвое-

временного производства вспомогательных работ и даже путем умышленной порчи машин.

Наиболее характерным делом, рисующим самые разнообразные формы саботажа стахановского движения, является дело мастеров ткацкого цеха кордного завода Ярославского резино-асбестового комбината—Быкова, Зверева и Яковлева.

Эти лица, по предварительному между собой сговору, систематически срывали работу стахановцев в своем цеху, умышленно ставя их в значительно худшие условия, чем работницы, не работающие на уплотненной работе.

В результате они добились увеличения брачной продукции у стахановок, снижения выработки, а следовательно и зарплаты.

Конкретно их деятельность заключалась в следующем: во-первых, они плохо ремонтировали и не налаживали станков стахановок, сдавали им при смене станки неисправными, незагруженными пряжей. Это приводило к простоям сверх нормы, и кроме того время простоя превышало простой на станках остальных рабочих. Во-вторых, они систематически загружали станки стахановок худшей пряжей (плохой основой, пряжей разных номеров) или оставляли их без достаточного количества пряжи, отчего машины работали с неполной нагрузкой.

Так, стахановка Чувалдина, работая систематически на плохой основе, вынуждена была снизить выработку.

Мастер Зверев заправил машину стахановки Сосиной недоброкачественной пряжей и при этом половину веретен оставил незагруженными.

Преследования рабочих-стахановцев принимали самые разнообразные формы: угрозы, побои, ругань, насмешки. Эти издевательства сочетались с действиями, срывавшими и тормозившими работу стахановцев.

Ярче всего иллюстрируют эти методы борьбы со стахановцами дела об издевательствах над стахановкой Хабибуллиной на фабрике им. Ленина в Костроме и над стахановкой Смирновой в Яковлевском.

Как только Хабибуллина первой на фабрике перешла с 3 кардмашин на 7, ее стал преследовать подмастер, сын кулака — Резнов. Он

натравливал на нее несознательных рабочих, говоря им, что Хабибуллина — выскочка и отбивает у других работниц кусок хлеба; он грозил Хабибуллиной, требуя прекращения уплотненной работы. В результате натравливания работница Виноградова пыталась избить Хабибуллину. Другой подмастер Сягин травил Хабибуллину в общежитии: ругал ее и допускал разные хулиганские выпады.

Смирнова, участница несознательного съезда стахановцев, стала объектом гонений со стороны бригадира Малковой. Малкова систематически насмехалась над Смирновой, иронизировала по поводу похвальных отзывов об ее работе в печати, обзывала ее «лжеударницей», «ударницей ради премии и ордера», сочинила и распевала стишки о том, как Смирнова «уговаривала на четверочку вставать, поработала до чаю и с четверочки бежать».

Наряду с этими издевательствами, Малкова пыталась сорвать работу Смирновой, ставя ее в худшие условия: она снимала опытных съемщиц с ватеров Смирновой, заменяя их неумельцами, которые задерживали съем; кроме того, она добилась несвоевременного производства съемов, стараясь проводить их одновременно на всех машинах, что приводило к лишнему простоям оборудования.

Какова же была работа органов юстиции по пресечению этих действий классового врага и его агентуры?

Необходимо отметить, что следствие и судебное разбирательство по этим делам органами суда и прокуратуры ИПО проводились быстро. Так, от начала следствия до вынесения приговора в среднем проходило 22 дня, при чем на следствие падало 12 дней, а на рассмотрение дел в суде — 10 дней. Отдельные же дела расследовались в 3-х и 6-дневные сроки.

Необходимо также отметить, что вокруг этих дел мобилизовалось широкое общественное мнение: все они рассматривались в показательном порядке в клубах, о них писала местная печать.

Карательная политика по этим делам соответствовала их социальной опасности: к лишению свободы от 6 до 10 лет приговорено — 3 чел.; от 4 до 5 лет — 6 чел., от 2 до 3 лет — 3 чел.; к исправительно-трудовым работам — 3 чел., к общественному порицанию — 1 чел., то-есть 75% из общего числа осужденных по этим делам было приговорено к лишению свободы.

Наряду с этими положительными результатами необходимо отметить отдельные существенные недочеты в работе суда и прокуратуры ИПО.

Самым существенным недостатком следует признать неосновательное привлечение к уголовной ответственности рабочих и техников.

Об этом свидетельствует, во-первых, то, что уголовно-кассационной коллегией облсуда было прекращено уголовное преследование в отношении трех лиц; во-вторых, то, что прокуратурой были принесены протесты на неосновательное осуждение еще двух лиц. Таким образом в отношении 24% осужденных (5 из числа 21 осужденных по исследованным 16 делам) приговоры были вынесены неправильно.

Но лучше всего о неосновательности осуждения свидетельствуют сами прекращенные и опротестованные дела.

Возьмем для примера дело по обвинению Дубоносова, стеклоvara завода им. Бухарина (Гусь-Хрустальный).

Дубоносов обвинялся в том, что он сварил недоброкачественное стекло и этим сорвал работу стахановской бригады. Из следственного материала видно, что Дубоносов месяцев пять тому назад был снят с работы стеклоvara, так как не справлялся со своей работой и неоднократно портил стекло, и только в день совершения «преступления» был снова поставлен на работу стеклоvara. Следствие не установило никакого умысла в действиях Дубоносова, тем не менее гусевская райпрокуратура и народный суд организовали «показательный» процесс.

В местной печати дело Дубоносова было освещено как вылазка классового врага (Дубоносов — кадровый рабочий с 20-летним стажем), направленная против стахановского движения.

Процесс проводился в самом большом клубе города в течение 2 дней.

Общественный обвинитель в своей «громовой» речи вынужден был просить суд «не оправдать» Дубоносова; прокурор вынужден был согласиться на переквалификацию «преступления» со ст. 109 на ст. 111 УК, а суд приговорил его по ст. 112 УК к 1 месяцу исправительно-трудовых работ.

Не трудно представить, какое «воспитательное» значение имел этот процесс.

Прекращенные и опротестованные дела свидетельствовали также о низком качестве расследования. По этому же делу Дубоносова не была исследована роль технического персонала завода, не обеспечившего работу стахановской бригады и поставившего на работу негодного стеклоvara.

По делу об обчете стахановцев на Кохомской фабрике следствие, выясняя случаи обчета рабочих, не попыталось установить, что обсчет имел целью снизить зарплату стахановцам. Из приведенного перечня рабочих, с которыми был произведен неправильный расчет, видно; что зарплата неправильно была исчислена в отношении 88 чел., что в большинстве случаев занижение выражалось в копейках, в некоторых случаях было превышение, достигавшее 10 и даже 30 руб., что неправильный расчет был произведен из-за чрезвычайной спешки и неоднократных изменений методов исчисления зарплаты.

Социальный состав осужденных (по происхождению; классово чуждых — 2, крестьян-середняков и кустарей — 5 и рабочих — 9) говорит о том, что следствие недостаточно энергично вскрывало действия проникших на фабрику классово чуждых лиц, направленные против стахановского движения.

Разоблачение деятельности этих лиц, направленной против стахановского движения, — основная задача органов юстиции в настоящий период.

Вот почему должны быть обеспечены высокое качество следствия и вдумчиво-серьезный подход к разрешению вопроса о направлении каждого дела этой категории в суд.

Быстрее перестроиться

В январском номере нашего журнала помещена статья С. Казначеева «Дела и дни московской коллегии защитников». Статья эта вызвала оживленные споры в среде московских ЧКЗ. Часть ЧКЗ стала даже утверждать, что эта статья направлена против коллективной формы обслуживания населения юрпомощью в пользу частного кабинета.

Подобного рода разговоры могли явиться только результатом желания части московских ЧКЗ уйти от реального положения вещей, создавшегося в коллективах защитников и требующего немедленного хирургического вмешательства.

О преимуществе коллективной формы труда ЧКЗ перед единоличной формой спорить не приходится, настолько это ясно и понятно. Это, к сожалению, не совсем поняла московская коллегия защитников, организовавшая коллективы на началах «добровольно-принудительного сожительства» совершенно разнородных по профессиональной и политической квалификации людей.

Между тем еще 21/ХП 1933 г. в своем докладе на общем собрании московской коллегии защитников т. А. Я. Вышинский четко и ясно указал, что «коллективы должны быть построены на абсолютно добровольных началах, представлять собой организацию лучшей части наших защитников, идейно и добровольно ставших на путь коллективной работы. Только при этих условиях коллективы защитников могут занять в нашей системе достойное место, только при этих условиях мы можем быть гарантированы от всякого рода извращений, наблюдаемых в этой области, сводящих эти коллективы к каким-то казенным учреждениям, не блещущим, к сожалению, ни талантами, ни качеством своей практической работы».

С момента выступления т. А. Я. Вышинского прошло больше двух лет. За эти два года коллегия защитников могла прекрасно перестроить свою работу. Коллегия могла и должна была пересмотреть организационные формы работы коллективов, ужесточить уравниловку в оплате труда, подготовить крепкий советский молодяк, словом, превратить коллективы в организации, обеспечивающие трудящимся Советского Союза высококачественную защиту его интересов.

Между тем, все те недостатки, которыми коллегия страдала в 1933 г., не только не изжиты в 1936 г., но приняты даже угрожающие размеры.

Вопрос тарификации ЧКЗ разрешается просто уродливо, с нарушением элементарных принципов советского трудового законодательства.

Какая еще профессия в Советском Союзе знает практику удержания с работника в пользу объединяющей его организации 50—60% заработка, кроме коллегии защитников. В то же время, даже при 50—60 и свыше % удержания, средний заработок среднего ЧКЗ в Москве составляет 600—700 руб. О чем это говорит? Это говорит о наличии неправильной, рваческой таксы гонорара, взимаемого с лиц, обращающихся в коллективы за помощью, во-первых, и о чрезмерно раздутых администра-

тивных расходах, существующих в коллективах и в коллегии в целом, во-вторых. Авторы этой «таксы» наивно делают вид, что не понимают, что существующая в коллективах «такса» и процент отчисления — сильнейший аргумент, выдвигаемый сторонниками частного кабинета против коллективов, заключающийся в том, что в частном кабинете защитник, не связанный 50—60-процентным отчислением, может взимать со своего клиента более пониженный тариф по сравнению с тем, который существует в коллективах, ибо адвокаты «единоличники» отчисляют коллегии не 50—60% своего заработка, а только 10%.

Наконец, очень серьезен вопрос и о политической подготовленности ЧКЗ. Ни для кого не секрет, что в среде московской коллегии защитников имеются люди, по своей политической грамотности уступающие не только вузовцу, но часто и школьнику. Этот вопрос тоже прошел мимо внимания коллегии. Коллегия ничего не сделала для поднятия политического уровня своих членов; отсюда — случаи неудачных политических выступлений ЧКЗ в суде, что в известной степени отражается и на судьбе подзащитного.

Московская коллегия защитников имеет в своих рядах целый ряд людей, показавших своим участием в крупных процессах не только свои адвокатские способности, но и умение по-советски подходить к фактам и политически правильно разрешать серьезнейшие проблемы, вытекающие из их адвокатской работы в процессе. Тем обиднее, что наряду с такими подлинно советскими специалистами, в ряды коллегии затесались всякого рода проходимцы и профессиональные любители ловить рыбу в любой мутной воде. Коллегия, к сожалению, ничего не сделала для изгнания этих людей из своих рядов. Не только случайной можно объяснить то, что и сейчас, при происходящей чистке рядов коллегии, эти лица, казалось бы, подлежащие проверке в первую очередь, до сих пор чистку не прошли, и даже начинают думать, что чистка их и не коснется, ибо не о них речь шла, когда ставился вопрос о чистке.

Коллегия тратит огромные суммы на подготовку кадров, говорят даже, что львиная доля адвокатских отчислений идет на подготовку кадров. А новых кадров, по существу, нет до сих пор, и в московской коллегии принято считать молодяком людей с 8 и даже 10-летним стажем, т. е. людей, стаж работы которых дает им право называться специалистами; но качество работы этих людей настолько очевидно низко, что, не имея другого способа оправдать брак в их работе, коллегия пытается объяснять это их молодостью.

В дореволюционной адвокатуре существовал совсем не плохой обычай прикрепления молодых, начинающих адвокатов к старшим, опытным адвокатам на выучку. Отбросив, конечно, связанную с этой выучкой в прошлом эксплуатацию, совсем не плохо было бы в коллективах прикрепить к каждому опытному ЧКЗ по 1—2 начинающих работника, возложив на них ответственность за практическую подготовку новой смены.

Коллективная форма работы защитников должна быть коллективной по форме своего труда. В коллективе труд должен быть основным мериллом, определяющим положение членов коллектива. К сожалению, это в коллективах защитников отсутствует, и на этом правильно заострил внимание общественности т. Казначеев.

Нельзя ни на одну минуту забывать, что от организационной формы работы коллегии зависит в известной степени и качество работы защиты в суде. Ненормальные условия оплаты повлекли за собой погоню за высокими гонорарами, часто вовсе не вытекающими ни из качества работы, ни из квалификации работника. Очень многие пледлирующие адвокаты вынуждены принимать на себя по 15—20 и даже более выступлений в месяц, что безусловно исключает возможность в какой-нибудь степени добросовестной подготовки к делу. Разве судебная практика мало знает случаев, когда защитники вступают в процесс, совершенно не зная дела, в надежде в ходе процесса изучить его. В результате такой погони за количеством в ущерб качеству, в первую очередь страдают те, кто доверил такому защитнику защиту своих интересов в суде.

Антиколлективные формы труда и методы оплаты этого труда, в корне подрывающие идею коллективов, должны быть изжиты. Для этого у московской коллегии защитников есть достаточные возможности. На основе широчайшей самокритики вскрыв все свои ошибки и очистив свои ряды от ненужного, засоряющего ее балласта, в корне своем здоровая, полезная организация—московская коллегия защитников станет подлинным объединением советской защиты.

Организация коллективов на здоровых основах укрепит эти коллективы, изживет существующую в них конкуренцию и погоню за количеством дел в ущерб качеству и будет лучшим средством борьбы с тягой в частный кабинет.

Одними административными восторгами коллективы укрепить нельзя.

Тов. Вышинский в том же докладе указал, что: «Борьбу против восстановления частных кабинетов, против самих частных кабинетов нужно вести самым настойчивым и решительным образом, но эту борьбу нужно вести образцовой постановкой в коллективах работы, высоким качеством этой работы».

К сожалению, московская коллегия не пошла по этому пути. Качество работы коллегия заменила «административным восторгом», который и привел к тому, — и это надо сказать со всей откровенностью, — что подавляющее число лучших и квалифицированных ЧКЗ стремится уйти из коллективов в частный кабинет.

Страна победоносно строящегося социализма, страна, создающая новое социалистическое общество, должна иметь и достойную этого общества советскую защиту, на которую, как и на суд и на прокуратуру, партия и правительство возложили ответственнейшую задачу защиты интересов трудящихся. Успешное выполнение этой задачи требует перехода советской защиты на советские методы работы и по форме и по содержанию.

Дальше медлить нельзя. Московской коллегии защитников нужно немедленно же перестроить свои ряды, методы и формы своей работы, подняв ее на уровень, соответствующий великим успехам и великим задачам нашего социалистического строительства.

С БЕРЕЗОВСКАЯ

Заметки о судебном надзоре¹

Количество жалоб, подаваемых в органы прокуратуры, за последние два года из месяца в месяц неуклонно растет. Так, если взять Прокуратуру СССР, то по сравнению с январем 1935 г. поступление жалоб увеличилось почти на 70%. Еще более значителен рост жалоб по Прокуратуре РСФСР. Если принять число жалоб в январе 1934 г. за 100%, то в январе 1935 г. их поступило 163%, а в мае 1935 г.—303%. Подавляющее большинство всех этих жалоб, если говорить о центральных аппаратах органов прокуратуры, составляют жалобы по судебным делам в порядке надзора.

Работа по рассмотрению жалоб и связанных с ними дел составляет в настоящее время значительнейшую часть нагрузки прокурорских органов. Поэтому правильная организация этой работы во всех звеньях прокурорской системы приобретает исключительно большое значение. Между тем дело здесь обстоит плохо.

В большинстве случаев работа по судебному

надзору имеет вид непроходимой «текучки», идущей без всякого плана следом за жалобами, без направления, без выводов. Работники, занимающиеся ею, часто напоминают белку в колесе, не видящую ни начала, ни конца своему вращению, и, главное, не улавливающую смысла его.

Между тем эта работа требует и плана и, самое главное, направления. Она требует также особой внимательности и высоких технических знаний от тех, кто ею занимается. Однако кое-где на работу по судебному надзору сажают молодых, мало опытных и мало образованных товарищей. Хорошего от этого получается мало.

Соображениями о направлении судебного надзорной работы, а также о технике ее и хотелось бы поделиться с товарищами на страницах нашего журнала.

Как ни конфузно, а приходится сказать, что первым пожеланием товарищам, работающим над жалобами, должно явиться пожелание читать жалобы **внимательно и до конца**. Несоблюдение этого золотого правила на дол-

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

гие месяцы затягивает окончательное разрешение жалобы и на много увеличивает работу самих же наших работников, вызывая необходимость повторного рассмотрения возвращающихся неправильно засланных жалоб и т. д.

Сколько приходится наблюдать случаев, когда жалоба путешествует из конца в конец нашего обширного Союза исключительно из-за невнимательности или плохой подготовленности работника, читавшего ее.

Человек жалуется на районного прокурора, который не отвечает на поданную ему жалобу. Эта жалоба, однако, шлется ему же «по принадлежности»; последственный жалуется на медленность следствия и просит об ускорении его. Высший орган прокуратуры, которому была направлена эта жалоба, вдруг **требует** к себе дело, иногда за многие и многие сотни верст, и держит у себя это дело 2—3 месяца! Осужденный жалуется на непорядки в лагере, на неприменение установленных зачетов и т. д., — орган прокуратуры, получивший эту жалобу засылает ее в край, где рассматривалось дело; осужденный просит применить к нему частную амнистию, представляя соответствующие соображения и документы, — на жалобе прокурор пишет «оставить без последствий» и т. д. и т. п.

Все эти факты объясняются только недопустимой небрежностью или юридической неграмотностью работников, читавших жалобы.

Известная часть поступающих в органы прокуратуры жалоб заканчивается истребованием дела для проверки.

Казалось бы, говорить тут не о чем. Что может быть лучше, если центральный прокурорский орган сам проверит каждое подлинное дело, по поводу которого поступила жалоба? Однако проверять все дела никто не собирается, и вопрос идет, какие именно дела надо проверять. А здесь есть о чем поговорить. В истребовании дел прежде всего должен быть совершенно определенный твердый план. План этот должен исходить и из количества и из качества дел. Надо не забывать, что дело требуется для проверки, а не для лежания в шкафу надзорной инстанции. Между тем об этом часто забывают. Дела требуют без всякого плана и даже учета.

Длительное лежание затребованных дел многих прокурорских работников мало смущает. Тут существует «теория», что для надзорного рассмотрения дел сроки не имеют значения. Это, мол, не кассационный порядок. Тут приговор вступил в законную силу, и не все ли равно, где делу лежать, в архиве или в шкафу прокуратуры. «Теория» эта не имеет, конечно, ни одного зерна истины. Прежде всего, раз дело истребовано для проверки, значит предполагается, что оно вызывает серьезные сомнения в правильности его разрешения. А раз так, то приравнивать его к архивному делу никак не приходится. При этом те живые люди, по жалобам которых дела истребуются, конечно, никак не могут понять такой «теории». Они хотят знать окончательный результат поданных жалоб. Ссылка на то, что «дело истребовано», мало кого устраивает. И эти люди справедливо возмущаются тем, что окончательного результата рассмотрения дела они не могут добиться по-многоу месяцев. Воз-

мущение это находит, в частности, выражение в многочисленных жалобах, подаваемых в КПК, КСК, СНК и т. д. на волокиту в органах прокуратуры с рассмотрением жалоб в порядке надзора.

Наконец, длительное лежание надзорных дел в шкафах действует разлагающе на наш технический аппарат. Стоит послушать разговоры секретаря любого отдела с публикой в часы выдачи справок по делам. На него сыплются все нападки и нарекания посетителей на медлительность и волокиту с рассмотрением дел. Постепенно он перестает реагировать на эти нападки и овладевает тем отвратительным формально-бюрократическим способом разговора с публикой, которым отличаются некоторые работники наших советских учреждений. Медлительность рассмотрения ответственными исполнителями дел в порядке надзора заставляет технических работников думать, что вообще торопиться в нашем деле некуда, и соответственно относиться к своей работе.

Говорят, что при истребовании дел в порядке надзора нельзя иметь никакого количественного плана, так как, мол, количество здесь определяется существом жалоб. Если по жалобам видно, что дело разрешено явно неправильно, надо его требовать, не считаясь ни с чем. Последнее, конечно, верно, но тем не менее вопроса о плане оно не устраняет. Разумеется, что определить число дел, которые будут истребованы на данный месяц, можно только при том условии, если хорошо знаешь, с чем имеешь дело. Конкретная обстановка может поставить вопрос и об увеличении числа работников в данном отделе на данное время. Но соответствие реальных рабочих возможностей с количеством затребованных дел должно быть обязательным.

В основном это должно идти за счет правильного подхода к истребованию дел и правильного выбора метода проверки жалобы.

Жалобы в порядке надзора нельзя разрешать «по интуиции» и в зависимости от того, насколько они «жалобно» составлены. А это у нас бывает.

Мы как будто забываем, что надзорный порядок это **исключительный порядок** и что поэтому истребование дел должно иметь исключительные же причины.

Чаще всего дела истребуются в связи с жалобами на суровость назначенной судом меры наказания. И как-раз здесь допускают наибольшие «надзорные перегибы».

Определение степени «суровости» при системе наших уголовных кодексов, дающих судам право назначать наказания в пределах «от и до», нельзя ставить в зависимость от характера и других личных качеств лица, просматривающего дело.

Мы считаем, что требовать дело по мотиву неправильного определения судом меры наказания возможно, как правило, в следующих случаях: когда преступнику установлен высший предел наказания, предусматриваемый данной статьей, в то время как совершенное преступление не имеет отягчающих обстоятельств, указанных в данной статье или общей части УК; второй случай — когда судом явно нецелесообразно избран самый характер наказания; это относится к тем статьям, по которым может быть установлено наказание в ви-

де как лишения свободы, так и мер, не связанных с лишением свободы; здесь и в порядке надзора могут быть найдены достаточно объективные данные для суждения о том, правильно ли избран судом характер наказания. Наконец, третий случай — когда речь идет о соразмерности назначенных наказаний между отдельными участниками преступления. В порядке надзора и можно и следует опротестовывать приговоры, которые устанавливают; например, одинаковые наказания как основным виновникам — организаторам преступлений, так и рядовым их участникам или пособникам. Это — вопрос уголовной политики, и поправки в порядке надзора здесь вполне допустимы и уместны. Этими тремя случаями в основном должны исчерпываться случаи истребования дел в порядке надзора по вопросам о мере наказания, без изменения статьи, по которой квалифицировано преступление.

Несколько слов об одной очень распространенной категории жалоб, поступающих в порядке надзора. Это жалобы, в которых осужденные не признают самого факта приписываемого им преступления. Эти жалобы, разумеется, требуют особо внимательного подхода.

Соблюдение некоторых основных принципов рассмотрения жалоб в порядке надзора, а также правильный выбор способа проверки дела значительно сократили бы количество истребуемых сейчас дел.

Но, с другой стороны, необходимо практиковать истребование дел известной категории в порядке ревизии работы судебно-прокурорских органов. Соответственно с этим иной подход должен проявляться и к жалобам, подаваемым по намеченной категории дел. Если при анализе жалоб (который должен быть составлен обязательно) выявились крупные ошибки при рассмотрении определенной категории дел в той или иной области, — истребование дел по жалобам, относящимся к данной области и категория дел, не должно обставляться столь же строгими требованиями.

Довольно часто по материалам жалобы возникает необходимость дать поручение органу прокуратуры на месте о проверке указываемых в жалобах фактов, с присылкой заключения о результатах проверки. Это относится и к жалобам по судебным делам.

Нередко жалобщик ссылается на такие обстоятельства дела и мотивы, которые при подтверждении могли бы дать основание для постановки вопроса о принесении протеста на приговор суда. Во же время принципиальных вопросов, требующих единого разрешения, устанавливающих известную линию работы, — жалоба не вызывает. В таких случаях вполне возможно и целесообразно поручать проверку дел в порядке надзора нижестоящим органам прокуратуры по месту нахождения дела. Проверка эта может происходить как под контролем вышестоящего органа, т. е. с присылкой ему заключения по делу и возвратом жалобы, так и (в более редких случаях) без специального контроля — с сообщением результатов проверки дела непосредственно жалобщнику.

Этот способ разрешения жалоб встречается у некоторых товарищей возражения. Говорят, что

проверка дел на месте ничего не может дать, так как, якобы, места относятся к ней формально и даже более того — пристрастно. Будто бы присылаемые краевыми и областными прокурорами заключения о проверке дел в подобных случаях всегда сводятся к признанию жалобы неосновательной, и будто бы прокуратура соответствующей республики или Союза, получив такое заключение, не в состоянии вскрыть содержащихся в нем неправильностей. Таким образом получается, якобы, штампование вышестоящим органом неправильных решений нижестоящих органов.

В этих возражениях правильно только одно, что места не всегда стоят на высоте призвания и что они недостаточно хорошо выполняют даваемые им поручения. Но это относится вообще ко всей нашей работе, а отнюдь не специально к проверке судебных дел по поручениям Прокуратуры Союза.

Если умеючи выбирать жалобы, направляемые на места с поручением проверки дела, правильно ставить вопросы, подлежащие проверке и затем внимательно изучать присылаемые заключения, обязательно добиваясь исчерпывающего ответа на поставленные вопросы, — способ этот дает неплохие результаты.

Практика отдела ТКФ Прокуратуры СССР, пользующегося этим способом, говорит, что в десяти, примерно, процентах случаев проверка дел на местах по поручению Прокуратуры Союза заканчивается принесением протестов на приговоры судов. Из числа присылаемых заключений о неосновательности жалобы 10 — 15% отделом отклоняются и дела истребуются для проверки в Прокуратуру СССР. Таким образом, нет ни огульного оставления местами жалоб без удовлетворения, ни штампования заключения с мест. Правда, процент приносимых протестов по этим делам, проверяемым в указанном порядке, значительно ниже, чем по делам, непосредственно истребуемым Прокуратурой СССР (примерно 25% против 50%). Но нужно учесть, что все те жалобы, из ознакомления с которыми вытекает более или менее ясная необходимость принесения протеста, — на места не посылаются, а дело требуется прямо Прокуратурой СССР.

Повторяем однако, что приведенный способ разрешения жалоб требует особо внимательного, квалифицированного подхода со стороны дающего поручение органа и соблюдения местным органом прокуратуры ряда обязательных технических требований, которые бы предотвратили могущую возникнуть медленность и волокиту при рассмотрении жалоб.

Очень часто жалобы подаются без приложения приговора. Приходилось встречаться с работниками, которые в этих случаях вообще оставляли такие жалобы без рассмотрения. Это, разумеется, неправильно.

Прежде всего, для разрешения жалобы по существу далеко не всегда необходим приговор. В тех же случаях, когда он необходим, орган прокуратуры, рассматривающий жалобу, обязан проявить инициативу и обеспечить представление приговора.

Здесь возникает один технический вопрос, имеющий большое практическое значение. Это вопрос о том, как обеспечить представление приговора. На кого прокуратура должна возл

лагать эту обязанность, на жалобщика, на суд или место заключения?

Мы считаем, что, как правило, приговор должен представляться жалобщиком. Поэтому при подаче жалобы без приговора, орган прокуратуры, рассматривающий жалобу, должен предложить жалобщнику представить копию приговора (если в данном случае он необходим)¹. Прежде всего это вносит известную дисциплинированность в дело подачи жалоб. Приходится нередко наблюдать, что в жалобах, подаваемых без приговоров, заведомо искажаются фактические обстоятельства дела, вплоть до неправильного указания срока лишения свободы, определенного приговором. Подавая такую жалобу, осужденный хочет лишь добиться затребования дела, рассчитывая, что раз уж дело затребовано, при рассмотрении его он что-нибудь да выиграет. Обязательное представление приговора избавит органы прокуратуры от получения подобных, а также явно безнадлежащих жалоб.

Если жалобщик находится в лагерях или тюрьме, приговор целесообразно требовать от администрации данного места заключения, а не из суда, рассматривавшего дело. Необходимо учесть, что возложение на нарсуды обязанности высылать приговоры во все инстанции, куда обращается жалобщик, ложится на них очень тяжелым бременем. Многие нарсуды не имеют даже пишущих машинок, и приговоры им приходится переписывать от руки. Между тем в лагерях, как правило, в материальном отношении дело обстоит гораздо лучше.

Только в тех случаях, когда жалоба при-слана из отдаленных лагерей, а между тем она требует быстрого рассмотрения, — за приговором следует обращаться в нарсуд (конеч-

но, если он расположен ближе). Во всяком случае о решении прокуратуры жалобщик должен быть поставлен в известность.

Прокуратуры республик и отделы Прокуратуры СССР чрезвычайно редко практикуют непосредственный отказ по жалобам. Предпочитают направлять жалобы на место «по принадлежности».

Тут часто налицо стремление уклониться от ответственности за правильность отказа, переложить ее на низовое звено.

Мы считаем, что если в жалобе содержится все элементы, необходимые для разрешения ее по существу, то она и должна быть разрешена тем прокурорским органом, который ее получил, без пересылки «по принадлежности». В частности, недопустима, как правило, такая пересылка, когда к жалобе приложен приговор и все документы, на которые жалобщик ссылается. В самом деле, какие преимущества будет иметь местный орган прокуратуры при рассмотрении такой жалобы перед центральным? Исключения могут быть допущены только для жалоб по делам, имеющим какую-либо местную обусловленность, где при вынесении решения по жалобе необходимо учитывать дополнительные, возможно, недостаточно известные центральному органу обстоятельства.

По вопросам техники и принципов проверки самих дел в порядке надзора и, в частности, по вопросам проверки дел на местах — следует поговорить особо. Тут накопился целый ряд вопросов и, очевидно, взаимных претензий работников центральных органов прокуратуры и местных работников, которые было бы очень желательно обсудить на страницах нашего журнала.

С. БРОДОВИЧ

О борьбе с незаконными сборами и нарушениями финансово-бюджетной дисциплины

Несмотря на то исключительное значение, которое имеет строгое соблюдение финансово-бюджетной дисциплины для успешного разрешения важнейших задач социалистического строительства, финансовая работа до настоящего времени не привлекла к себе серьезного внимания со стороны местных органов прокуратуры.

Оставление вне поля зрения этого важнейшего участка большинство местных прокурорских работников оправдывает тем, что непосредственная борьба с извращениями в финансовой работе осуществляется финансовыми органами, благодаря чему, якобы, излишне вмешательство в эту область органов прокурор-

ского надзора. В отдельных случаях дело доходит до того, что некоторые районные прокуроры, последовательно проводя эту точку зрения, не только не борются с нарушениями финансово-бюджетной дисциплины и не интересуются результатами той борьбы, которую проводят в этой области финансовые органы, но не оказывают даже этим последним помощи в тех случаях, когда те к ним обращаются за необходимым содействием.

Само собой разумеется, что столь безразличное отношение органов прокуратуры к вопросам соблюдения финансово-бюджетной дисциплины, имеющим первоочередное значение для обеспечения выполнения народнохозяйственного плана, ни в какой мере не способствует укреплению в данной области социалистической законности. Наоборот, можно с уверенностью сказать, что такой образ действия

¹ Это, однако, ни в коем случае не должно задерживать поверочные действия органа прокуратуры. — Редакция.

является одной из причин широкого распространения незаконных сборов, неправильного использования бюджетных средств, значительного превышения управленческих расходов против размера их, предусмотренного по плану, задержек сдачи хозорганами собираемых ими средств в кредитные учреждения и других нарушений финансовой дисциплины, а также отступлений от установленного законом порядка составления и утверждения местных бюджетов.

Тревожным симптомом при этом является то обстоятельство, что отмеченное выше индифферентное отношение местных органов прокуратуры к борьбе за финансово-бюджетную дисциплину остается неизменным до настоящего времени, несмотря на то, что за последние 7—8 месяцев правительством издан целый ряд законодательных актов, фиксирующих с особенной силой внимание всех местных органов и работников на этом важнейшем вопросе. Среди этих законодательных актов необходимо отметить в первую очередь постановление ЦИК и СНК СССР от 1/VII 1935 г. «О порядке проведения добровольных сборов», категорически запретившее, в целях борьбы с незаконным налоготворчеством, проведение советскими и общественными организациями каких бы то ни было добровольных сборов, за исключением специально разрешенных Совнаркомом СССР. Установив этот запрет, закон 1 июля предусмотрел ответственность за его нарушение не только в отношении руководителей соответствующих организаций, но и лиц, непосредственно проводивших незаконные сборы, и председателей ревизионных комиссий добровольных обществ.

Наряду с только-что названным законом необходимо указать и на постановление ЦИК и СНК СССР от 31/V прошлого года, установившее строгую ответственность за незаконный выпуск денежных суррогатов и разного рода займов и иных ценных бумаг, как действий, подрывающих кредит и денежное обращение.

Вслед за этими двумя законами, направленными против отдельных, наиболее серьезных нарушений финансового законодательства, большое значение имеют принятые 2 сессией ЦИК СССР VII созыва постановления «О едином государственном бюджете Союза ССР на 1936 г.» и «Об отчете по исполнению госбюджета за 1934 г.», содержащие общую директиву об укреплении финансово-бюджетной дисциплины.

В первом из названных постановлений указывается: «Сессия ЦИК СССР особо отмечает, что в условиях усиления роли денег и укрепления советского рубля огромное значение приобретает дальнейшее упорядочение всей бюджетной работы, полное выполнение доходов, предусмотренных бюджетом, строго целевое использование средств, отпускаемых по бюджету, своевременное и полное выполнение всеми хозорганами их обязательств по отношению к бюджету и строжайшее соблюдение бюджетной дисциплины и установленных законом правил расходования бюджетных средств». Те же моменты отмечаются в постановлении сессии ЦИК СССР по отчету об исполнении единого государственного бюджета за 1934 г., причем НКФину СССР предлагается во всех случаях обнаружения нарушений финансово-бюджетной дисциплины приостанав-

ливать бюджетное финансирование соответствующих организаций, немедленно доводя об этом до сведения правительства, местных исполкомов или соответствующих хозяйственных органов.

Наконец, следует упомянуть о постановлениях правительства 3/VIII прошлого года и 4/I текущего года, укрепивших финансовую базу сельсоветов и обеспечивших охрану их бюджетных прав, что явилось особенно важным в условиях мощного роста колхозного строительства и проведения в жизнь Сталинского колхозного устава.

Значительно расширив и уточнив доходные источники сельского бюджета, эти постановления создали почву для развертывания сельсоветом широкой хозяйственной деятельности и, вместе с тем, путем установления четкого порядка составления сельского бюджета устранили в дальнейшем возможность «ущемления» бюджетных прав сельсоветов или, как указывал на сессии ЦИК СССР т. Гринько, «создания условий для того, чтобы сельсовет и его председатель почувствовали себя теперь настоящими хозяевами бюджета».

Укрепив таким образом сельсоветы, рассматриваемые постановления правительства вместе с тем возложили на последние ответственность за строгое соблюдение финансово-бюджетной дисциплины и охрану прав налогоплательщиков, займодержателей и вкладчиков в сберкассы.

На основе директив, содержащихся в приведенных постановлениях правительства, конкретные указания относительно проведения тех или других мероприятий по борьбе с нарушениями финансового законодательства были даны прокуратурой СССР и союзных республик, а также Наркомфином СССР. Из числа директив, исходящих от последнего из названных органов, особенного внимания заслуживает подписанный т. Гринько 2/VII 1935 г. приказ, указывающий финорганам, что «взимание незаконных сборов, под каким бы предлогом это ни проводилось, является государственным преступлением», и обязывающий эти органы самым решительным образом бороться с этими самочинными поборами, учитывая, что они «подрывают финансовую политику партии и советской власти, нарушают интересы трудящихся и позорят финансовый аппарат».

Наличие ряда директив по вопросу об усилении борьбы с нарушениями финансово-бюджетной дисциплины свидетельствует о неблагоприятном положении дела на данном участке социалистического строительства. На это же указывает и постановление Совнаркома СССР от 29/X 1935 г. о незаконных сборах и нарушении финансовой дисциплины в Харьковской области. «На основании проверки, произведенной комиссией советского контроля при СНК СССР, — указывается в этом постановлении, — Совнарком СССР устанавливает, что Харьковский областной и городской финотделы и ответственные за их работу Харьковский обл. исполком и Харьковский горсовет в 1934—35 гг. допустили ряд грубейших нарушений советских законов и финансово-бюджетной дисциплины. Харьковский горсовет практиковал взимание ряда незаконных налогов и сборов: помимо установленного законом разового сбора, на городских базарах дополнительно взималось с колхозников по 90 коп. с кило-

грамма продаваемого мяса, 7% с выручки за продукты и т. д.; самовольно была повышена арендная плата за торговые помещения сверх установленных законом размеров; были установлены особые сборы за утверждение вывешивания, за выдачу разрешений на окраску домов и др.».

Помимо самовольного налогов творчества в том же постановлении отмечаются существенные нарушения бюджетной дисциплины, в частности, создание бесконтрольных «специальных средств», образуемых за счет прибылей от незаконной коммерческой деятельности, раздача государственных средств руководящим работникам финорганов и других ведомских организаций под видом премирования, превышение на 4,3 млн. руб. по области и на 1,3 млн. руб. по городу установленных размеров административно-управленческих расходов и т. п.

Выявленные Комиссией советского контроля грубые нарушения финансово-бюджетной дисциплины в Харьковской области отнюдь не являются исключением. Наоборот, данные, относящиеся к другим областям и городам, показывают, что извращения, отмеченные в постановлении СНК СССР от 29/X, наблюдаются и далеко за пределами Харьковской области. Для доказательства этого достаточно сослаться на следующие весьма убедительные документы: прежде всего, постановление Совнаркома РСФСР от 26/XI 1935 г. «О результатах ревизии местного бюджета Азово-Черноморского края и бюджета г. Ростова на Дону» и затем постановление Наркомфина РСФСР от 31/VIII прошлого года, относящееся к Бурято-Монгольской АССР и от 8/IX, относящееся к Воронежской и Московской областям. В первом из этих актов указывается: «Президиум Азово-Черноморского крайисполкома при утверждении свода бюджетов края на 1935 г. одновременно утвердил параллельный дополнительный бюджет по г. Ростову на 10,6 млн. руб., допускающий превышение лимитов капиталовложений; при этом дополнительный бюджет не был доложен пленуму крайисполкома и не сообщен Наркомфину РСФСР. В исполнении бюджета крайисполком допустил ряд грубейших нарушений финансово-бюджетной дисциплины, выразившихся в производстве внебюджетных расходов на сумму 2,2 млн. руб., значительное превышение административно-управленческих расходов по краевому аппарату и др.». В отношении Ростовского горсовета в том же постановлении отмечается, что он «допустил внебюджетные расходы на сумму 2,6 млн. руб., значительное превышение управленческих расходов против утвержденных по плану, незаконное повышение ставок разового рыночного сбора и другие незаконные поборы с трудящихся. Пролетарский райфинотдел г. Ростова стал на путь прямых антигосударственных действий, незаконно присвоив в местный бюджет свыше 400 тыс. руб. государственных доходов».

Еще более яркую картину нарушений финансового законодательства вскрывает постановление Наркомфина по Бурято-Монголии. В нем отмечаются следующие основные недостатки финансовой работы: 1) невыполнение постановления Совнаркома РСФСР от 29/X 1934 г. «Об укреплении сельских бюджетов» и «заким» бюджетных прав сельсоветов; 2) от-

сутствие четкого порядка построения, планирования и исполнения бюджета; 3) нарушение директивы правительства о сокращении управленческих расходов; 4) недооценка значения борьбы за финансовую дисциплину и режим экономии; 5) неудовлетворительное проведение квитанционной системы при приеме платежей; 6) плохое состояние финансовой отчетности и наконец, 7) допущение грубых нарушений финансово-бюджетной дисциплины. По своему характеру последние нарушения сводятся: к массовому распространению в сельсоветах растрат и использования госбюджетных средств на местные нужды (растраты обнаружены в 26 из 55 обследованных сельсоветов, а неправильное использование госбюджетных средств — в 12 сельсоветах); к самочинному налогов творчеству, а именно — установлению сбора с колхозов на оборудование пекарни сельПО (Шершинский сельсовет), проведению сборов на ремонт школы и содержание сторожа (Янгутский и Вершининский сельсоветы); к созданию двойного бюджета и расходованию бюджетных средств на сверхсметные нужды, к перерасходованию и неправильному использованию фондов непредвиденных расходов; к сокрытию при составлении бюджета размеров отдельных доходных источников; к внеплановому строительству и нарушению правил финансирования капитального строительства и, наконец, к использованию бюджетных средств на выдачу ссуд организациям, не имеющим отношения к местному бюджету, и др.

Чтобы убедиться, что приведенные извращения в финансовой работе не могут быть отнесены на счет особых условий Бурято-Монгольской АССР, достаточно ознакомиться с постановлением Наркомфина о результатах ревизии местных бюджетов в двух центральных областях, а именно — Московской и Воронежской.

В постановлении Наркомфина РСФСР от 8/IX 1935 г., относящемся к этим областям, указывается: «Как в Воронежской и Московской областях, так и в городе Москве за время после издания приказа т. Гринько от 2/VII вскрыто большое количество фактов налогов творчества и незаконных поборов. В ряде районов г. Москвы обнаружено взимание незаконных сборов за разрытие улиц и тротуаров, отчисления в размере 2 коп. от килограмма продаваемого картофеля на постройку овощехранилищ и ½ коп. на расходы, связанные с заготовкой, плата за телесный осмотр работников общественного питания, взимание в школах с учеников за пользование раздевалкой. В Московской области в 40 районах обнаружено взимание с населения сборов на школьное строительство, за ветобслуживание, за постройку пекарни, на культурные мероприятия в колхозах, на звуковое кино и т. п.».

В 11 районах Воронежской области, как указывается далее в этом постановлении, выявлено взимание особого сбора с каждой крестьянской трубы на содержание пожарной части, а также сборов «по 1 руб. с каждого двора на содержание квартальных уполномоченных, по 18 коп. с га — на содержание счетоводов МТС и 20 коп. с га — на культурное обслуживание трактористов и др.».

Несмотря на обширность приведенного перечня, он, несомненно, не полон. Так, например, в нем не нашли себе места упоминание о весьма распространенных в Москве, как и

в других городах, различного рода незаконных сборах в жилищных организациях. Как показало обследование, проведенное московскими финорганами, в жактах практикуется самообложение на покрытие административно-управленческих расходов домоуправлений, на содержание членов правлений, на оплату дворников, ночных сторожей и уборщиц и т. п., сборы на вывозку мусора, самочинный налог с временных жильцов и пр., а в домах жилтревств, наряду с некоторыми из указанных сборов, также отчисления на образование и пополнение не предусмотренного законом для этих домов культфонда. Самочинно устанавливая поборы, некоторые жилищные организации, помимо того, произвольно изменяют предельные размеры и порядок проведения сборов, предусмотренных действующим законодательством. Так, нередко сборы на капитальный ремонт проводятся в жактах в размере, превышающем установленный законом предел в виде 3-месячного оклада квартирной платы, и при этом раскладываются между жильцами не соответственно размеру платимой ими квартплаты, а пропорционально занимаемой площади.

Помимо жилищных организаций незаконные сборы практикуют также некоторые другие учреждения, и кроме того, немалое число их проводится в скрытой форме под видом установления платы за оказание населению различного рода «услуг». Такой характер носит, например, взимание платы за выдачу разрешений на разрытие улиц в городских поселениях или за клеймение мяса, предназначенного к продаже на рынках, и др. Как видно из этих примеров, в приведенных случаях едва ли может идти речь об оказании специальных услуг населению, так как соответствующие учреждения выступают исключительно в качестве органов власти, к которым заинтересованные лица обращаются за получением санкции на те или другие действия.

Хотя отмеченные выше факты грубых нарушений финансово-бюджетной дисциплины относятся к концу 1935 г., ошибочно было бы полагать, что к настоящему времени они уже изжиты. Доказательством тому служит отчет недавно закончившейся сессии ЦИК СССР, в котором встречаются указания на все еще имеющие место многочисленные случаи нарушений финансового законодательства как в сельских местностях, так и в городах, в том числе и в крупнейших пролетарских центрах.

Все это показывает, что вопросы укрепления финансово-бюджетной дисциплины поставлены в данный момент со всей остротой как неотложные вопросы сегодняшнего дня, настоятельно требующие скорейшего урегулирования.

Вместе с тем, поскольку до сих пор борьба с нарушениями финансового законодательства неизменно оказывалась недостаточно эффективной, следует в настоящее время поставить вопрос об отыскании новых способов обеспечения финансово-бюджетной дисциплины.

Одним из этих способов может и должно быть активное включение в эту борьбу местных органов прокуратуры, так как предшествующий опыт убедительно показал, что одними своими силами, без помощи со стороны, финансовые органы не могут добиться решающих успехов в области искоренения нарушений финансового законодательства.

Приняв непосредственное участие в борьбе на финансовом фронте, органы прокуратуры для преодоления имеющегося здесь серьезного прорыва должны добиться пересмотра применявшихся ранее методов борьбы под углом зрения их всемерного углубления и усиления.

Особое внимание при этом должно быть уделено проведению мероприятий по предупреждению нарушений финансово-бюджетной дисциплины. В этих целях органы прокуратуры должны принять все меры к самому широкому ознакомлению с финансовым законодательством как работников низовых советских органов, членов их секций и депутатских групп, так и группирующегося вокруг них общественного актива — рабочих и колхозников и иных категорий трудящихся. Весьма важным также является обеспечение усиления работы финансовых секций и секций революционной законности и активизации налоговых и страховых комиссий, комсовов и контрольных постов, а равно оказание помощи проведению смотров, конкурсов и других массовых мероприятий, способствующих упорядочению финансовой работы.

Наладив надлежащим образом профилактическую работу, органы прокуратуры должны затем уделить внимание мероприятиям по борьбе с нарушениями финансового законодательства. Для этого прежде всего следует обеспечить получение исчерпывающей информации от финорганов о состоянии финансово-бюджетной дисциплины и всех обнаруженных в этой области нарушениях. При этом, в случае получения с мест неблагоприятных сведений, работники местных органов прокуратуры, в тесном контакте с финансовыми органами, должны проводить обследования финансовой работы соответствующих учреждений и организаций для выявления допущенных нарушений, особенно — незаконных сборов, неправильного расходования бюджетных средств, задолженности по зарплате, неправильного удержания с рабочих и служащих сумм по налогам и займам и др.

При обнаружении таких фактов органами прокуратуры должны приниматься меры к немедленному их прекращению и привлечению, в соответствующих случаях, виновных к уголовной ответственности. Помимо этого, при особой серьезности нарушений или систематическом их характере, прокуроры должны сигнализировать об этих фактах местным исполкомам и советам и вышестоящим органам прокурорского надзора.

Есть все основания предполагать, что осуществление указанной программы мероприятий, если и не приведет на первых порах к полному искоренению нарушений финансово-бюджетной дисциплины, то во всяком случае обеспечит резкое сокращение численности этих нарушений и исчезновение грубейших их разновидностей, что само по себе будет уже означать значительный успех.

Нельзя ни на минуту упускать из виду, что грубейшие извращения в финансовой работе, обнаруженные Комиссией советского контроля в Харьковской области, Совнаркомом РСФСР в Азово-Черноморском крае, Наркомфином в Бурят-Монголии или Ворожежской области могли иметь место лишь вследствие бездеятельности не только финорганов, но и органов прокурорского надзора, и что, следовательно,

эти последние несут полную ответственность за указанные возмутительные факты.

Осознав эту ответственность, органы прокуратуры должны решительно покончить с попытками отмежеваться от надзора за соблюдением финансово-бюджетной дисциплины и взять в дальнейшем эту область под самое тщательное наблюдение.

Необходимо помнить, что строгое соблюдение финансово-бюджетной дисциплины является одной из основных предпосылок выполнения народнохозяйственного плана, в частности, плана третьего, стахановского года второй пятилетки, и необходимым условием дальнейшего улучшения материального положения трудящихся.

Е. ЛЬВОВ

Борьба со спекуляцией—важнейшая задача суда и прокуратуры

Закон от 22/VIII 1932 г. о борьбе со спекуляцией не случайно был издан вслед за историческим законом 7/VIII. На XVII партийном съезде товарищ Сталин, говоря о величайших победах нашей страны, указал на то, что «задача развертывания товарооборота и решительного улучшения транспорта является той очередной и актуальнейшей задачей, без разрешения которой мы не можем двигаться вперед». Партия под руководством товарища Сталина и после XVII съезда одержала новые блестящие победы как в области развития товарооборота, так и в деле улучшения всех отраслей транспортного хозяйства, и наша страна в своем развитии гигантски продвинулась вперед.

Охранять основу советского строя—социалистическую собственность, вести борьбу за развитие, подъем и укрепление советской торговли—вот два определяющих, важнейших участка судебно-прокурорской работы. Советская торговля—торговля без капиталистов, без спекулянтов,—этому учит нас товарищ Сталин, и в этом огромное значение борьбы со спекуляцией, которая должна вестись неослабно, которая должна стоять в центре внимания судебных и прокурорских органов, несмотря на то, что мы перешли к свободной советской торговле, не знающей рационализации и двойных цен. Поэтому судебные органы должны систематически изучать практику борьбы со спекуляцией, чтобы во-время исправлять все ее недостатки, чтобы в борьбе за советскую торговлю правильно применять такое серьезное оружие, каким является закон от 22/VIII.

Московский городской суд недавно закончил изучение всех дел о спекуляции, которые прошли через народные суды Москвы за 1935 г. и принял по этому вопросу развернутое постановление, сделав необходимые выводы.

Сравнивая количество осужденных за спекуляцию в 1935 г. с данными за 1933 г., мы установили, что в 1935 г. было осуждено за спекуляцию вдвое меньше. Это значительное снижение является результатом мероприятий партии и правительства, направленных на дальнейшее расширение и укрепление советской торговли, а также и результатом той борьбы со спекуляцией, которая велась органами диктатуры пролетариата на базе закона 22/VIII. Сокращение количества спекулянтов отнюдь не означает, разумеется, что мы можем свернуть борьбу с ними. Наоборот, судебная практика свидетельствует о необходимости еще большего усиления бдительности в этой области,

ибо враг прибегает к более тонким и скрытым формам сопротивления.

Местами, наиболее пораженными спекуляцией, являются рынки. 94% дел возникли на рынках и только 6%—вне их. Резко выделяется Ярославский рынок, на который падает 27,8% дел. Этим, в частности, следует объяснить то, что наибольшее количество дел о спекуляции приходится на Дзержинский район. Объектами спекуляции являются самые разнообразные товары и продукты, но среди всего многообразия предметов спекуляции резко выделяются обувь, мануфактура и мука. На эти товары, наиболее жизненно необходимые, падает 53,1%. Одежда, предметы хозяйственного обихода и мясо дают 25,9%.

Изучая спекулянтскую «дислокацию» и предметы спекуляции, мы исследовали и вопрос о том, где спекулянты добывают товары для перепродажи. Анализ материалов в этой части показал, что 39,4% товаров приобреталось в государственных магазинах, 25,3% товаров скупалось на рынках и 25,1% товаров скупалось у трудящихся, в том числе и у колхозников. Таким образом объекты спекуляции, способы их получения и места, где спекуляция и спекулянты еще встречаются, говорят со всей серьезностью о вредности этого явления.

Социальный состав людей, привлеченных к ответственности за спекуляцию, говорит о сравнительно высоком проценте женщин (41%), занимающихся спекуляцией, но при этом надо иметь в виду, что среди них мы имеем 21,7% домашних хозяек. Обращает на себя внимание и довольно высокий % людей в возрасте от 41 и свыше 50 лет. Таких людей мы встречаем в количестве 28,7%. 5,4% инвалидов по возрасту относятся преимущественно к этой категории. Из всех привлеченных 15% имели в прошлом судимости и 15,1% не имели определенных занятий. Эти два почти совпадающих показателя бесспорно падают на одних и тех же лиц. Надо сказать, что для этого вида преступлений процент судившихся и не имеющих определенных занятий недостаточно высок. В общей массе привлеченных он должен был занимать большее место. Это говорит о том, что некоторой части преступных элементов удается уйти от органов расследования. Рабочие и служащие составляют 48,9%. Немного больше трети из них состояли в профсоюзах. Очевидно, здесь большей частью мы имеем дело с людьми, недавно пришедшими на производство. Таково лицо тех, кто был привлечен к ответственности за спекуляцию.

Обратимся теперь к данным об осужденных народными судами. Как выглядят они? Сопоставляя статистику этих двух качественно различных моментов, мы констатируем довольно заметные коррективы, внесенные судебной политикой: количество рабочих снизилось на 4,7%, служащих — на 1,5%, а количество лиц без определенных занятий повысилось на 4,3%.

В решениях I Всесоюзного съезда работников юстиции, в неоднократных выступлениях т. Вышинского указывалось на то, какое огромное влияние на судебную работу, на исход судебного рассмотрения дела имеет качество предварительного расследования. А т. Крыленко на съезде работников юстиции Оренбургской области прямо заявил: «Следователь — это, товарищи, главный рычаг в уголовном деле; решение суда на 90% зависит от того, как проведено следствие, на 90%, а у нас часто смотрят на следователя, что это «последняя спица в колеснице». Как же обстоит дело у нас по Москве с предварительным расследованием по делам о спекуляции? Обеспечивало ли оно на 100% правильность судебной работы? Изучение годового опыта Москвы говорит о том, что судам приходится крепко выправлять ошибки органов расследования и городской прокуратуры. Достаточно сказать, что в отношении 30% всех привлеченных к уголовной ответственности за спекуляцию были вынесены определения о прекращении дел и оправдательные приговоры, причем ни одного протеста по этим делам прокуратура не принесла. Кто же эти люди, которых напрасно задерживали, сажали в тюрьму и предавали суду? Среди них мы имеем: 40,5% рабочих, 23,8% служащих, 23% домашних хозяек, 8,2% других категорий трудящихся и 4,5% лиц без определенных занятий. Когда вдумаясь в эти цифры, невольно вспоминаешь слова т. Вышинского о том, что «наш аппарат не является совершенным, и попавший в орбиту нашего влияния иногда подобен тому, кто попадает под автомобиль»¹.

Характеристика состояния расследования и прокурорской работы по этим делам, к сожалению, не может быть исчерпана сказанным. 10/VI 1935 г. Прокуратура Союза издала циркуляр, в котором даются указания о том, когда не следует вовсе привлекать трудящихся к ответственности и в каких случаях преступление надо квалифицировать по ст. 16—105. По Москве же за прошлый год мы имели 98,1% привлеченных по ст. 107 и только 1,9% по ст. 16—105 УК. В этой же связи следует остановиться на нашей надзорной практике. В президиум Мосгорсуда за весь год поступило всего 42 прокурорских протеста. И вот какие любопытные данные мы имеем об их распределении по мотивам: за необследованность дел с требованием их к новому рассмотрению со

стадии предварительного следствия было принесено 10 протестов; за отсутствием состава преступления с требованием прекратить дела — 9 протестов; о переклассифицировании со ст. 107 на ст. 105 — 1 протест; о снижении наказания и применении ст.ст. 51 и 53 УК — 14 протестов, и только 8 протестов было принесено на мягкость приговоров.

Отсутствие внимания со стороны органов прокуратуры Москвы к важнейшему виду преступлений — спекуляции не вызывает сомнений. Чем, как не недооценкой этих преступлений, можно объяснить, что 86,5% всех дел о спекуляции, прошедших через нарсуды, были рассмотрены в подготовительных заседаниях в отсутствие прокурора, а по Фрунзенскому району прокуроры не были ни разу? Иной оценки мы не можем дать и тому факту, что в прокуратуре для утверждения обвинительных заключений 16,3% дел находилось до 20 дней, а 8,3% дел — до месяца и свыше двух.

Карательная политика судов в основном определяется тем, что 63,3% по ст. 107 УК были приговорены к лишению свободы. На сроки от пяти и до десяти лет — 53,9%. Эти данные говорят о довольно высоком проценте применения ст.ст. 51 и 53 УК; но надо иметь в виду, что циркуляр Прокуратуры Союза начал действовать фактически со второго полугодия.

К числу серьезных недостатков судебной работы в этой области надо отнести прежде всего все еще низкий уровень подготовительных заседаний. Из всех, кто был освобожден судами от уголовной ответственности, на подготовительные заседания падает только 24%. Это означает, что очень много недоброкачественного следственного материала пропускается еще в судебные заседания. Низки и темпы прохождения этих дел в народных судах. Только 51,7% всех дел были рассмотрены в судах в сроки до десяти дней. Мы не приводим других, менее значительных дефектов, а есть и такие.

В заключение хочется сказать, хотя и обобщенно, но бесспорно верно, основанном на всем анализе материалов, впечатлений. В суды поступали дела. Они были расследованы плохо. Прокуроры, не вдумываясь в то, что им подавали, писали: «согласен», «утверждаю». На подготовительные заседания из прокуратуры почти никто не приходил. Судьи, порой с ошибками, неумело, трудились над делами и выправляли грехи следствия. Изучение этой, далеко не второстепенной, категории дел показало, что многие работники следствия (о народных следователях мы здесь не говорим, потому что они ни одного дела о спекуляции вообще не расследовали) и прокуроры фактически не оценивают всего значения борьбы за советскую торговлю и огромной зависимости судебного исхода дел от доброкачественности следствия.

Из годового итога борьбы со спекуляцией Московской городской прокуратура делает, мы убеждены, все необходимые выводы.

¹ А. Я. Вышинский, Революционная законность и задачи советской защиты. Изд. 1934 г., стр. 38.

Борьба с кражей личного имущества трудящихся

Задача охраны личности и имущества трудящихся, поставленная со всей остротой речью товарища Сталина, произнесенной им 4/IV прошлого года, потребовала критического подхода к установившейся практике уголовно-судебной борьбы с кражами личного имущества трудящихся. Внимательное изучение материалов этого участка работы органов юстиции выявило серьезную недооценку его, более того — некоторую заброшенность, которая сказалась и в характере применяемых репрессий, и в длительной волоките по расследованию этих дел и их судебному рассмотрению, и в слабой надзорной работе прокуратуры. Поэтому нельзя не приветствовать статью т. Дурманова, помещенную в журнале «За соц. законность» № 5, 1935 г., — первую опубликованную работу, ставящую изучение кражи личного имущества трудящихся как серьезную политическую задачу.

Разрабатывая очередной обзор преступности по Ленинградской обл., отделение Института уголовной политики в Ленинграде также не могло обойти этой темы. Результат нашей работы мы коротко излагаем ниже.

Произведенное нами на основе специальной обработки статистических данных сопоставление количества осужденных за кражи личного имущества трудящихся за три полугодия с полной очевидностью говорит о том, что в первом полугодии 1935 г. произошло значительное падение числа осужденных за кражи как в сельских местностях Ленинградской обл., так и в самом Ленинграде.

	Город	Сельск. мести.	Область в целом
1 п. 1934 г.	100,0	100,0	100,0
2 п. 1934 г.	106,2	96,8	101,3
1 п. 1935 г.	69,0	67,6	68,5

Удельный вес осужденных по пунктам «а», «б», «в» ст. 162 УК в сопоставлении с удельным весом осужденных по пунктам «г» и «д» свидетельствует помимо того об особом сокращении краж частного, личного имущества трудящихся.

	В каждом полугодии число осужден. по пунктам «а», «б» и «в» составляет в %	
	город	сельск. мести.
2 п. 1934 г.	54,0	45,0
1 п. 1935 г.	47,0	44,0

Однако сокращенные числа осужденных за кражи в I полугодии 1935 г., как и общее

сокращение судимости за все виды имущественных преступлений, совсем не означают главного — изживания краж, ибо успехи социалистического строительства и рост благосостояния трудящихся масс как результат и проявление этих успехов неизбежно сопровождаются обостренной борьбой классового врага.

Интересно то, что, в то время как процент осужденных трудящихся в течение полутора лет пал (с 83,2% до 67,5%), соответственно вырос процент осужденных за воровство классово враждебных и чуждых элементов (с 16,8% до 32,5%). Еще внушительнее этот сдвиг в городе: за I полугодие 1934 г. осуждено в Ленинграде 10,5% классово чуждых элементов, а в I полугодии 1935 г. — 37%.

Таким образом, в то время как кражи у трудящихся, совершаемые вследствие пережитков капитализма в сознании людей, в связи с укреплением новой социалистической морали и ростом благосостояния трудящихся, непрерывно сокращаются, растут кражи, являющиеся источником паразитического существования последней капиталистического общества и формой их сопротивления росту социализма.

Посмотрим на социальный состав осужденных с несколько иной точки зрения. Каково соотношение социальных прослоек осужденных по пунктам «а», «б», «в» ст. 161 УК?

По пункту «а» осуждены в основном рабочие и служащие (остальные прослойки мы оставляем в стороне) и, наоборот, по п. «в», составляющему свыше половины дел и осужденных по Василеостровскому району и свыше 1/2 того и другого по Лужскому, — деклассированные лица без определенных занятий. И здесь мы видим исключительную роль классово враждебных элементов в краже личного имущества трудящихся. Поэтому, в частности, совершенно не случаен огромный процент рецидива среди осужденных. По официальной статистике однородный рецидив¹ колеблется в пределах 14—16%, а по изученным делам он гораздо выше — 21,3% по Василеостровскому и 26,0% — по Лужскому району; неоднократный же дает соответственно 42,6% и 45,6%. Характерны при этом совершенно, казалось бы, необычные сочетания судимостей. Так, например, деклассированный Москаленко, задержанный в Луге при краже из саней тулупа, судился не только за кражу, но и за дезертирство и за растрату; «печник» Филиппов — два раза за хулиганство, один раз за взятку, один раз за халатность и три раза за кражи и т. п.; это говорит о том, что классовый враг и его попутчики не особенно разборчивы в выборе способов своих наскоков и избирают те, которые удобнее в данный момент и при данных условиях.

Мы уже отмечали тот особенный характер, который имеет современный рецидив, — это не рецидив профессионала, а рецидив недобитого классового врага, берущегося за любое ору-

¹ Весь однородный рецидив и 95,1% неоднородного относятся к осужденным по пунктам «б» и «в», т. е. опять-таки к классово чуждым элементам.

жие, лишь бы напакостить трудящимся. Вот характерные примеры такого воровства имущественности трудящихся. В Лужском районе в лесу близ ст. Толмачево обосновался кулак, выгнанный из колхоза и осужденный к лишению свободы за избивание председателя колхоза, а ранее приговоренный к 3 годам лишения свободы за нелегальный переход границы. Зная, что из местных жителей имеет скот и птицу, он буквально терроризовал местное население кражами кур, поросят, овец и телят.

В Василеостровском районе Ленинграда недавно была обворована до нитки при квартирном краже работница завода им. Сталина — т. Матусевич. Матусевич — молодая женщина, 26 лет, крановщица-ударница, стахановка. Прекрасная оплата ударного труда позволила ей приобрести хорошее пальто с меховым воротником, два костюма, шелковые платья, хорошие белье, обстановку комнаты и т. п. вещи. Вернувшись однажды с работы, она застала свою комнату буквально опустошенной. Кто же посягнул на зажиточную жизнь стахановки? — Лицо «без определенных занятий», — как гласит протокол, — 26 лет, лодырь, пьяница и дезорганизатор, за что он систематически изгонялся с производства.

Ни в этих двух, ни в сотнях других известных нам случаев мы не найдем профессионального воровства, как бы много сходства между ними мы ни видели, сколько бы элементов профессионального воровства мы ни встретили. Профессиональное воровство (которое у нас в условиях неизжитой разрухи после войны империалистической и гражданской еще имело место как тяжелое наследие капиталистического прошлого) в настоящих условиях под собой почвы не имеет и не существует. Яркой иллюстрацией пути изживания профессионального воровства служит дело по обвинению в краже Елены Буткевич. Судя по первому взгляду, дело самое обычное: за систематическую кражу в коммунальной квартире книг и вещей Е. Буткевич приговорена судом к 6 месяцам и. т. р. Но кто такая Елена Буткевич, и почему рецидивистка Буткевич приговорена только к 6 месяцам и. т. р.? Е. Буткевич с малых лет — воспитанница детского дома. После выпуска из него в 1925 г. она с еще несформировавшимся характером, без трудовых навыков и каких-либо знаний попала в одно из «общежитий», в котором было больше проституток и воров, чем людей, так или иначе связанных с производством. Не прошло и двух лет, как мы встречаем ее в числе амнистированных по случаю 10-летия Октябрьской революции — профессиональной воровкой с пятью судимостями и тесными связями с воровским домом. Но воспитанная в советском детском доме Буткевич не хочет идти на привычный путь и вместе со своим женихом Берсоновым, отбывавшим одновременно с ней срок лишения свободы за грабеж, твердо решает стать на трудовой путь. Они поступают на работу, которая охватывает их разнообразными формами своего воздействия и за несколько лет переделывает их. Берсонов уже давно работает шкипером, он член партии; Буткевич, которую мы снова застаем в суде, работает ткачихой на фабрике «Красное знамя» и одновременно учится на курсах. Она — рядовая работница, о которой все ее подруги и треугольник завода дают прекрасный отзыв. Ее кражи в этих

условиях, бесспорно, явились отряжкой прошлого. Однако между ткачихой Буткевич, осужденной за кражу, и воровкой-профессионалкой Буткевич — непроходимая пропасть. И это сознает сама Буткевич, которая обратилась в НКВД с просьбой не лишать ее, как рецидивистки, паспорта, обещая вместе с тем возмещением ущерба потерпевшему и упорной работой над собой на производстве и на учебе смыть позорное пятно.

Но если исчезает воровство как профессия, которую ранее избирали наряду с профессией печника или водопроводчика, то это не значит, что в настоящих условиях мы не имеем воровства как источника средств существования. Мы уже видели однако, что это воровство имеет иные социальные корни, а контингент новых воров составляет не пролетариат, а остатки разгромленных классов, дезорганизаторы производства, хулиганы и растратчики, неоднократно судившиеся и полностью деклассированные. Для них кража не только и не столько средство существования, сколько орудие мести, средство подрыва материального благосостояния трудящихся. За расхищение социалистической собственности закон 7/VIII болюно ударил их по рукам, и они часто переключаются на мелкое воровство и хищения. Наряду с этим они готовы совершить любое преступление; кража для них не профессия, они не владеют ее техникой и потому охотятся за тем, что ближе, что доступнее.

Объектами их хищений, поскольку это можно было установить по материалам изученных дел, являются преимущественно так называемые «носильные» вещи (61,4%). То, что относительно недавно занимало среди объектов кражи большое место — продукты питания, — теперь занимает предпоследнее (3,4%); столь же незначительны по количеству (и, добавим, размеру) кражи облигаций и денег. Общая сумма покраж отражена таблицей, говорящей о преобладании относительно мелких краж.

	До 100 р.	До 300 р.	До 500 р.	До 1000 р.	Свыше
По п. «а» ст. 162	45,4	33,3	15,1	3,1	3,1
По пп. «б» и «в»	26,5	31,2	20,3	11,0	11,0

По квалифицирующим обстоятельствам кражи (по п. «в») распадаются на совершенные: с применением техн. средств — 34,2%; неоднократно — 35,5%; по предварительномуговору — 26,5%; на вокзалах, клубах, столовых — 3,8%.

Здесь следует отметить новый и, по-нашему, правильный подход судов к квалификации краж в рабочих клубах и общественных столовых. Обстановка подобных краж аналогична кражам на вокзалах, пристанях, пароходах, в вагонах и гостиницах, о которых говорит пункт «в» ст. 162 УК, и поэтому квалификация таких краж по пункту «в» вполне правильна, целесообразна и не может вызывать возражений.

Места совершения краж в городе и сельских местностях значительно разнятся.

	Василеостровск. р-н города	Лужский райсп области
Из квартир	58,6	27,7
из общежитий	10,8	8,5
из учреждений	6,7	—
со двора и дворовых построек	6,7	38,3
на улице	2,7	12,8
на вокзалах, в клубах и столовых	2,7	2,1
с чердаков	5,3	2,1
карманные кражи	6,7	8,5

В городе, естественно, особое место занимают квартирные кражи, на селе — со двора и дворовых построек. Нельзя не обратить особое внимание на значительный процент краж в общежитиях и, наоборот, на незначительный процент карманных и чердачных краж, некогда весьма процветавших.

Кто же является потерпевшим от этих краж? — Трудящиеся. Вот итоги изучения личности потерпевших.

	Василеостр. р-н	Лужский р-н
Рабочие	60,2	21,9
Служащие (кроме отв. раб.)	26,9	21,9
Ответствен. работники	3,8	—
Научные и инж.-тех. работники	2,6	—
Колхозники	—	29,2
Трудящ.-единоличники	—	14,6
Учащиеся	2,6	2,5
Прочие	3,8	9,9

Рабочие в городе, колхозники в деревне, вот кто в первую очередь является жертвой нападения врагов трудового народа.

Изложив эти основные моменты нашего анализа, мы можем поставить перед собой вопрос: кто же является основой социальной опасности кражи личного имущества трудящихся? На этот вопрос следует дать такой ответ. В настоящих условиях воровство выступает как форма проявления пережитков прошлого, до сих пор еще сохранивших свою силу в сознании отсталой части трудящихся, хотя и утерявших материальные, экономические истоки (эксплуатация, нужда и нищета). Как форма, нарушающая социалистический принцип распределения по труду, дезорганизующая новый быт, кража безусловно социально опасна. Но кража личного имущества трудящихся одновременно выступает и в новом качестве, как форма противодействия зажиточной жизни, форма мести и борьбы со стороны классово враждебных и чуждых элементов. Для них она — не только один из источников паразитического существования, но и вместе с тем прямая форма классовой борьбы, и в этом главная опасность кражи.

Такая постановка вопроса дает четкую позицию и при оценке наказания, применяемого за кражи. Дает ли ст. 162 УК в нынешней ее редакции возможность выбора целесообраз-

ного наказания не только для вора из среды трудящихся, но и для классового врага, деклассированного, нагло посягнувшего на личную собственность стахановца? — Конечно, нет. Именно поэтому мы видим, что практика идет по пути квалификации таких краж статьей 159¹ или по пути нарушения закона, например, не считаясь с пунктами ст. 162, или квалифицируя ст. 162 УК, но устанавливая наказание, совсем не предусмотренное ею, например, лишение свободы на срок свыше 1 года или долгосрочную ссылку в соединении с принудительными работами. Такова и ленинградская практика. Вот отдельные примеры ее. По делу № 51345 нарсудья Василеостровского района приговорил двух подсудимых на 5 лет ссылки каждого, по делу за № 51346 — к 3 годам, по делу № 51351 — к 2 годам лишения свободы. Характерно, что приговор по одному из этих дел, обжалованный осужденным, УКС оставила в силе².

Итак, если в отношении трудящихся ст. 162 УК дает достаточный выбор мер воздействия, то тогда, когда нужно крепко ударить по классовому врагу, она бессильна. Это, однако, совсем не значит, что статьи не оставляет места для правооportunистической практики, как и для разного рода загибов. Вот пример политически беззубого подхода, вытекающий бесспорно из общей недооценки воровства личного имущества трудящихся, — недооценки, которая надо сказать, имеет место значительно чаще, чем мы думаем. Радиотехник Сиверс-Лосяк, неоднократно увольнявшийся за прогулы и пьянство, трижды судившийся за присвоение, мошенничество, должностную халатность и потому лишенный паспорта, систематически воровал у родных жены предметы домашнего обихода, выкраив в общей сложности вещей на 3700 руб. Суд приговорил его условно на 6 мес. и-т. р. Любопытно, что протест райпрокурора на мягкость приговора УКС отклонила по следующему мотиву: «Сиверс-Лосяк не имеет определенного местожительства, что ведет к затруднению протеста прокурора». Только по протесту облпрокурора приговор и определение УКС президиумом облсуда были отменены, и Сиверс-Лосяк был приговорен к 1 году лишения свободы. Нарсуд Лужского района, наоборот, проявил излишнюю, не требуемую обстоятельствами дела суровость, приговорив ранее никогда не судившегося допризывника из трудовой семьи единоличника к лишению свободы сроком на 1 год за то, что тот, не имея денег для возвращения в деревню, похитил на вокзале у неизвестного гражданина сумку, в которой была пара белья и кусок сахара.

Правильная в основном политика репрессии за рассматриваемый период показывает значительное усиление и изменение характера репрессии за кражи.

¹ См. пост. през. Верховсуда РСФСР 3—4/VIII 1933 г. (пр. № 43).

² О действительном размере такой практики судить трудно; можно лишь отметить, что по области в целом по пунктам «а», «б» и «в» значится 745 чел. приговоренных к лишению свободы на срок от 1 до 3 лет и 19 чел. на срок от 3 до 5 л. Бесспорно, что значительная часть этих цифр — курьез статистики, а помимо того — результат нарушения ст. 49 УК.

	Ли- шен своб.	И.-т.р.	Ссыл- ка	Усл. осужд.	Проч. меры.
1 полугод. 1934 г.	9,0	61,7	4,0	19,6	5,7
1 полугод. 1935 г.	25,6	59,6	0,6	12,6	1,6

Особенно значительно изменение характера наказания в деревне, где лишение свободы выросло с 8,9% в I полугодии 1934 г. до 29% в I полугодии 1935 г. Этот сдвиг, конечно, не случаен, — он прямо отражает установку партии и правительства на лучшую охрану имущества трудящихся. Однако надо отметить,

что и в I полугодии 1935 г., т. е. в момент применения наиболее суровой репрессии, 54,5% «пречих» (которые, повторяем, почти полностью составляются из классово чуждых элементов) приговорены к и.-т. работам и прочим мерам. Даже категория кулаков и др. нетрудового элемента на 17% приговорена к тем же и.-т. р. и прочим мерам. Таким образом очевидно, что позиция четко классовой дифференцированной репрессии, в связи с задачей лучшей охраны имущества трудящихся, ставит требование не только скорейшего проведения в жизнь проекта новеллы ст. 162 УК с санкцией до 5 лет лишения свободы, о которой сообщил т. Вышинский¹, но и немедленного пересмотра практики репрессии теперь же на основе возможностей, представленных действующей редакцией ст. 162.

П. ЛЮБЛИНСКИЙ

Ответственность за понуждение к производству аборта

Верховный суд РСФСР в инструктивном письме от 27/VIII 1935 г. обращает внимание судов на необходимость тщательного выявления случаев участия отца ребенка и посторонних лиц в преступлениях, связанных с детоубийством и подкидыванием детей, с привлечением виновных в этом к строгой ответственности. Не менее важным является и вопрос о привлечении к ответственности мужчин, принуждающих женщин к производству аборта. Для успешной борьбы с абортами недостаточно только санитарно-просветительных бесед о вреде аборт; необходимо устранить причины, толкающие женщину на производство аборта, иногда даже против ее воли.

В 1929—1930 гг. социально-правовой отдел Ленинградского института охраны материнства и младенчества провел специальное исследование вопроса об отношении к аборту виновника беременности женщины. 1800 женщин, обращавшихся в отдел за получением направления на производство бесплатного аборта, были опрошены в порядке интимной беседы, имевшей целью выяснить возможность профилактики аборта путем оказания беременной социально-правовой помощи. Опрос этот дал следующие результаты:

	Число случаев:		Общий процент
	1929 г.	1930 г.	
Виновник беременности:			
не знает о беременности	38	37	4,3
советует сделать аборт	855	660	87,3
вынуждает сделать аборт	15	31	2,7
относится безразлично	84	6	5,2
возражает против аборта	8	—	0,5
Всего . . .	1000	800	100

Из этих данных видно, что в подавляющем большинстве случаев (87,3%), аборт производится по совету виновника беременности; в ряде случаев (2,7%) было прямое принужде-

ние. Лишь в крайне редких случаях (0,5%) с его стороны имелись только возражения. В остальных случаях он или не знал о намерении сделать аборт, или относился к этому намерению безразлично. Соотношение этих процентных показателей несколько видоизменяется при учете форм брачного сожительства женщин, обратившихся за разрешением на аборт. Вопрос этот был нами разработан на 1000 случаев, относящихся к 1929 г.

Форма брачного сожительства (в процентах)

	Регистр. брак	Нерегистр. брак	Вне- брачное сожи- тельство	Всего
Виновник беременности:				
не знает о беременности	0,4	5,6	17,7	3,8
советует сделать аборт	97,3	75,3	38,3	65,5
вынуждает сделать аборт	1,2	1,4	2,0	1,5
относится безразлично	1,1	12,7	41,8	8,4
возражает против аборта	—	5,0	—	0,8
	100	100	100	100

Эти данные показывают, что при зарегистрированном браке аборт почти всегда производится по совету мужа или с его ведома, в случае же возражений мужа женщина не делала аборта. При нерегистрированном браке муж в довольно значительном проценте случаев не знал об аборте или относился к нему безразлично; здесь уже нередко встречались случаи обращения к аборту, несмотря на возражения мужа. При внебрачном сожительстве лишь в 38,3% случаев женщина советовалась об аборте с виновником беременности; в

¹ См. А. Я. Вышинский, Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции.

остальных случаях она действовала без его ведома или при полном его безразличии; случаев возражений с его стороны не наблюдается вовсе. Прямое принуждение к аборту против желания самой женщины имело место в 1—2% случаев, причем наибольший процент наблюдается при внебрачном сожителстве, затем идут случаи нерегистрированного брака и на последнем месте — случаи регистрированного брака.

Отношение к беременности женщины характеризуется еще и тем обстоятельством, что в ряде случаев мужчина порывает свою связь с женщиной вскоре после наступления беременности. Из 1800 обследованных нами случаев брачное совместное жительство после наступления беременности было прекращено в 167 случаях (9,6%) и в 11 случаях (0,6%) оно носило характер однократной, случайной связи. Эти данные становятся более характерными при рассмотрении их в связи с формами брачного сожителства. Так, на основе изучения 1000 случаев 1929 г. было установлено, что процент прекращенных случаев сожителства был равен: при регистрированном браке — 1,6%, при нерегистрированном браке — 17,9%, при внебрачной связи — 78,2%. Если при зарегистрированном браке случаи прекращения брака и сожителства со стороны мужа являются сравнительно редкими, то при нерегистрированном браке они значительно возрастают (в 11 раз), а при внебрачных связях являются почти общим правилом.

Одним из наиболее частых мотивов ухода от женщины в период беременности является стремление уклониться от алиментов в будущем. Из 540 изученных случаев отец ребенка не оказывал матери никакой материальной поддержки за все время беременности и после рождения ребенка в 283 случаях; оказывал помощь лишь до разрыва с матерью в 87 случаях; оказывал ее в течение некоторого времени до родов — в 42 случаях; в течение всего периода беременности и после рождения ребенка — в 37 случаях; только после рождения ребенка — в 18 случаях; платил алименты по суду в 17 случаях и в 5 случаях не оказывал помощи по различным причинам. Прекращение сожителства в ряде случаев вызывалось стремлением затруднить доказательство своего отцовства: из 547 случаев только в 234 имя отца было внесено в запись о рождении ребенка, в 239 отцовство пришлось доказывать судебным порядком после рождения ребенка, в 74 случаях к моменту обследования ребенок еще не появлялся на свет.

Однако уход от женщины в период ее беременности вызывается далеко не одним только стремлением уклониться от платежа алиментов и будущего отцовства, но и другими бытовыми причинами. Изучение мотивов оставления женщины в период ее беременности и материнства, проведенное на основании изучения 524 случаев 1930—1934 гг., на основании опросов матерей и изучения их дел, дает следующую картину.

Муж или сожитель: уехал, скрылся по причине, неизвестной матери — 177; прекратил брак или связь из-за нежелания иметь ребенка — 66; нашел себе новую жену или подругу — 53; вернулся в прежнюю семью — 22; умер, безвестно отсутствует — 46; ушел из-за семейных ссор и ревности — 7.

Мать ушла от мужа или сожителя: из-за алкоголизма и побоев его — 46; из-за несходства характеров, недовольства семейной жизнью — 18; брачное сожителство прекратилось по бытовым причинам (длительного отсутствия мужа, осуждения его, высылки, отсутствия прочной взаимной привязанности и пр.) — 94.

Если случаи внезапного отъезда и сокрытия без указания причин могут быть объяснены в значительном большинстве стремлением уклониться от платежа алиментов, то прекращение брака или сожителства из-за нежелания иметь ребенка, отмеченное в 66 случаях, непосредственно указывает на попытку со стороны мужа или сожителя оказать давление на мать с целью понуждения ее произвести аборт.

Несколько примеров из практики могут иллюстрировать такое положение.

Мать, 27 лет, служит конторщицей; имеет на своем иждивении мать и сестру-подростка. Она сошлась со студентом Военномедицинской академии, который ей материально никогда не помогал, но относился к ней хорошо, пока не узнал, что она беременна. Узнав о беременности, он стал настаивать, чтобы она сделала аборт, направив ее для этой цели в одну из больниц. Врачи отказались от производства аборта в виду болезненного состояния матери. Узнав об отказе, студент перестал приходить к ней (жили они на разных квартирах и после рождения ребенка ни разу не навещали ее).

Студент Лесного института сходится со студенткой того же института. Живут вместе, связь продолжается около двух лет. После первого года, когда его жена забеременела, он убедил ее сделать аборт. Но через несколько месяцев наступает новая беременность, и на этот раз она отказывается от аборта. Отец бросает ее в состоянии беременности, указывая, что не желает связывать себя ребенком, который помешает его дальнейшей учебе.

Молодая крестьянка сошлась с сельским учителем и прожила с ним в деревне 11 месяцев. На втором месяце беременности сожитель стал уговаривать ее сделать аборт. Дав на дороге десять рублей, он отправил ее в Ленинград, где она должна была сделать аборт. Когда она обратилась за разрешением на аборт, ей отказали в этом за пропуском срока. Она написала учителю, но тот ответил, чтобы она к нему не возвращалась.

Малограмотная крестьянка 22 лет сошлась с односельчанином комсомольцем, служащим в сельсовете. Сожителство продолжалось четыре года. За это время один раз ею был произведен аборт. При второй беременности, после отказа произвести аборт муж заявил ей на пятом месяце беременности, что она ему больше не нужна и сошелся с другой женщиной.

Гражданка 21 года, со средним образованием, комсомолка, живет на иждивении брата, сошлась со студентом Индустриального института, от которого забеременела. Муж предложил сделать аборт, что она и сделала. Но через несколько времени она снова забеременела; врачи отказались сделать новый аборт. Сожитель ее скрылся и только через некоторое время через товарища справлялся об ее здоровье. Лишь после рождения ребенка удалось установить его отцовство и наладить получение алиментов.

Число подобных примеров можно было бы умножить, но все они более или менее однородны: на забеременевшую женщину ее муж или сожителем оказывается настойчивое давление с целью склонения ее на аборт, а когда женщина не соглашается на это или сам аборт по каким-либо причинам оказывается медицински противопоказанным, брак прекращается и женщина остается без какой-либо поддержки в трудный период беременности и родов. Но порою обстоятельства складываются еще тяжелее для женщины. Доведенная до отчаяния своим тяжелым положением, настойчивыми требованиями мужа или сожителя, женщина, лишенная возможности произвести себе аборт в легальном порядке, в виду поздней беременности или медицинских противопоказаний, обращается к помощи подпольных абортисток, заведомо рискуя своею жизнью и здоровьем. При разборе дел о подпольных абортах суды, по общему правилу, почти не входят в рассмотрение мотивов, побудивших беременную женщину обратиться за производством аборта к подпольной абортистке; но тот факт, что среди потерпевших в этих делах выступают значительно чаще других категорий одинокие женщины, брошенные своими мужьями и сожителями, достаточно красноречиво свидетельствует о том, что обращение к подпольному abortу явилось результатом того тяжелого положения, в котором оказалась женщина вследствие оставления ее в этот период без поддержки. Возможно (хотя это и не выявлено в соответственных судебных процессах) в отдельных случаях и прямое подстрекательство мужчины в подобных случаях.

Встречаются в практике социально-правовых кабинетов при пунктах охраны материнства и младенчества случаи, когда женщины указывают на такие действия со стороны мужей и сожителей, которые прямо рассчитаны на непроизвольный выкидыш. В одном случае женщина указывала, что муж ее, не желавший иметь ребенка, умышленно заставлял ее в поздние месяцы беременности носить большие тяжести (корзины с мокрым бельем на чердак, тяжелые закупки и пр.), ночью ударял коленом ноги в область живота, заявляя, что это будто бы делалось им во время сна, рассчитывая этим способом вызвать у ней выкидыш. В других случаях имелись жалобы на побои, толчки и истязания со стороны мужей в период беременности, предпринимаемые с той же целью. В менее резких случаях отмечались такие средства воздействия на волю, как прекращение всяких разговоров и полное отчуждение со стороны мужа, систематическое пьяное буйство, отказ в выдаче денег на хозяйственные нужды, издевательство и пр.

Понуждение к производству аборта порою может исходить не только со стороны мужа или виновника беременности, но и со стороны других лиц. Случаи эти значительно более редки, но все же порою наблюдаются в практике. Так, нам известны случаи принуждения к abortу несовершеннолетних дочерей со стороны родителей и, в частности, матерей, желавших скрыть от других последствия легкомысленного поведения дочери, и т. д.

Как отнестись ко всем таким случаям понуждения к abortу с точки зрения действующего законодательства? Конечно, наиболее

грубые способы в виде побоев, толчков, ударов, создающих опасность выкидыша, подпадут под действие ст. 143 УК, предусматривающей легкой телесные повреждения, но санкция этой статьи, ограничивающаяся и.т. п., совершено недостаточна для этих случаев, да и возбуждение этих дел лишь по жалобам потерпевших с возможностью прекращения дела по желанию потерпевшего не соответствует тяжести этого преступления. В остальных случаях самое понуждение к abortу остается безнаказанным, и даже применение ст. 158 УК об ответственности за уклонение от платежа алиментов в случае оставления женщины без поддержки не может иметь места, поскольку требуется предварительное присуждение алиментов судом.

Нам думается, что этот пробел должен быть восполнен при пересмотре действующего уголовного законодательства в связи с разработкой нового УК. Наше действующее законодательство знает ряд случаев наказуемости понуждения человека к таким действиям, которые сами по себе не являются наказуемыми, но которые с социальной точки зрения являются вредными и опасными как для личности, так и для общества. Таковы случаи подговора к самоубийству и доведения другого лица до самоубийства жестоким обращением или иным путем (ст. 141), случаи принуждения к занятию проституцией (ст. 155 УК), понуждение женщины ко вступлению в половую связь путем использования ее материальной или служебной зависимости (ст. 154), случай понуждения детей к занятию нищенством (ч. 2 ст. 158 в редакции закона 7/IV 1935 г.). Сами по себе покушение на самоубийство, занятие нищенством или проституцией ненаказуемы, но это не лишает их характера определенно отрицательных в общественном отношении явлений и служит основанием к достаточно энергичному преследованию различных форм понуждения к ним. В постановлении от 18/XI 1920 г. о производстве abortов уже было указано, что «Рабочье-крестьянское правительство учитывает все зло этого явления для коллектива», что лишь в тяжелый период непосредственно после гражданской войны «моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия настоящего еще вынуждают часть женщин решаться на эту операцию», но что «вводя социалистический строй и широко осуществляя принципы охраны материнства и младенчества, оно предвидит постепенное исчезновение этого явления». И в настоящее время, когда наш Союз вступил в период социализма и материальное благосостояние трудящихся растет с каждым годом, понуждение к производству аборта, представляющего несомненное зло и для коллектива и для здоровья самой женщины, должно стать таким же наказуемым деянием, как и другие вышеуказанные виды понуждения.

Высказываясь за желательность дополнения УК статьей, предусматривающей ответственность за понуждение женщины к abortу, мы учитываем трудность борьбы с бытовыми извращениями при помощи уголовного закона. В значительном числе случаев решение женщины прибегнуть к производству аборта является не ее единоличным решением, а решением, вынесенным после совещания с мужем или сожителем. Однако не эти случаи приходится иметь в виду даже тогда, когда

совет о производстве аборта исходит от отца будущего ребенка. Уголовный закон должен стать на стражу интересов матери и ее будущего ребенка лишь тогда, когда сама мать желает благополучно завершить свою беременность и если отец ребенка становится на путь применения таких средств, которые должны принудить ее к аборту: путь оставления женщины в тяжелом материальном положении без оказания ей необходимой поддержки, путь угроз, издевательств, доведения ее до беспомощного состояния и крайней нужды. В этом отношении имеется известная аналогия с ч. 1 ст. 141 УК, с тем лишь различием, что целью,

к которой стремится виновный, является доведение лица не до самоубийства, а до аборта. Пусть такие случаи будут выявляться не столь часто, но наличие такой статьи в законе даст возможность органам охраны материнства и младенчества достаточно энергично отстаивать интересы женщины как будущей матери и позволит заметно сократить число случаев, когда женщина ищет выхода в виде аборта из создавшегося для нее тяжелого материального и морального состояния, вызванного отказом в оказании ей поддержки со стороны отца ребенка, настаивающего на производстве аборта.

К. ШАПИРО

О неправильном понимании ст. 206 УПК

Знание, правильное понимание смысла, назначения, целеустремленности закона является тем основным условием работы судебно-прокурорских кадров, без которого немислимо выполнение огромнейших задач своевременной, эффективной борьбы с классовым врагом, с преступниками, стремящимися сорвать, затормозить на отдельных участках победоносное строительство социализма.

Указание товарища Сталина в исторической речи 4/V 1935 г. о том, что «главное теперь в людях, овладевших техникой», что «кадры решают все», с особой силой должно сказаться на работе органов юстиции. Оно должно подвести нас к выполнению задач, поставленных партией и особенно ярко выраженных в передовой ЦО «Правды» от 7/VIII 1935 г. о том, что судебно-прокурорские работники должны быть знатоками, мастерами советских законов.

Нет сомнений, что «судить культурно, судить с душой, судить по закону» (Каганович) можно, когда знаешь закон, знаешь его смысл, знаешь, когда и как его применить. Тов. Вышинский в своей статье «Ответ на ответ» в полемике с т. Крыленко по вопросу о твердых составах, о судейском «правотворчестве» говорит: «...Надобность ощущается, и весьма серьезная, — о чем наши наркомюсты мало к сожалению заботятся, — в другом: в правильном понимании законов умелом применении наших законов...».

Несмотря на это, у некоторых работников линсуда Октябрьской жел. дор. наблюдается недопонимание и, следовательно, неправильное применение ст. 206 УПК, и это после того, как материал по этому вопросу неоднократно освещался в журналах «Соц. законность», «Советская юстиция».

Перед нами дело по обвинению Травина и других работников бюро обслуживания станции Ленинград пасс.-Варшава. Первоначально были привлечены к ответственности 6 носильщиков-грузчиков за дачу и получение взяток. Затем суд, отложив дело, вынес определение о дополнительном привлечении проходящих по делу свидетелей. Не входя в обсуждение правильности подобного определения, констатирую факт, что свидетели сели на скамью подсудимых. Показания бывших свидетелей, данные ими уже в качестве обвиняемых, ни на поту не изменились. Будучи свидетелями, они

показывали, что дали Травину 2—3 раза взятку, и то же показали, будучи привлеченными в качестве обвиняемых. Следовательно с учетом этого обстоятельства предъявил материал дела в порядке ст. 206 УПК вновь привлеченным обвиняемым, а ранее привлеченным «новый» материал не предъявлял, так как этот материал им был уже известен. Подчеркиваю — показания не изменились.

Подготовительное заседание суда, рассмотрев дело, назначило его к слушанию.

Важно отметить, что вокруг этого дела было широко мобилизовано общественное мнение. Вопрос дважды обсуждался на парткоме. На процесс пришли все работники станций с семьями. Суд, установив личности обвиняемых и убедившись, что обвинительное заключение вручено им своевременно, что каждый обвиняемый знает, в чем он обвиняется, решил, что дальше слушать дело нельзя, ибо имеется расхождение в датах между последними следственными действиями и протоколами о предъявлении материалов первоначально привлеченным обвиняемым, т. е. нарушении ст. 206 УПК. Задаются вопросы всем обвиняемым, имеются ли какие ходатайства? — Нет.

Желаете ли слушать дело при наличии подобных «нарушений»? — Просим слушать, с материалами знакомы, — таков ответ обвиняемых.

Между тем суд, посовещавшись, вопреки ходатайств обвиняемых о слушании дела, несмотря на то, что ходатайство о дополнении предварительного следствия не было заявлено, ибо дело само по себе ясное, незапутанное (к тому же все признались), выносит определение: дело направить для выполнения ст. 206. Через несколько часов в дело прибавилось еще несколько бумажек: «с делом знаком... больше добавить ничего не имею». Теперь судья успокоился. Неизвестно, обеспокоен ли он тем, что дело до сих пор лежит в суде и ждет дня своего слушания.

Вообще говоря, нарушение ст. 206 УПК — серьезная причина, ради которой можно пренебречь и тем, что в суд вызывались 16 человек, и тем, что проведена большая подготовительная работа и т. д. Если это нарушение есть, и стало налицо препятствие, я бы даже сказал, малейшее препятствие к установлению истины.

«Вся соль» ст. 206 УПК с моей точки зрения заключается в последней ее части: «...В случае указания подследственным обстоятельством, имеющих значение для дела и ранее не исследованных, производящий расследование обязан его дополнить».

Здесь мы как бы спрашиваем мнение обвиняемого о полноте следствия. Нет сомнения, что это мнение вовсе необязательно для следователя и суда, если последние не разделяют его (а это вполне возможно, когда есть стремление подследственного запутать, оттянуть дело и т. д.) и наоборот, указание подследственным таких обстоятельств, которые имеют значение для дела, всегда обязательны для нас; в противном случае это противоречило бы основам нашей уголовной политике.

Во всяком случае оценку о полноте следствия дает следователь. Законодатель в ст. 206 требует, чтобы следователь, давая эту оценку, знал мнение подследственного, с которым он обязан считаться и не считаться.

Таким образом смысл ст. 206 УПК заключается в том, чтобы при помощи самого обвиняемого с исчерпывающей полнотой вскрыть расследуемое преступление.

Между тем суд, разбиравший дело Травина, рассуждал по-иному: нам не важно знать содержание «дополнительных материалов, даже не имеет значения относятся или не относятся эти «дополнительные» документы к обвиняемым, которым они не предъявлены, раз, мол, они проходят по одному делу, а какая-нибудь бумажка кому-нибудь не предъявлена, следовательно, утверждает суд, слушать дело

по закону нельзя. Если даже на минуту допустить, что суд прав, то прежде всего у суда имелась полная возможность ознакомить обвиняемого до слушания дела с новыми документами, ибо дело находилось в суде 11 дней.

Кроме того закон требует дело возвращать к доследованию тогда, когда пробелы предварительного следствия не могут быть восполнены судебным следствием. Этот «пробел» не только мог быть восполнен судебным следствием, но если даже навязывать обвиняемому чтение неизменившихся, повторных показаний, то для этого требовалось $\frac{1}{2}$ часа времени (тогда как по делу, повторяю, вызывались 16 человек).

Совершенно очевидно, что при отсутствии ходатайств о дополнении предварительного следствия, при наличии ходатайств со стороны обвиняемых о слушании дела, подобное рассмотрение суда не имеет ничего общего с требованием закона, с требованием ст. 206 УПК.

Драться за точное выполнение закона можно, когда знаешь закон, знаешь его смысл. Здесь уместно сослаться на указание т. Вышинского в той же статье «Ответ на ответ»... «Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает толкование закона, которое противоречит его точному смыслу, тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон».

А по делу Травина люди «забыли» о смысле закона, читают его текст, не понимая его назначения, и, это кажущаяся борьба за выполнение текста ст. 206 УПК, фактически приводит к нарушению закона.

А. ЦЫПКИН

Процессуальное положение обвиняемого в распорядительном заседании

Почти два года прошло с того времени, как I всесоюзное совещание работников юстиции резолюцией по докладу А. Я. Вышинского поновому поставило вопрос о распорядительном заседании, о значении его в деле более тщательного и осмотрительного отбора дел, направляемых в судебное заседание.

Прошедшие годы бесспорно дали немалый сдвиг в этом вопросе. Все больше и больше дел проходит через подготовительное заседание, все чаще и чаще протоколы подготовительных заседаний отражают участие в них прокурора.

Но этот сдвиг во многих случаях является сдвигом внешнего порядка. Далеко не каждый протокол служит доказательством того, что была проделана большая и серьезная работа по проверке доказательности следственных материалов и обоснованности следственных выводов о предании суду.

В январе 1936 г. нарсуд Фрунзенского района г. Саратова, рассмотрев дело о 44 обвиняемых, привлеченных и преданных суду по ст.ст. 197, 109, 111 УК, в отношении 17 обвиняемых вынес оправдательный приговор.

Действительной ли неожиданностью, внезапно обнаружившейся в судебном заседании, была невиновность, непричастность к делу

17 чел., в отношении которых и прокурор отказался от обвинения на судебном заседании? Действительно ли нельзя было установить невиновность этих лиц, когда дело проходило через подготовительное заседание? Действительно ли всерьез, по существу, а не по форме отнеслось подготовительное заседание даже к такому большому (хотя бы по числу обвиняемых) делу?

Случаи, подобные изложенному, показывают, что распорядительные заседания на деле еще не превратились в «один из важнейших процессуальных моментов» (Вышинский).

Для того, чтобы распорядительные заседания стали действительно важнейшим процессуальным моментом в самой их организации, должны быть произведены определенные изменения.

Совершенно не случайно т. Вышинский указывает на необходимость «отказаться от кейсно-бюрократического разрешения этого важнейшего процессуального вопроса», указывает на то, что «предание суду должно быть обставлено максимальными гарантиями» («Сов. государство» 1935 г. № 5, стр. 31), на то, что «распорядительные заседания должны раньше всего перестать отличаться нынешней семейственностью» («Соц. законность» 1935 г. № 6).

В деле правильной организации распорядительных заседаний одним из самых важных вопросов является вопрос о том, какое место в распорядительном заседании должен занять обвиняемый.

Действующие директивы указывают на то, что обвиняемый может заявлять ходатайства о дополнительном вызове свидетелей или истребовании дополнительных документов, что, наконец, обвиняемый может быть вызван лично в распорядительное заседание.

Практика показывает, что случаи обсуждения на подготовительных заседаниях ходатайств обвиняемого чрезвычайно редки, а случаи личного вызова обвиняемого на эти заседания почти совершенно не наблюдаются.

Чем это объяснить? Не объясняется ли это тем, что указанные мероприятия нежизненны и поэтому не прививаются или же здесь причины коренятся в другом.

Мы считаем, что указанные формы участия обвиняемого в стадии предания суду вполне целесообразны и если они не прививаются, то причина этому отнюдь не в непригодности или нежизненности этих форм, а в том, что мы ничего не сделали для активизации участия обвиняемого в подготовительном заседании.

Как правило, обвиняемый не знает о том, что он имеет право обратиться в подготовительное заседание с ходатайством о дополнительных доказательствах. Не знает потому, что его об этом никто не оповещает.

Ведь когда, например, обвиняемый при окончании предварительного следствия имеет право (в порядке ст. 206 УПК) дополнить следствие, то об этом праве обвиняемому каждый раз объявляется под подписку. На судебном заседании обвиняемому также разъясняются его права, а в данном случае ни на следователе, ни на прокуроре, ни на суде не лежит обязанность информировать обвиняемого о возможности обратиться с ходатайством в подготовительное заседание.

В результате все ходатайства обвиняемый обычно заявляет в судебном заседании.

Совершенно бесспорно, что гораздо целесообразнее было бы, если бы ходатайства были заявлены заблаговременно в распорядительном заседании. Суд получил бы возможность удовлетворять ходатайства обвиняемого, не грывая при этом слушания дела.

Отложение дела нежелательно по очень многим причинам, и это, иногда, приводит к отклонению ходатайства обвиняемых, таких хода-

тайств, удовлетворение которых кассационные или надзорные инстанции в дальнейшем признают необходимым, отменяя из-за этого приговор.

В этом вопросе выходом явилось бы установление такого порядка, когда прокурор, направляя дело в суд, одновременно извещал бы обвиняемого о том, что дело направляется в суд, что до назначения судебного заседания по делу оно будет рассмотрено в подготовительном заседании, что если обвиняемый имеет ходатайство, то он может обратиться с ним в подготовительное заседание.

Другой вопрос — это вопрос о личном вызове обвиняемого в подготовительное заседание.

Суды бесспорно недооценивают значение этого вызова и, пользуясь тем, что вызов обвиняемого предоставлен их усмотрению, что это является их правом и не вменяется им в обязанность, предпочитают обвиняемого в подготовительное заседание не вызывать.

Вопрос о процессуальном оформлении подготовительного заседания встал бы очень остро в том случае, если в подготовительное заседание был бы вызван обвиняемый. Совершенно невозможно представить себе вызов обвиняемого в подготовительное заседание с «нынешней семейственностью», с сегодняшним «кегельно-бюрократическим» порядком разрешения этого вопроса.

Присутствие обвиняемого было бы одной из причин для тщательного и полного доклада дела прокурором. Заявленное обвиняемым ходатайство, поддержанное им лично, обязывало бы прокурора к мотивированному заключению и по этому вопросу.

Вся обстановка правильно организованного подготовительного заседания должна обеспечить осуществление действительного и серьезного контроля над следственным материалом, раньше чем дело будет поставлено на окончательное судебное разрешение.

Вызов обвиняемого в распорядительное заседание изменит к лучшему порядок проведения этих заседаний, он повлечет более тщательную и полную проверку заявлений обвиняемого, а неизбежно с этим и проверку всего дела.

Совершенно правильно А. Я. Вышинский, говоря о вызове обвиняемого в распорядительное заседание, указывает, что «в нем одна из гарантий обоснованного предания суду».

А. ЛИБЕРМАН

О новых доказательствах в кассационном процессе

В № 1 «Соц. законности» за 1936 г. т. Тагер поместил статью, поставившую на обсуждение в юридической прессе весьма интересный и крайне актуальный вопрос нашей судебной практики, требующий к себе серьезного внимания.

В самом деле, сколько раз приходилось практическим судебным работникам сталкиваться в своей повседневной деятельности с вопросом о допустимости новых доказательств в кассационной инстанции, методе собирания их и

влияния их на определение кассационного суда, а тем самым и на приговор суда первой инстанции! Точного же, исчерпывающего ответа на все возникающие по этому вопросу недомыслия нигде не найти. Поэтому выступление т. Тагера необходимо признать как нельзя более своевременным.

Особенно ценны те примеры из практики Верховного суда, которыми т. Тагер иллюстрировал свою статью.

Но если в этой части, как и в своих предпосылках, т. Тагер прав, то с его выводом все же полностью согласиться нельзя.

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

Автор прав, когда он, резюмируя, говорит, что «...нет никакой надобности ограничивать кассационную инстанцию в пользовании новыми доказательствами...» Это бесспорно. Но когда он заканчивает свою мысль словами: «...но при одном непременном условии: «существенное новое доказательство, способное изменить выводы суда первой инстанции, должно влечь за собой отмену приговора и направление дела для нового рассмотрения, а не его изменение кассационным судом» (подчеркнуто автором. — А. Л.), то здесь он, по моему мнению, абсолютно неправ.

Прежде всего разберем аргументацию самого т. Тагера.

Он аргументирует так: «Это повысит сознание ответственности судей первой инстанции за выносимые ими приговоры и тем самым будет содействовать поднятию качества работы судов, рассматривающих дело по существу».

Но почему т. Тагер думает, что отмена приговора с направлением дела на новое рассмотрение скорее повысит сознание ответственности у судей первой инстанции и поднимет качество их работы, чем, скажем, отмена приговора с полным прекращением дела? Думается, что даже наоборот: если кассационная инстанция, получив при кассационной жалобе или добыв к моменту ее рассмотрения новые, бесспорные доказательства невиновности осужденного или отсутствия уголовно-наказуемого деяния с его стороны, тут же прекратит дело производством, то такая отмена приговора гораздо больше повлияет на судью, вынесшего приговор, чем отмена с передачей дела на новое рассмотрение. Во-первых, самый факт полного прекращения дела естественно производит несравненно более сильное действие, чем отмена приговора. Во-вторых, передача дела на новое рассмотрение означает для суда первой инстанции возможность, именуемую в житейском обиходе: «это еще бабушка надвое сказала», так как еще неизвестно, что, мол, новое рассмотрение даст...

Да и вообще, мне кажется, всякая передача дела на новое рассмотрение при возможности окончательно разрешить его в кассации производит на низовой суд отрицательное впечатление. «Ага, все-таки сами не захотели прекратить, не решились!..» И действительно, если проследить подобные явления в практике районных судов (особенно провинциальных), когда они иногда, вместо того чтобы ввиду выяснившихся на суде обстоятельств оправдать обвиняемого, направляют дело обратно в милицию для доследования, то поневоле с подозрением посмотришь потом на каждый случай передачи дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение: а не было ли тут той судейской робости, из-за которой ясное дело не получило окончательного разрешения?

Правда, т. Тагер ссылается еще на судебный прецедент. В своей статье он среди других примеров приводит указание президиума Верховного суда РСФСР о том, что «при наличии противоречивых экспертиз кассационная коллегия Верховного суда должна была передать дело на новое рассмотрение». Этот принцип т. Тагер считает необходимым «обобщить» и распространить его на все виды новых доказательств, появляющихся впервые в кассационной инстан-

ции. Но и данная ссылка на решение президиума Верховного суда не может служить аргументом в пользу т. Тагера.

Прежде всего в указанном прецеденте речь шла о противоречивости двух экспертиз. Иначе говоря, кассационный суд столкнулся с наличием двух разноречивых исследований сведущих лиц. В таком случае действительно возникает вопрос: какой же экспертизе отдать предпочтение? А раз такой вопрос возникает, и суд сам не берет на себя роли арбитра между двумя экспертами, ему, вполне понятно, надо обратиться к третьему. Впрочем и тут я лично считал бы возможным обойтись без нового расследования. Поскольку кассколлегия назначила новую экспертизу, надо считать, что ей она больше доверяет, нежели первоначальной экспертизе (да она, вероятно, и более авторитетна и компетентна по своему составу), а, стало быть, она и может и должна отдать ей предпочтение и решить дело по ее выводам, вопреки выводам первоначальной, отвергнутой ею экспертизе. Иначе зачем, собственно, назначать новую экспертизу? Гораздо проще при возникновении сомнения в правильности заключения имеющейся по делу экспертизы сразу направить дело на новое расследование для производства вторичной экспертизы.

Но если даже считать, что приведенное указание президиума Верховного суда, касающееся двух экспертиз, является безусловно правильным, то никак нельзя признать правильным «обобщение» его на все виды новых доказательств в кассационном процессе. Возьмем пример хотя бы из практики гражданских дел. Неужели может кому-либо прийти в голову мысль, что дело, по которому нарсад решил взыскать с организации сумму неоплаченного ею счета, должно быть обязательно направлено кассационной на новое рассмотрение даже в том случае, если ей представлена официальная справка банка об оплате этого счета? Думаю, что такая мысль ни одному благоразумному человеку не придет. Но тогда почему мы не должны рассуждать таким же образом в делах уголовных? Разве здесь не встречаются подобные простые случаи? Конечно же, бывают. Вот пример из ленинградской практики.

Нарсад Тосненского района, рассмотрев уголовное дело № 1125 1936 г., осудил гр. Суйконона по ч. 2 ст. 61 УК за невыполнение обязательств по лесозаготовкам в IV квартале 1935 г. Осужденный обжаловал приговор на том основании, что обязательство ему не было вручено, в деле имелось только показание сельского исполнителя о том, что он «довел задание» до брата осужденного. Последний же, помимо всего прочего, представил лично в кассационную официальную справку местного райлесхоза о том, что он в ноябре и декабре 1935 г., т. е. как раз в том же IV квартале, заготовил и вывез для райлесхоза солидное количество древесины. Казалось бы, чего проще, прекратить дело производством. Так нет же, присутствовавший в заседании кассационного суда прокурор высказал точку зрения, совпадающую с точкой зрения т. Тагера, и 4-я кассколлегия Леноблсуда вынесла определение об отмене приговора с направлением дела на новое рассмотрение, мотивируя тем, что у кассколлегии нет возможности проверить правильность справки райлесхоза. Каждый официальный документ, представляемый

в суд, обычно почитается правильным, покуда нет оснований для обратного предположения. Зачем же, спрашивается, было посылать дело на новое расследование, раз имеется официальный документ, выданный действующим советским учреждением?

Не ясно ли, что передача дела на новое рассмотрение, да еще со стадии предварительного расследования, в подобных случаях означает не что иное, как новый отрыв людей труда от производительной работы, обречение их на излишнее дергание на допросе и в суде?

Кстати, поскольку уже зашла речь о Ленинграде, необходимо отметить, что в этом отношении мы живем как будто в «глубокой провинции». У нас что-то не слышно о таких случаях, когда кассинстанция сама добывает новые доказательства, вызывает свидетелей. У нас кассаторы рады, когда им не бросают тут же обратно представляемые документы. Прилагаемые же к жалобе документы, в особенности сельские общественные приговоры и письменные «показания очевидцев», чаще всего игнорируются кассинстанцией. Вот пример из практики той же 4-й коллегии Леноблсуда.

Нарсуд Любытинского района по делу № 118 1936 г. осудил к 5 годам тюрьмы по ч. 1 ст. 73 УК колхозника Никитина за нанесение побоев председателю сельсовета в то время, когда тот наблюдал за порядком в избе другого колхозника, где происходило гуляние по случаю религиозного праздника. В жалобе осужденный ссылался на то, что сам председатель сельсовета тут же пьянствовал и что у него на суде не было защитника (который был им приглашен, но к моменту суда переехал в другой район). В деле имеется соглашение, заключенное осужденным задолго до суда с членом коллегии защитников; в протоколе судебного заседания записано, во-первых, что обвинительное заключение получено подсудимым 25/1 (а дело слушалось 27/1, следовательно, не за три, а лишь за два дня до суда), во-вторых, определение суда о слушании дела без

защитника, которого взял обвиняемый и который не явился в суд. Ну, защита в данном случае, поскольку прокурор не участвовал, не обязательна. Процессуальное нарушение с вручением обвинительного заключения тоже как-то слабо задело кассколлегию. И приговор она утвердила. При этом она оставила также без внимания приложенные к жалобе приговоры колхозников с просьбой о смягчении участи осужденного и «показания очевидцев» о том, что выступавшие в суде свидетели обвинения (из которых один бригадмилец), помогавшие председателю сельсовета наводить порядок на «празднестве», сами были пьяны и били осужденного, а председатель сельсовета ругал его нецензурной бранью. Между тем не мешало бы расследовать заново такое дело при наличии подобных «показаний» в кассинстанции.

Наконец, еще один пример из практики 1-й коллегии того же деревенского отдела Леноблсуда. Нарсуд Красногвардейского района по делу № 1135 1936 г. осудил трех молодых колхозников по ч. 2 ст. 74 и ч. 1 ст. 142 УК, по совокупности, к 5 годам тюрьмы, причем наиболее суровую санкцию определил по ст. 142. К моменту разбора дела в кассколлегии родители находящихся под стражей осужденных сообщили защитнику, что потерпевший совершенно оправился и работает грузчиком, как работал и до ранения. Кассколлегия, по предложению защитника, согласилась отложить рассмотрение дела до представления медицинской справки о состоянии потерпевшего. По этому поводу обратились к райпрокурору за содействием, но тот наложил резолюцию, что ничего не может сделать, так как дело находится в кассколлегии... Пока что приговор утвердили. А проще было, конечно, самой кассколлегии затребовать от местных властей справку.

А что касается руководящих указаний в этой области, то они действительно нужны, как воздух. А то получается по поговорке — «что город, то поров».

ХОХЛОВ

За образцовый порядок судебного хозяйства

Вопрос о состоянии судебного хозяйства продолжает оставаться одним из больших мест в работе судебных учреждений. Этому вопросу, я бы сказал, мало кто из наших судей придает соответствующее значение. Даже на страницах нашей печати очень редко об этом говорят.

Нечего скрывать, что многие наши судьи весь учет, контроль и охрану судебных дел переложили на секретарей и делопроизводителей. Разобрал судья дело — и конец, остальное все делает канцелярия. Даже большие того, многие судьи вообще не интересуются тем, как выполняются вынесенные им приговоры и определения, надеясь, что все это сделает секретарь. Такое положение к хорошим результатам привести не может.

А что это действительно так — приведу примеры из практики линейного суда МББ ж. д.

В марте 1934 г. лисуд МББ ж. д. получил из Верхсуда БССР около 400 дел, рассмотренных в 1933 г. линейным судом БССР. Все дела были привезены без описи и сданы без актов. Дела были настолько растрепаны, что бумажки одних дел лежали в других делах. Описей бумаг указанные дела не имели.

Большинство дел — это были дела, рассмотренные по закону 7/VIII 1932 г.

По некоторым делам имелись определения Транспортной коллегии Верхсуда СССР о переквалификации преступления и снижении сроков лишения свободы.

Казалось бы, при наличии такой ситуации (о чем было известно работникам лисуда) следовало сразу же приступить к тщательному разбору дел, приведению их в порядок и взятию их на контроль с тем, чтобы была совершенно ясная картина

Несмотря на всю серьезность этих дел, никто из работников лиссуда МББ ж. д. не принял сразу же мер к приведению всех дел в надлежащий порядок, и эти дела в таком состоянии продолжали оставаться в течение полутора лет.

Правда, в апреле 1935 г. эти дела разбирали и проверял секретарь суда Раткевич, но то, что следовало сделать, — взять дела на контроль и осуществлять по ним контроль исполнения, — он не сделал.

В конечном итоге безобразное состояние дел привело к тому, что двое осужденных — Чернухо и Сойко, — подлежащие по определению Транспортной коллегии Верхсуда СССР освобождению из-под стражи, незаконно содержались: Чернухо в течение 16 месяцев и Сойко — 15 месяцев.

Для характеристики привожу одно из этих дел:

19/III 1933 г. лиссудом БССР была осуждена по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы Чернухо П. И. 13/VI 1934 г. по протесту прокуратуры МББ ж. д. Коллегия по транспортным делам Верхсуда СССР преступление Чернухо переквалифицировала на ст. 162 УК и меру социальной защиты определила в 2 года лишения свободы условно. Лиссуд МББ ж. д., получив 15/VI 1934 г. определение Транспортной коллегии Верхсуда, 16/VI 1934 г. направил его начальнику Минской ФТК для немедленного освобождения Чернухо из-под стражи.

Вместо того чтобы это дело взять на контроль и по истечении известного времени проверить исполнение, оно было положено в архив.

Минская ФТК полученное определение направила в Темниковские лагеря, куда была направлена Чернухо, а сообщить об этом лиссуду не удосужилась. Темниковские лагеря это определение не получили, и исполнение на этом прекратилось.

Чернухо была освобождена прокурором Дмитлага в порядке ст. 440 УПК 7/X 1935 г.

Последствия такого безобразного отношения к судебному хозяйству наших работников, как видите, тяжелые.

В известной степени в этом повинна и прокуратура. В первом случае — по делу Чернухо — прокуратура МББ ж. д., а во втором случае — по делу Сойко — Главная транспортная прокуратура СССР, которые, получив по их протесту копии определений Верхсуда об освобождении из-под стражи, положили их в папки и не проследили за исполнением определений.

Дело Чернухо было обнаружено в октябре 1935 г. Казалось бы, после этого следовало все дела лиссуда БССР проверить и навести образцовый порядок. Но этого никто из работников лиссуда не сделал. Формально по лиссуду 22/X 1935 г. был издан приказ, на основании которого ст. секретарь Шепелева обязана была произвести проверку исполнения приговоров и определений по этим делам. Однако этот приказ также не был выполнен. Даже тот, кто издавал приказ (пред. лиссуда Вторников) и установил срок — к 5/XI 1935 г., — не позаботился проверить выполнение этого приказа.

В результате этого безобразного состояния был обнаружен второй случай незаконного содержания под стражей. После этого случая все дела проверялись работниками прокуратуры МББ ж. д.

Одновременно с проверкой исполнения проверялась законность примененной меры соцзащиты и производилось расследование.

Расследование показало, что по 10 делам до сих пор нет ответа об освобождении осужденных из-под стражи.

По этим делам, как правило, в течение 1—1½ лет не проверялось исполнение.

Наряду с проверкой прокуратура МББ ж. д. внесла 12 протестов на жесткость вынесенной меры соцзащиты и неправильное применение закона 7/VIII 1932 г.

Вместе с этим проверка показала, что к запросам лиссуда места заключения, куда посылались копии определений Транспортной коллегии Верхсуда СССР, относились безобразно. В большинстве своем места заключения, несмотря на неоднократные запросы лиссуда, ответа не давали.

В качестве примера можно привести следующий случай:

27/X 1935 г. лиссуд послал отношение на имя начальника Оршанской ФТК с просьбой сообщить содержалась ли у них в 1933 г. Сойко и получено ли было определение Транспортной коллегии Верхсуда СССР о его освобождении. Не получая ответа, лиссуд ровно через месяц (хотя это и очень поздно) посылает подтверждение, но ответа до сих пор не получил.

Можно было бы привести еще ряд подобных примеров, но и одного этого достаточно, чтобы сделать соответствующие выводы.

Среди проверяемых дел были выявлены случаи, когда осужденные к лишению свободы до сих пор продолжают оставаться на свободе.

27/X 1933 г. аварийщик Позднякович был приговорен к 2 годам лишения свободы. По вступлении приговора в законную силу лиссуд БССР 8/I 1934 г. послал копию приговора на имя начальника борисовской милиции с предложением арестовать Поздняковича. После этого дело было положено в архив и обнаружено было только при проверке.

Запросы на имя начальника борисовской милиции, борисовской и минской тюрем показали, что копии приговора они не получили и Позднякович у них не проходил.

Подобные образцы работы не могут быть больше терпимы, и борьба с ними должна вестись самым решительным образом.

В порядке предложения я считаю, что Прокуратура СССР и Верхсуд СССР должны дать строжайшую директиву местам о том, чтобы прокуроры и судьи в самом срочном порядке проверили все состояние судебных дел и установили такой контроль, который обеспечил бы суды от подобных безобразных случаев.

Вопрос улучшения учета, контроля и хранения судебных дел — очень важный вопрос. Надо, чтобы наши судьи поняли всю ответственность этого и наладили бы работу так чтобы все то, что делается в канцелярии, они знали, помня при этом, что это не только техническое дело.

Больше внимания работе нарсуда

В декабре прошлого года Киевским облсудом были заслушаны два дела, сигнализирующие о том, что облсуд очень редко заглядывает в камеры нарсудов столицы Украины.

В нарсуде кооперации и торговли, который находится в одном здании с облсудом, была совершена кража 6 дел лицом, никакого отношения к суду не имеющим. Дела хранятся безобразно, шкафы закрываются так, что открыть их ничего не стоит, а камера нарсуда запирается ключом, имеющимся у курсантов общежития юркурсов, живущих этажом выше.

Уборщицей работала баптистка, распеваящая вместе со своей приятельницей псалмы в камере нарсуда.

В нарсуде Петровского района «порядок» в делах еще худший.

Дела не только хранятся также безобразно, но за этими делами никто не следит. Судьи (осужденные по этому делу Толочко и Телевинов) не интересовались, как исполняются дела, посланы ли по ним для исполнения копии приговоров и решений. Дела пачками забирали к себе домой секретари судебных заседаний для окончания и оформления протоколов.

Ревизией гражданских дел было установлено, что по 149 заявлениям, лежащим свыше года (с 1934 г.), дела не заведены.

Вопросами правильного взыскания судебных пошлин и предотвращения возможности злоупотреблений по ним судьи совершенно не занимались. Приговоры не исполнялись месяцами, а иногда и годами.

Судьями Телевиновым и Толочко была принята на работу гр. Дьяконова, которая была допущена к работе, не будучи оформлена, и имела доступ к судебным делам.

Система бесконтрольности и безответственности привела к тому, что Дьяконова сразу же начала злоупотреблять своим положением, присваивая судебные пошлины, а затем «продала» судебное дело двум осужденным по п. «г» ст. 170 УК к 2 и 3 годам лишения свободы Шейнину и Гиванту за 1000 руб., выдав им это дело из нарсуда.

Не занимаясь сейчас подробным изложением этих двух дел, я хочу заострить внимание на следующих, имеющих большое значение, моментах:

1. Вопрос о хранении дел в суде должен быть поставлен исключительно серьезно.

Не может быть такого положения, чтобы дела выносились из нарсудов к себе на квартиру «для окончания» ни судьями, ни секретарями. К слову сказать, наши УПК и ГПК не знают такого положения, когда бы дело, нача-

тое в судебном заседании, не было здесь же и разрешено.

Дела должны храниться в надлежащих шкафах так, чтобы доступ к ним был возможен только нарсуде и техническому аппарату, непосредственно работающему над этими делами. Нужно запретить вход посторонним лицам в комнату, где хранятся дела.

Этим поднялась бы ответственность аппарата нарсуда за хранение каждого дела. Хранение судебных дел и документов надо организовать так, чтобы была совершенно исключена возможность пропаж, а тем более хищений судебных дел и отдельных документов.

2. О кадрах технических работников.

Если вопросом подбора ответственных работников облсуд занимается, то набор технических работников проходит крайне неудовлетворительно.

Принятая в нарсуд секретарем Дьяконова никем не проверялась, а характеристика, которую о ней потом вынес в своем приговоре облсуд, такова, что интересоваться ее личностью следовало.

Тоже и уборщица нарсуда кооперации и торговли, баптистка, устраивающая в камере совместное с единомышленницей пение псалмов, работавшая в нарсуде около двух лет.

Еще один вопрос, на котором я хочу остановиться, — это о нарзаседателях.

В том же Петровском нарсуде, как установлено облсудом, были постоянные нарзаседатели.

Таким был приятель судей М. Вайсберг, которого нет в списке нарзаседателей за 1934 г. и который, по его собственному заявлению, не избирался с 1931 г.

Интересно, что вызовом нарзаседателей ведет секретарь нарсуда, списки находятся в хаотическом состоянии, судьи в них не заглядывают и не интересуются законностью состава нарсуда.

Извращаются и опошляются решения о составе суда и об участии в суде возможно большого количества трудящихся.

Есть нарзаседатели, принимающие участие в работе нарсуда десятки дней, вызываются они по принципу — кого скорее можно вызвать.

Этому вопросу облсуд должен уделить большее внимание, чем до сих пор, надо почаще заглядывать в камеры нарсудов, заслушивать их отчеты не только с точки зрения осуществления линии судебной репрессии. Необходимо также интересоваться и канцелярией нарсуда, условиями работы там и такими «мелочами», как хранение судебных дел и документов.

Работа Института уголовной политики за 1935 г.

Совет института вынес 4/1 1935 г. по докладу директората о его работе за 1935 г. следующее постановление:

«1) Констатировать, что план работы института за 1935 г. выполнен, а по отдельным секциям частично перевыполнен.

Отметить однако, что это перевыполнение плана произошло за счет тех тем, которые либо возникли в связи с предыдущими работами отдельных авторов, работающих по линии института, либо были вызваны практическими требованиями дня и во всяком случае могли быть своевременно предусмотрены в плане.

2) Ввиду того, что в настоящий момент имеются все основания утверждать, что Институт по изучению уголовной политики окреп как научно-исследовательское учреждение, считать необходимым в плане работы института на 1936 г. уделить больше внимания научно-исследовательской работе, проводимой в тесной увязке с практическими требованиями дня».

Таким образом совет института в своем постановлении отметил два обстоятельства, очень важные в смысле оценки предыдущей работы института и в смысле намечения перспектив его. Особенно важно указание совета на то, что институт настолько окреп, что стал по-настоящему научно-исследовательским институтом, и в дальнейшем должен больше внимания уделить разработке узловых проблем уголовного права в тесной увязке с практической работой органов юстиции.

Постановление совета института крепко бьет по тем настроениям, которые имели место среди некоторых наших работников уголовно-правового фронта, которые считали, что Институт уголовной политики должен заниматься исключительно вопросами обобщения судебной практики, а разработкой проблем уголовного права и политики и издания учебников должны заниматься другие научно-исследовательские институты. Такое разграничение функций между различными научно-исследовательскими учреждениями методологически всегда было неправильно, ибо нельзя себе представить, что один институт будет заниматься разработкой практических вопросов уголовного права и политики, а другой будет заниматься разработкой исключительно теоретических проблем уголовного права и политики.

Столь положительная оценка работы института, данная советом, является результатом той большой работы, которую институт проделал за 1935 г. 1935 г. был по существу первым творческим годом после реорганизации Института уголовной политики. 1934 г. был годом, когда институт после его реорганизации приступил к собиранию научных работников, выработке плана работы, осмыслению тематики, собиранию материалов, освоению судебной практики и т. д.

За 1935 г. институтом был издан ряд учебников, монографий, методических писем и т. д. К наиболее значительным из издательских работ можно отнести учебник по криминалистике, который вышел под редакцией А. Я. Вышинского. Учебник по криминалистике состоит

из двух книг: в первой книге, вышедшей в 1935 г. в объеме 20 печатных листов, излагаются основные принципы и история развития криминалистики, техники и тактики расследования преступлений; во второй книге даются методика расследования отдельных видов преступлений: хищений, растрат, подлогов, выпуска недоброкачественной продукции, убийств, половых преступлений, поджогов, грабежа и разбоя. Вторая книга выходит из печати в этом году.

В 1935 г. институтом была выпущена работа А. А. Герцензона «Советская уголовная статистика», учебное пособие для институтов права и юридических курсов. В этом учебнике излагаются основы советской уголовной статистики, дается краткий обзор уголовной статистики капиталистических стран и рассматриваются формы и методы учетно-статистической работы органов юстиции в СССР.

В 1935 г. институт выпустил ряд работ, имеющих своей целью помощь следственному аппарату и прокурорским работникам в деле повышения качества расследования.

Так, выпущена работа тт. Тарасова-Родионова и Ласкина «Расследование дел о растратах и подлогах», являющаяся практическим пособием для следователей и слушателей юридических курсов. В этой работе дается ряд методических указаний по расследованию должностных преступлений и в частности по методике и технике расследования дел о растратах и подлогах.

Институтом выпущена работа т. Долицкого «Следственные упражнения» — пособие для следователей, прокуроров и слушателей юридических курсов. Эта работа является результатом проведенных в институте практических упражнений с работниками следствия г. Москвы.

Выпущено методическое письмо по организации и проведению судебно-бухгалтерской экспертизы.

Работниками института был подготовлен раздел об уголовном праве в учебнике «Юрминимум».

Институтом выпущен отдельной брошюрой доклад А. Я. Вышинского на тему: «Речь т. Сталина 4 мая и задачи органов юстиции». В этом докладе, исходя из указаний вождя партии и всех трудящихся товарища Сталина о том, «что кадры решают все», о бережном и внимательном отношении к человеку, — т. Вышинский показал пути и методы перестройки работы органов юстиции в соответствии с этим указанием.

Много внимания институт уделял освещению уголовной политики капиталистических стран, в частности в 1935 г. была издана монография А. Н. Трайнина «Уголовная интервенция» под редакцией и с предисловием А. Я. Вышинского. В этой работе даются анализ и критика возникшего в 1926 г. движения по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. Автор в этой работе показывает, как под маской выработки единых норм для борьбы против пиратства, торговли опиумом, проституции и т. д. наиболее реакцион-

ные круги теоретиков уголовного права занимались созданием единого фронта борьбы против растущей активности масс и коммунистического движения.

Кроме того в 1935 г. институтом были изданы семь номеров «Бюллетеня иностранной информации». По своему содержанию «Бюллетень» за последний год перестал быть чисто информационным органом, а превратился в теоретический орган по вопросам уголовного права и процесса капиталистических стран.

В 1935 г. институтом был издан сборник по детской преступности в капиталистических странах. В этом же году был издан сборник материалов по статистике преступлений и наказаний в капиталистических странах. В этом сборнике собраны и обработаны статистические материалы более чем по 20 странам, данные МОИР о белом терроре более чем по 50 странам. По ряду стран собраны материалы охватывающие 50—100-летний период времени.

Выпущены 10 номеров аннотаций по криминалистике в объеме 20 печатных листов.

В 1935 г. Институт уголовной политики совместно с секцией уголовной политики ИССП Комкадемии приступил к изданию своих научных трудов «Проблем уголовной политики». В 1935 г. вышел первый сборник — «Проблем» и подготовлен к печати второй сборник. В первом сборнике институтом были помещены следующие статьи: Н. В. Крыленко «Проект уголовного кодекса СССР», А. Я. Вышинского «К реформе уголовно-процессуального кодекса», А. С. Шляпочникова «Преступность и репрессия в СССР», Б. С. Маньковского «Расовая теория уголовного права германского фашизма», А. А. Пионтковского «Уголовная политика Японии». Во втором номере «Проблем» печатаются следующие статьи: А. Я. Вышинского «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции», М. С. Строговича «Проблема уголовного процесса», Ю. Межина «Борьба органов юстиции с крушениями на ж.-д. транспорте», С. П. Митричева «Спекуляция и борьба с ней», Б. С. Маньковского «Расовая теория уголовного права германского фашизма» (очерк второй), Ф. А. Галле «Очерк германского судостроительства и уголовного процесса в послевоенный период (1918—1933 гг.)», Люблинского «Об усилении роли прокуратуры в буржуазных странах», А. А. Пионтковского «Организация судебной репрессии в Индии», А. А. Герцензона и Б. С. Ошеровича «Очерки советской уголовной политики» (обзор).

Институт готовится к печати сборник — «Буржуазная тюрьма» в объеме 15 печатных листов.

Подготовлена к печати монография Н. Н. Полянского «Судостроительство и процесс в Англии» в объеме 14 печатных листов и монография А. А. Пионтковского «Уголовная политика Японии» в объеме 17 печатных листов. Подготовлено 2-е издание «Следственные упражнения» т. Долицкого в объеме 8 печатных листов, работа т. Яхнич «Краткое руководство по методике ведения предварительного расследования» в объеме 5 печатных листов. Кроме того институтом подготовлен к печати библиографический справочник по криминалистике на русском и иностранном языках.

В 1935 г. была проведена большая работа по подготовке книги «Об исключительном законодательстве на Западе». В этом сборнике будут даны подлинные документы чрезвычайных законов послевоенного периода. В работе принимают участие под руководством проф. Галле и Полянского группа научных сотрудников института.

На основе институтических работ было помещено около 30 статей в журнале «Соц. законность», «Советская юстиция» и «Советское государство» работниками института.

За 1935 г. в институте было заслушано около 30 докладов как общеправового характера, так и по отдельным секциям. Заслушаны доклады по важнейшим вопросам уголовной политики и права. К таким можно отнести доклады т. Вышинского А. Я. на темы: «К реформе уголовно-процессуального кодекса», «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции» и «Трехлетие закона 7 августа об охране общественной социалистической собственности», доклад т. Крыленко «К реформе УК», доклад т. Винокурова «О реформе судостроительства», доклад Ф. Е. Нюриной «Проект нового закона об алиментных».

По процессуальной секции заслушаны доклады: т. Строговича «Основные проблемы теории уголовного процесса», т. Люблинского «Об усилении роли прокуратур в буржуазных странах», т. Гольмана «Об организации формы работы судебно-бухгалтерской экспертизы», т. Полянского «Новое в уголовном законодательстве и судебной практике Англии», т. Брусиловского «Основы итальянского судостроительства и судопроизводства», т. Галле «Дело Гейнца Неймана» и т. д.

По судебной секции были заслушаны доклады т. Митричева «Должностные преступления в колхозах», т. Лаговниера «Органы юстиции в борьбе с обмериванием и обвешиванием и нарушением розничных цен», т. Межина «Борьба органов юстиции с крушениями на ж.-д. транспорте», т. Маньковского «Система особенной части проекта УК германского фашизма», т. Герцензона «Единый учет преступлений и наказаний», т. Шляпочникова «Конъюнктурный обзор преступлений и наказаний на 1934 г.», т. Дурманова «Взятка в буржуазном и советском уголовном праве», т. Герцензона «Убийства и борьба с ними», т. Маньковского «Проблема должностных преступлений» и т. д.

По секции по изучению детской преступности был заслушан доклад т. Нахимсона «Об итогах переписи несовершеннолетних правонарушителей и задачах борьбы с преступностью несовершеннолетних» и т. д.

За 1935 г. институтом было организовано несколько выездов с докладами: в Ленинграде и Киеве т. Шляпочников сделал доклад «О движении преступлений и наказаний за 1934 г.». Совместно с секцией уголовной политики Комкадемии был организован выезд в Минск, где перед большой аудиторией практических работников и студентов Минского института права был сделан ряд докладов работниками института.

В этом году институтом была организована лаборатория научно-судебной экспертизы, поставившая своей задачей — развернуть на основе производства судебных экспертиз научно-исследовательскую работу в этой области.

Вот в общих чертах характеристика проделанной институтом работы за 1935 г. Проведена немалая работа, но тем не менее она является незначительной частью той громадной работы, которая предстоит институту. Руководству института и коллективу научных работников придется немало поработать над тем, чтобы вывести институт на широкую дорогу научно-исследовательской работы, придется еще немало потрудиться над тем, чтобы сделать институт популярным научно-исследовательским учреждением.

Наряду с теми достижениями, которые имеет институт, имеется немало недостатков. К этим недостаткам нужно отнести то, что институт еще в недостаточной степени привлек к научно-исследовательской работе кадры практических работников, а также не охватил в достаточной степени широкие массы практиков своей деятельностью.

Нужно в этом году организовать ряд выездов в союзные и национальные республики с теоретическими докладами. Для более глубокого охвата и привлечения научных и практических работников к работе института необходимо созвать пленум института с постановкой ряда докладов по основным проблемам уголовного и гражданского права, уголовного и гражданского процесса.

Работа по созыву пленума должна быть начата сейчас для того, чтобы докладчики и участники пленума могли в письменном виде представить за несколько месяцев до созыва этого пленума свои доклады и выступления.

Важнейшей проблемой для нас является вопрос о поднятии качества научно-исследовательской работы. Работа в нашем институте должна быть поднята на более высокий теоретический и принципиальный уровень, нужно перейти от издания маленьких брошюр к

серьезным научно-исследовательским работам и монографическим исследованиям.

Институт должен также приступить к изданию многотомной работы по сравнительному уголовному праву, должен заняться изданием классиков по уголовному праву. Решение ЦК ВКЦКб) и Совнаркома Союза ССР об изучении истории ставит перед институтом задачу разработки истории судебного права.

Институт должен в этом году поставить перед собой задачу расширения существующей лаборатории по судебной криминалистике, организовать ряд дополнительных кабинетов, как-то: по судебной химии, экспертизе оружия и т. д.

Институт должен развернуть в этом году работу по созданию кабинета по истории советского права, который бы служил базой при изучении советского права. Нужно приступить и к организации музея по криминалистике. В связи с организацией секции гражданского и хозяйственного права и секции по уголовной статистике должен быть поставлен вопрос об издании журнала по судебному праву и политике, ибо выпускаемые сборники «Проблемы уголовной политики» ни в какой мере не в состоянии будут охватить всей той массы продукции, которую институт выпускает.

Отчасти все эти вопросы уже намечены в плане работ института на 1936 г., который публикуется в этом номере журнала. Выполнение этого плана потребует немало напряжения и энергии, это отчасти восполнит пробел в работе института; тем не менее и этот план не является тем идеалом, к которому институт стремится.

Преобразование института в подлинное союзное научно-исследовательское учреждение потребует также привлечения наряду с имеющимися новыми молодыми кадрами научных работников.

Р. ЛОПУХОВ

За высокое качество подготовки аспирантов по правовым дисциплинам

Задача успешной борьбы за социалистическую законность требует максимального укрепления органов юстиции политически подготовленными и обладающими высокой юридической квалификацией кадрами. Организация подготовки работников суда и прокуратуры и улучшение качества учебы во многом зависит от разрешения проблемы подготовки научно-педагогических кадров. Поэтому вопрос о качестве подготовки новых научных кадров в области права в данный момент, в свете реализации гениального лозунга товарища Сталина «кадры решают все», приобретает особо актуальное значение.

Ставя вопрос о подготовке новых научно-педагогических кадров в области права, мы должны заострить внимание на аспирантуре как основном звене подготовки новых научно-педагогических кадров.

Несмотря на огромную важность подготовки «кадров для кадров», этот участок работы на научном правовом фронте является наиболее

отсталым участком. Организация аспирантской подготовки должна быть пересмотрена, чтобы растущие требования правовых институтов, краевых и областных юридических курсов были бы целиком удовлетворены. Надо вплотную подойти к выполнению указаний прокурора Союза ССР т. Вышинского о коренном улучшении подготовки кадров. «Мы должны, — говорит т. Вышинский, — коренным образом пересмотреть нашу работу в области кадров, которой до последнего времени, мы, к стыду своему, уделяли совершенно недостаточное внимание. Мы плохо учим наши кадры, плохо их воспитываем и плохо ими руководим»¹.

В результате того, что «мы плохо учим наши кадры», и является недостаточное наличие научно-педагогических сил. Подготовка же новых кадров из аспирантуры протекает неудовлетворительно. Доказательств этому очень

¹ Вышинский А. Я., Речь т. Сталина 4 мая и задачи советской юстиции, стр. 57.

много. В РСФСР аспирантура существует в двух правовых институтах — Московском и Ленинградском. Однако за все время существования аспирантуры в Московском и Ленинградском правовых институтах ни один из окончивших аспирантуру не защитил диссертационной работы. Значение же диссертационной работы, особенно после постановления правительства 13/1 1934 г., чрезвычайно велико. Однако оно, как мы видим, не нашло практического применения и при двух последующих выпусках аспирантуры в 1934 и в 1935 гг. Очевидно дело в том, что до настоящего времени кафедры почти совершенно не занимаются работой по выращиванию научных кадров из аспирантов, как будто это не их задача. Аспиранты не используются на исследовательской работе, характер которой может быть самый разнообразный в зависимости от подготовки и индивидуальных качеств аспиранта. Кафедрами не организованы даже наиболее простые формы научно-исследовательские работы аспиранта. А этих форм немало. В этих же целях представляется целесообразным, чтобы кафедры обеспечили увязку учебно-индивидуальных планов аспирантов с теоретическими работами научных институтов. Это помогло бы научному росту аспирантов и выявило бы наиболее способных к самостоятельной научной работе. На практике же такое постепенное и серьезное включение аспирантов в научную работу в Московском правовом институте не проводится. Наоборот, эта практика дает примеры того, как не надо аспирантам включаться в научную работу. Так, например, в начале 1935 учебного года группа аспирантов I курса Московского правового института решила начать свою «ученую деятельность» с написания учебника по истории философии права. Они распределили темы, устроили организационное собрание авторского коллектива и не успели сделать только одного — заключить договор с издательством и получить 40% аванса за свои будущие «теоретические» труды. Эта вредная затея была во-время пресечена вмешательством зам. директора института по учебной части т. Строговича, ибо раньше, как он правильно указал, надо учиться, а потом уже писать учебники для других.

Основная причина плохой подготовки — в недостаточном внимании к комплектованию аспирантуры, в плохой постановке учебной работы и в недостаточной материальной базе, при которой была бы полная возможность углубленной теоретической работы, ибо недостаточный размер стипендии вынуждает аспирантов искать дополнительные заработки. В Московском институте дирекцией взята твердая и правильная линия на запрещение аспирантам совмещаться на таких работах, характер которых не совпадает с интересами научной подготовки, но это не разрешает всего вопроса, так как материальная база аспирантов продолжает оставаться недостаточной.

Что представляет собой в данный момент аспирантура крупнейшего в Советском союзе Московского правового института? В аспирантуре Московского правового института в настоящем учебном году обучается 34 чел. Бесспорным достижением дирекции института является исполнение директивы правительства под руководством аспирантов по индивидуальным

планам. Правда, эти планы еще страдают значительными недостатками, но в отличие от прошлых лет в 1935/36 учебном году у каждого аспиранта есть индивидуальный план.

Наряду с этими положительными моментами в Московском правовом институте есть немало недостатков. Состав аспирантуры еще далеко не соответствует тем требованиям, какие предъявляет партия и правительство к будущим доцентам и профессорам, к кандидатам и докторам государственных и правовых наук. В самом деле, постановление правительства 13/1 1934 г. «О подготовке научных и научно-педагогических работников» при приеме в аспирантуру требует, чтобы «в аспиранты принимались лица, проработавшие на производстве не менее двух лет и проявившие способность к научно-исследовательской или научно-педагогической деятельности»; лишь как исключение разрешается после окончания вуза освобождение от посылки на практическую работу до зачисления в аспирантуру только в отношении лиц, наиболее выдающихся по своим способностям к научной работе... и в каждом отдельном случае по разрешению соответствующего наркомата. Нельзя сказать, чтобы это правило соблюдалось дирекцией Московского правового института. Просмотр сведений об аспирантах показывает, что аспирантские места в значительном количестве заполнены людьми, не имеющими после окончания вуза стажа практической работы и им пока еще свои «выдающиеся способности» ни в чем проявить не пришлось. Повидимому прием в аспирантуру происходил самодетом. Из тридцати аспирантов только у 6 чел. есть стаж свыше 3 лет практической работы, у 14 чел. 2-годовалый стаж в среднем, а остальные 14 чел. совершенно не были на практической работе или работали 3—6 мес. и попали в аспирантуру в порядке набора из числа окончивших институт. По партийности — членов и кандидатов ВКП(б) 17 чел. (50%) и комсомольцев с беспартийными тоже 17 чел. Ясно, что такая коммунистическая прослойка в аспирантуре недостаточна. По возрасту аспиранты распределяются так: старше 25 лет — 20 чел., моложе 25 лет — 14 чел. (41,2%); в числе этих молодых товарищей есть несколько человек 20 и 22 лет.

Эти цифры, свидетельствующие об отсутствии у 14 чел. необходимого стажа практической работы и слишком молодом возрасте ряда товарищей, вселяют большую тревогу, ибо в учебном плане нет необходимой увязки их научной подготовки с производственной практикой. А без овладения особенностями судебного-прокурорской работы из аспирантов не выйдет хороших научных и научно-педагогических работников в этой области. Надо, чтобы указания товарища Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев о бесплодности теоретической работы при отрыве от практики нашли свое прямое и непосредственное отражение в работе аспиранта.

И, наконец, необходимо поставить по-деловому и с большим размахом работу с кандидатами в аспирантуру, направляемыми по окончании института предварительно на два года на практическую работу. С этим резервом должна поддерживаться теснейшая связь и только таким путем в будущем будет устранен самотек при наборе в аспирантуру.

К л е в е т а

Зал рабочего клуба переполнен. До начала судебного процесса над врагом стахановского движения — минуты.

По залу, как бы эхом, отдаются отдельные слова: «Стахановец. Рекорды... Рост производительности». Рабочие одного из цехов Верх-Исетского завода обмениваются между собою показателями стахановской работы сегодняшнего дня.

Человек, сидящий на скамье подсудимых, тщательно ищет глазами сочувствия и каждый раз, встречая презрительный взгляд сидящих, быстро опускает глаза.

Суд идет.

— Подсудимый, гражданин Косарев, встаньте. Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Нет.

И обвиняемый начинает лепетать о каких-то больших заслугах своего отца. Он один из первых у себя в деревне организовал артель по совместной обработке земли. Работая на производстве, подготавливал ценное рационализаторское предложение. «Готовился» даже стать стахановцем.

Говоря о «заслугах» отца, о своей «преданности», он, как бы забывая, не говорит ни слова по существу обвинения. О том, как он пытался оклеветать лучшую бригаду листопрокатчиков, лучшего бригадира-стахановца Щипанова Петра, слава о котором, как о лучшем стахановце, далеко вышла за пределы завода.

**

В день установления рекордной выработки бригадой знатного бригадира, стахановца Петра Щипанова, как никогда поражала исключительная образцовость постановки работы. Умелая и правильная расстановка рабочей силы. Безупречность работы печи. Подготовленность валков.

Подойдя к месту работы бригады, мысленно восхищаясь ее стахановской работой, сменный мастер цеха, всегда болезненно переживающий всякие неполадки в цехе и радуясь, как может только радоваться человек, полжизни отдавший производству, каждому сверх программы прокатанному пакету трансформаторного железа, вынужденный часами, больше из любопытства, чем по необходимости, стал подсчитывать время, затрачиваемое на одну плавку.

— Да, безусловно рекордная цифра. Только бы не сдали темпов, — пряча часы во внутренний карман засаленного жилета, тихо проговорил мастер.

Лязг железа, грохот вагонеток, треск пылающей печи заглушали молодые жизнерадостные голоса рабочих.

Без шума, без лишней суеты, с таким же подъемом, как и в начале, делается последняя сядка плавки.

Минутная стрелка незаметно подкралась к двенадцати — концу смены.

Раздался резкий оглушающий свист заводского гудка, извещающий конец работы четвертой смены. Гудок на этот раз звучал как бы радостнее, с каким-то необычным приятным переливом.

Предположение мастера оправдалось.

Гордясь за работу стахановской бригады, счастливо улыбаясь, он передал директору за вода краснознаменцу Колгушкину рапорт.

— Бригада листопрокатчиков бригадира стахановца Щипанова Петра прокатила за смену 540 пакетов трансформаторного железа, побив установленный до этого заводской рекорд лучших бригад Еловских и Борисова. Бригада установила новый заводской рекорд.

**

В цехе одобрительно пожимали руки счастливым лицам, героям сегодняшнего дня.

На приветствия своих товарищей бригада заверяла, что приложит все усилия для закрепления достигнутых успехов и будет добиваться перекрытия данной им нормы выработки. И в этом весь цех не сомневался. Цех и завод немало вписали ярких страниц побед, одержанных в борьбе за трансформатор, под руководством и повседневной заботой человека, чье имя с честью, с особенной любовью носит завод — орденосца Ивана Дмитриевича Косарева, секретаря областного комитета партии.

По-иному лишь отнесся работающий в этом же цехе раздирик Косарев.

Злобно наблюдая за работой стахановцев, он обдумывал способы, которыми можно было бы опозлить, облить грязью, бурно с каждым днем, часом растущее на заводе стахановское движение.

Наконец, способ найден. Он решил оклеветать бригаду стахановца Щипанова. Обвинить в очковтирательстве. Обвинить в приписке якобы несуществующей выработки.

**

Допрос свидетелей подходит к концу.

После каждого нового показания все яснее становится для суда, а также и для всех присутствующих на процессе, на что способен классовый враг.

Теперь он уже не ищет взглядом сочувствия. Наоборот, он старается спрятаться от пристрастного взгляда проходящих возле него свидетелей, не так давно еще работающий вместе с ним, в одном цехе, на одном стану перед которыми он не раз кичился тем, что он, мол, сын красного партизана, активист организатор колхоза.

Все нутро показано наизнанку. Показано то, что длительное время тонко и умело было замаскировано.

Он клеветал умно.

Получив для раздирки пакеты железа выработки стахановской бригады, он умело, без излишних трудов, убеждает под «честное» слово контролера отдела технического контроля, что в поступившей выработке бригады Щипанова недостает 73 пакетов. В результате莫名其妙но составляется «дельцами» акт: в выработке бригады стахановца Щипанова недостает пакетов. Очковтиратели. Судить...

Начинается злорадство.

«Стахановцы-то из бригады Щипанова — очковтиратели. Пакеты приписали. Вот тебе и стахановская выработка», — всем, кому можно было только, по «секрету» передавал, схищно

улыбаясь Косарев. Это же вторил и контролер, не потрудившийся проверить его заявление.

Однако этот маневр был разоблачен общественностью завода.

Пересортировка разодранных пакетов подтвердила правильность выработки 540 пакетов. И тут выявилось подлинное лицо Косарева.

Судом установлено, что Косарев—сын кулака, торговца бакалейными товарами. В числе родственников у него немало раскулаченных и высланных.

Виновность в саботаже стахановского движения доказана.

Косарев осужден к пяти годам лишения свободы, а чиновник из ОТК Киселев—к двум годам.

Рассмотрение этого дела и разоблачение тактики классового врага повысило активность в развертывании стахановского движения на заводе, повысило революционную бдительность в разоблачении классово враждебных элементов.

Общественность завода в ответ на приговор вписала новые страницы побед в борьбе за развертывание стахановского движения в выполнении поставленной великим, любимым вождем товарищем Сталиным задачу—«развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь». Инициативой стахановцев выдвинута блестящая форма широкого внедрения стахановских методов, стахановских смен, суток.

СВЕР

Потуги прокурора Лисина

НЕСКОЛЬКО СПРАВОК ПО СУЩЕСТВУ

Для того, чтобы совершить автопробег протяжением в десять тысяч километров по маршруту Москва—Аральское море—Кара-Кум и обратно, требуется шестьдесят дней.

Чтобы построить головокружительный по технике мирового значения институт физических проблем, необходимо, как это доказал недавно профессор Капица и его помощники, двести десять дней.

Чтобы солидной планете, на которой мы живем, осуществить свое традиционное путешествие вокруг солнца, требуется, по свидетельству старика Фламарiona, триста шестьдесят пять дней с небольшим.

Чтобы индийская слониха разрешилась от бремени пятипудовым детенышем, ей нужно для этого двадцать с половиной месяцев.

Но вот, спрашивается, сколько времени нужно для того, чтобы прокурор разрешил поступившую к нему жалобу?

Декада? Месяц? Год?

Сколько?

Откровенно говоря, совсем иногда теряешь представление о времени, задумываясь над этим безынтересным вопросом.

Ну, скажем так. Жалуется некто Демерджиев из г. Тары. Жалуется на беззаконие, которое Учинено в отношении него. Эта жалоба направляется омскому прокурору для расследования. 19/VII жалоба передается прокурору Тарского округа Лисину для того, чтобы необходимое расследование произвести на месте.

И вот начинается счет времени.

Проходит декада, проходит месяц, проходит времени столько, сколько хватало бы для совершения автопробега по маршруту Москва—Аральское море—Кара-Кум и обратно.

Жалоба не расследована.

9/X т. Зима, заместитель Лисина, появляется в Омской прокуратуре. Его журят, ему говорят, что нельзя же все-таки так, что есть специальное поучение по поводу этой жалобы от прокурора Союза...

Тов. Зима становится стыдно и он дает твердое обещание. Как только он приедет к себе в Тару, он немедленно примет все необходимые меры к проверке жалобы и сейчас же, обязательно сейчас же сообщит о результатах.

Восемнадцать раз земной шар обернулся вокруг своей оси, прежде чем от тарского прокурора Лисина поступило успокоительное сообщение:

«Проверка жалобы производится. С результатами обождите».

А затем с календаря было сорвано еще 14 листов. И когда в общей сложности со дня передачи Лисину жалобы Демерджиева прошло сто двадцать дней, Лисин прислал еще одно утешительное уведомление. Это уведомление говорит: проверка жалобы производится. С результатами обождите.

А потом пошли скакать декады—одна, другая, третья. И когда накопилось времени столько, сколько необходимо нашей грешной земле, чтобы совершить половину своего ежегодного путешествия вокруг солнца, встал вопрос—каковы же результаты расследования жалобы Демерджиева?

Так вот. Никаких результатов по жалобе Демерджиева ни Прокуратура Союза ССР, ни прокуратура Омской области от Лисина не получила.

Уподобляясь индийской слонихе, которая от своего тяжелого бремени разрешается не раньше двадцати с половиной месяцев, наш неторопливый прокурор все еще тужится над разрешением жалобы Демерджиева.

Пусть же не обижается этот почтенный товарищ, ежели мы во всеуслышание объявим, что то дисциплинарное взыскание, которое на него наложено приказом омского прокурора,—это взыскание за злостную, за упрямую, за постыдную волокиту.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

10/XI 1934 г. в 16 городском почтовом отделении г. Москвы было обнаружено хищение сумки с 15 тыс. руб.

Проведенным расследованием не удалось найти похитителей, но были установлены преступно-халатные действия зав. ценной кладовой Правоторовой и ее помощника Смирнова по хранению ценностей, и названные лица были преданы суду по ст. 111 УК. Обвинительное заключение было санкционировано райпрокуратурой Дзержинского района 23/1 1935 г. и утверждено в подготовительном заседании нарсуда 1-го участка Дзержинского района 27/1 1935 г. (нарсудья Давыдова).

В судебном заседании нарсуда 6/II 1935 г. (нарсудья Давыдова) по ходатайству гражданского истца — представителя Московского городского управления связи и защиты дело было направлено на следствие с предложением о привлечении к уголовной ответственности б. начальника 16-го городского почтового отделения Филиппова, как лица, в заведывании которого находилась ценная кладовая и который создал обстановку, способствовавшую хищению денег.

Второе обвинительное заключение было 4/III санкционировано и 19/III утверждено в подготовительном заседании нарсуда 6-го участка Дзержинского района (нарсудья Линьков).

В судебном заседании 27/III 1935 г. защитник Филиппова ЧКЗ Петров просил о новом направлении дела на следствие, ссылаясь на невыполнение определения от 6/II 1934 г. и прося об истребовании и приобщении приказов и протоколов, относящихся к работе Дзержинского райотдела связи.

Нарсуд удовлетворил это ходатайство, хотя было очевидно, что никакое расследование не могло добавить ничего нового по вопросу о том, был ли несгораемый шкаф найден открытым утром 9/XI обвиняемой Правоторовой, ибо этот факт удостоверялся только ею и активирован не был, а истребование и приобщение документов райотдела связи могло быть выполнено в ходе судебного следствия.

Новое расследование установило фактическое подчинение организованной ценной кладовой б. начальнику 16-го городского отделения Филиппову, и третье обвинительное заключение (ничем по существу не отличающееся от второго) было санкционировано пом. горпрокурора и утверждено в подготовительном заседании нарсуда 6-го участка Дзержинского района (нарсудья Линьков).

Судебное заседание 23/VI (нарсудья Линьков) было отложено из-за неявки обвиняемой Правоторовой и Филиппова.

Судебное заседание 7/VII было отложено ввиду срочного вызова нарсудьи в горсуд.

Судебное заседание 19/VII (нарсудья Линьков) по новому ходатайству ЧКЗ Петрова о направлении дела на следствие со ссылкой на отсутствие в деле приказа и протокола и

невручение обвинительного заключения откладывается с постановлением о вручении копий обвинительного заключения обвиняемым и в требовании приказа и протокола.

Судебное заседание 5/VIII 1935 г. (нарсудья Трипольский) при общем требовании о слушании дела (и даже заявлении обвиняемого Филиппова о согласии на это) снова откладывается по настойчивому ходатайству ЧКЗ Петрова (защитника Филиппова), снова заявляющего об отсутствии приказа и протокола и о невручении подсудимым копий обвинительного заключения.

Наконец, в судебном заседании 19/VIII дело рассматривается по существу, и по окончании судебного следствия и прений сторон выносится определение о направлении дела на следствие. Это определение опять-таки воспроизводит заявление ЧКЗ Петрова о том, что дело не доследовано, что требуемые им документы не были представлены (между прочим копия приказа № 105, на который он все время ссылался, имеется в деле среди представленных в судебное заседание документов) и что виноваты в пропаже денег начальник Дзержинского узла связи Архипов и его заместитель Маковский, а не Филиппов.

Прокуратура Союза ССР считает, что подобного рода движение весьма несложного дела с направлением на четвертое расследование после седьмого судебного заседания является грубым извращением основ советской уголовной политики и правил уголовного процесса и созданием длительной волокиты. Во всем этом деле суд шел на поводу у защитника Филиппова—ЧКЗ Петрова, ходатайства и заявления которого следует признать недостаточными советского защитника. Таково заявление о незнании дела его подзащитным со ссылкой на невручение обвинительного заключения; ЧКЗ не мог не знать, что сущность обвинения против Филиппова не изменилась при третьем расследовании; да и очевидно, что после трехкратного откладывания дела подсудимый, имеющий квалифицированного защитника—члена коллегии защитников, не только знает дело (если он не знал его раньше), но и имеет под рукой все необходимые материалы его, в том числе и обвинительное заключение. Столь же недоброкачественна была ссылка ЧКЗ Петрова в его речи на отсутствие потребованных судом документов, ибо, как указано выше, приказ № 105 к делу был приложен.

При вынесении определения суд, очевидно, не ознакомился с рядом показаний лиц, допрошенных на предварительном следствии (Кашин, Жуленкова, Маковский), а также с содержанием приказа № 105 и ст. 228 руководства по приему и обработке переводов (хотя он и ссылается на эту статью). Перечисленные материалы в совокупности с изложенными в обвинительном заключении и добытыми при

расследовании данными об обстановке, в которой произошло хищение 15 тыс. руб. из кладовой 16 горотделения, дают достаточно оснований к постановке к разрешению по существу вопроса об ответственности каждого из подсудимых—Правоторовой, Смирнова и в первую очередь Филиппова. Суд не лишен права при обсуждении любого дела выносить частные определения и требовать расследования деятельности и других лиц, кроме подсудимых, если он усматривает что-либо незаконное в их действиях. И в данном деле суд мог вынести соответствующее определение в отношении Архипова и Маковского.

Однако, если даже и считать, что названные лица совершили какие-то неправильные действия, вопрос о их ответственности — уголовной или дисциплинарной — отнюдь не должен был связываться с решением дела Филиппова и др.

Материалами этого дела вполне доказано, что Филиппов управлял ценной кладовой, организованной при 16 горотделении, и что зав. кладовой Правоторова и ее зам. Смирнов находились в его распоряжении и выполняли его указания (например, о неотправке сумок с деньгами 9/XI 1934 г. с Заринским ввиду неопороченности его доверенности, показания Правоторовой в судебном заседании и представленная в судебное заседание копия объяснений б. начальника Дзержинского узла Песошина, о выходе Ф/ХI для отправления ценностей одной Правоторовой, а не совместно со Смирновым, как требуется правилами).

При наличии таких данных направление дела на следствие является неправильным и по существу срывает борьбу с хищениями в органах связи, которую суд и прокуратура ведут по неоднократным указаниям директивных органов.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала определение нарсуда 6-го участка Дзержинского района.

Кассколлегия Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила определение нарсуда отменить и дело направить в нарсуд для заслушания по существу вне очереди.

*

10/IV 1935 г. нарсуд 6-го участка Бауманского района г. Москвы приговорил по ст. 109 УК Камшилина Дмитрия Федоровича к 3 годам лишения свободы и Ульянова Алексея Яковлевича к 1½ годам лишения свободы за недостачу на детбазе № 2 Нарпита продуктов и тары на 1571 р. 36 к.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям:

Камшилин работал в качестве ответственного кладовщика детбазы с декабря 1933 г. по 23/III 1934 г. Снятие остатков на 1/II, 1/III и 1/III 1934 г. устанавливало отсутствие всякой недостачи продуктов, была только недостача тары около 200 руб. ввиду невозвращения ее филиалами, за которую произвели удержание с Камшилина.

Утром 23/III зав. базой Шигин приказал Камшилину сдать ключи и пломбир, объявив ему, что он снимает его с работы и, несмотря на соответствующее заявление Камшилина о необходимости сдачи наличия продуктов, приемки их не произвел. 23/III весь день в

кладовой происходила приемка и выдача продуктов самим Шигиным и помощником Камшилина Ульяновым. В ночь с 23 на 24/III было якобы произведено покушение на взлом магазина, но по всей обстановке фиктивное, о чем было заявлено в розыск.

Когда было произведено снятие остатков, по материалам дела установить трудно. Сам Шигин неоднократно в суде заявлял, что он произвел таковое в отсутствие Камшилина 24/III (выходной день). Соответствующего акта в деле нет.

Однако в показаниях Шигина в розыске в первые дни после увольнения Камшилина и происшедшего якобы «покушения на кражу из магазина» имеются противоречащие этому утверждению заявления.

Так, 24/III он показывает: «В настоящее время я произведу снятие остатков и копию актов вам сегодня же представлю».

29/III он показывает: «Произведенным снятием остатков по кладовой детбазы № 2 на 29/III 1934 г. по 5 ассортиментам выявлена недостача».

2/IV он дает обязательство доставить материал по снятию остатков 3/IV к 2 час. дня.

Акта ревизии и бухгалтерской экспертизы в деле нет. Их, конечно, не могут заменить две «выборки», подписанные бухгалтером материальной части Аветисяном, устанавливающие недостачу и излишки продуктов.

Во всяком случае неопровержимым остается тот факт, что Камшилин по акту кладовую не сдал и что до момента снятия остатков в кладовой хозяйничали Шигин и Ульянов, принимая и отпуская продукты, причем Шигин не представил сведений о том, что и в каком количестве он принял и выдал.

Правовое значение допущенных Шигиным незаконных действий совершенно правильно отмечает в своих показаниях старший бухгалтер базы Лившиц: «Я узнала, что Камшилин по распоряжению директора был снят с работы, у Камшилина были отобраны пломбир и ключи до снятия остатков. Кроме того мне стало известно, что в ночь по 24/III до снятия остатков было неизвестно, кем совершено покушение на кражу из кладовой. Когда директор Шигин мне дал акт о снятии фактических остатков, то я ему заявила, что он неправильно сделал, произведя снятие остатков в отсутствие Камшилина, тем более, что он отобрал от него ключи и пломбир, и предупредила его, что в случае недостачи отвечать за таковую будет он».

Учтя указанные моменты, нарсуд 6-го участка Бауманского района 17/V 1934 г. оправдал Камшилина, преданного суду по ч. 1 ст. 116 УК, и частным определением возбуждая уголовное преследование против Шигина по ст. 109 УК за допущенные последним незаконные действия (отстранение Камшилина без приемки кладовой, работа в кладовой без снятия остатков, оставление у себя пломбира).

После произведенного расследования Шигин был предан суду 31/X 1934 г., и нарсудом 6-го участка Бауманского района 7/XII 1934 г. был осужден по ст. 109.

15/XII 1934 г. кассколлегия Мосгорсуда, рассмотрев дело по кассжалоб Шигина, ишла, вопреки установленным фактам, что Шигин непосредственного отношения к отпуску продуктов не имел, а ответственным за недостачу

товаров является Камшилин, «так как из материалов дела видно, что он уклонялся от передачи кладовой другому лицу, в то время как он обязан был сам заботиться о надлежащей передаче наличия товаров, что им сделано не было». Поэтому горсуд отменил в кассационном порядке приговор о Шигине от 7/ХІІ 1934 г. и в ревизионном порядке — оправдательный приговор о Камшилине, и передал дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В определении указано также на неосновательность освобождения от ответственности Ульянова.

После такого предвещающего направления дела определения 15/ІІІ 1935 г. Камшилин и Ульянов были преданы суду за «допущение недостачи продуктов» на 1367 руб., причем Камшилину вменялась в вину и «самовольная передача ключей и пломбира своему заместителю».

При рассмотрении дела 10/ІV 1935 г. свидетель Шигин подтвердил, что пломбир после ухода Камшилина был передан ему; свидетель Лившиц (ст. бухгалтер) показала, что она 28 же марта предложила снять остатки по кладовой, но это не было сделано.

В приговоре нарсуд таким образом обосновывает доказанность совершения преступления Камшилиным: «Суд устанавливает, что обвиняемый Камшилин умышленно уклонялся от сдачи кладовой с целью дабы скрыть свое корыстное преступление, дабы в дальнейшем изобличить кого-то другого, с себя же снять ответственность». И дальше: «Обвиняемые виновными себя не признали, но доказать суду, куда делись продукты, не могли».

По всему тексту приговора видно, что хищение продуктов суд приписывает Камшилину. Виновность же Ульянова обосновывает таким образом: «Ульянов, работая вместе с Камшилиным, не мог не знать о его злоупотреблениях, а следовательно, суд считает, что хищение продуктов было по обоюдному их согласию».

Вся эта формулировка основана не на фактах, а на произвольных предположениях и догадках суда, а частично прямо противоречит материалам дела. Так, доказано, что Камшилин уклоняется от сдачи, а Шигин не допустил таковой; совершенно обойден вопрос о приемке и выдаче продуктов в отсутствие Камшилина. А при наличии этого факта суд не мог требовать от Камшилина «доказать, куда делись продукты».

Несмотря на явную дефектность этого приговора, кассколлегия Московского горсуда немотивированным определением оставила его в силе.

Камшилин с августа 1935 г. отбывает меру соцзащиты.

Ульянов от отбытия меры соцзащиты уклонился, и нарсуд 6-го участка Бауманского района постановил объявить его розыск.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил дежания Камшилина и Ульянова перекалвалифицировать по ст. 111 УК и меру наказания установить им по 1 году и.т. работ, считая этот срок Камшилиным отбытым полностью, а Ульянову условным в течение года.

Водно-транспортный суд Бакинского участка Каспийского бассейна 22/ІХ 1935 г. приговорил

Журавлева Г. П. по ст. 141 УК АССР к 2 годам лишения свободы условно.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор как неправильный и подлежащий отмене по следующим основаниям:

Спекуляция проездными билетами на пристанях и морских вокзалах является тяжким преступлением, требующим суровых мер социальной защиты. Однако, как видно из материалов дела, у суда не было оснований признать Журавлева виновным в спекуляции проездными билетами.

Ни предварительным, ни судебным следствием не установлено, что Журавлев покупал и перепродавал билеты с надбавкой в свою пользу. Стрелок Алиев Абдулла на судебном следствии показал, что он за Журавлевым все время следил, и когда ему заявил, что он продает билеты, «я направил к нему человека узнать, продает ли он билеты действительно. Но возвратившись, он заявил мне, что Журавлев билеты не продает и сказал, что билет ему нужен самому. Возможно, что он купил у кого-нибудь билеты, так как 6/ІХ я его около кассы не видел... Возможно, что на него наговорили из очереди».

Как видно из приговора, судом установлено, что Журавлев «за время с 1/ІХ по 6/ІХ приобрел на морвокзале и городской станции 5 билетов в кассе и у частных лиц, из коих 2 билета им были переданы другим лицам, один билет им был продан гр. Михно в оперпункте АЗНКВД, и один билет Журавлев предлагал Пиривердиеву». Сам Журавлев объяснил, что он купил два билета в городской кассе, из которых один отдал своей знакомой, с которой вместе приехал из Владикавказа, и три билета у частных лиц, из которых два для гр. Михно и Пиривердиева по их просьбе. Допрошены эти граждане не были.

Таким образом суд не установил перепродажу Журавлевым билетов с надбавкой в свою пользу, т. е. спекуляцию билетами, а установил только покупку по повышенной цене, что не является спекуляцией и не подпадает под действие ст. 141 УК АССР.

Водно-транспортная коллегия Верховного Суда ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила приговор суда отменить и дело в отношении Журавлева производством в уголовном порядке прекратить за недоказанностью обвинения.

Нарсуд Псикубского района Адыгейской автономной области признал виновным Барабанова С. И.—зав. складом Кубводхоза и Добровольского А. Ф.—нач. снабжения в хищении из склада Кубводхоза различных товаров и продуктов на 4873 р. 24 к. и по п. «д» ст. 162 УК приговорил Добровольского к 2 годам 6 месяцам лишения свободы и Барабанова к 2 годам лишения свободы с взысканием с них солидарно в пользу Кубводхоза 4873 р. 24 к.

Кассколлегия облсуда, приняв во внимание, что суд при рассмотрении дела не разграничил сумму недостачи от злоупотреблений с премированием грабавей и колхозников и недостачу отдельно у Барабанова, приговор суда в части гражданского иска отменила, передав дело в этой части на рассмотрение в гражданском порядке.

При наличии лишь одной этой мотивировки кассколлегии облсуда ясно, что осуждение Добровольского и Барабанова было произведено без достаточных оснований, так как не был решен такой существенный для дела вопрос о том, какие же конкретно последствия произошли в результате преступлений, которые инкриминированы Добровольскому и Барабанову.

Из материалов дела видно, что на складе, которым заведывал Барабанов, была обнаружена недостача товаров и продуктов на 4873 р. 24 к.

Эта недостача не может быть признана реальной и вменена Барабанову и Добровольскому, как растрата, по следующим основаниям:

в сумму недостачи вошли товары, похищенные из склада, стоимость которых по делу даже не установлена, похищены были такие ценные товары, как 85 кг сахару, 410 м мануфактуры, 40 мужских и дамских рубашек, 44 кг меда, а также различного рода продукты, которые раздавались Барабановым как по личному усмотрению, так и по распоряжению начальника Кубводхоза, и, наконец, продукты, часть которых потеряла свою ценность вследствие естественной убыли и порчи. Деньги за проданный мед присвоил Барабанов.

Добровольскому вменено в вину то, что часть продуктов, полученных им для выдачи премий, он присваивал, а затем для сокрытия этого преступления представлял фиктивные акты.

Из материалов дела не видно, сколько продуктов было получено Добровольским для выдачи премий и какое количество продуктов и какие именно акты он представил Барабанову. Наконец, по делу не установлено даже предполагаемое количество продуктов, которые мог присвоить Добровольский. Единственным основанием для обвинения Добровольского в злоупотреблениях при выдаче премий послужили показания отдельных грабарей о том, что такие-то продукты каждый из них получил, а такие-то не получил. При отсутствии данных о том, какие именно продукты и в каком количестве получил для выдачи премий Добровольский, эти показания никакой доказательной силы не имеют.

Таким образом следует признать:

- 1) что недостача на 1/1 1934 г. в 4873 руб. является нереальной,
- 2) что со стороны Барабанова имели место злоупотребления (присвоение денег, полученных за мед, и т. п.),
- 3) что злоупотребления, которые могли иметь место при выдаче премий, не имеют отношения к недостаче, обнаруженной в складе, и
- 4) что самое наличие таких злоупотреблений со стороны Добровольского материалами дела не доказано.

Вместе с тем по делу установлено, что на складе имели место систематические кражи товаров и что учет товаров находился в неудовлетворительном состоянии, причем это имело место в результате небрежного отношения Барабанова и Добровольского к своим служебным обязанностям.

По этим основаниям Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии облсуда.

Коллегия Верховного Суда РСФСР по уголовным

делам, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила переqualифицировать действия Добровольского по ст. 111 УК, определив ему меру наказания в 1 год и-т. работ по месту работы с 15% удержанием из заработка с зачетом времени пребывания под стражей.

Барабанову по ст. 109 УК определить меру наказания 1 год и-т. работ и с зачетом предварительного заключения, наказание считать отбытым.

**

Водно-транспортный суд Одесского участка Черноморского бассейна приговорил гр. Пиерато по ст. 116 и ч. 3 ст. 135 УК УССР к 2 годам лишения свободы без поражения в правах, Зубилевича и Мудрого к одному году и-т. работ по месту работы с удержанием 25%, Чернобровцева к 6 мес. и-т. работ.

Водно-транспортная коллегия Верховного Суда ССР приговор этот в отношении всех обвиняемых оставила в силе.

Гр. Пиерато работал в управлении Херсонского порта с 1920 г. на различных ответственных должностях, а с 1933 г. в качестве зав. отделом теплотехники и ответственным исполнителем по судоремонту и новому судостроению.

Суд признал Пиерато виновным в том: что 1) будучи ответственным руководителем и исполнителем по новому судостроению и судоремонту мастерской, допустил проведение ряда работ без надлежащих чертежей, 2) работы принимались лично им и другими лицами без всякой проверки, в силу чего имели место повторные переделки с повторной уплатой другим лицам, 3) ремонт судов заканчивался не в установленные сроки, что в общей сложности причинило убытки управлению Херсонского морского порта в сумме 21 413 р. 92 к., 4) в течение 1933 и 1934 гг. было допущено незаконное перерасходование государственных средств против сметных ассигнований в сумме 57 818 руб.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор водно-транспортного суда в отношении Пиерато, утвержденных определением водно-транспортной коллегии Верховного Суда ССР по следующим основаниям:

Совершенно непонятно, на основании каких данных суд в приговоре признал Пиерато руководителем мастерских Херсонского морпорта, между тем как он был только ответственным исполнителем управления Херсонского морпорта по судоремонту и новому судостроению, обязанности которого определяются должностной инструкцией. Кроме этого как по обвинительному заключению, так и по всем материалам предварительного и судебного следствия все работы в мастерских порта производились «под непосредственным техническим руководством и наблюдением механика Пиерато, инженера Зубилевича, зав. мастерских механика Мудрого и техника-механика Чернобровцева», а не одного Пиерато, и каждый из них нес ответственность за ту работу, которую он принимал. Превращение судом Пиерато в «возглавляющего руководство» предопределяет, конечно, и повышенную ответственность и ответственность за то, за что он вообще ответственности не должен нести.

Пиерато можно было бы обвинить в том, что он допустил проведение работ в мастерских без чертежей, но из представленных им документов видно, во-первых, что основной восстановительный ремонт всех судов, который потом заканчивался в мастерских Херсонского моршорта производился на других предприятиях (судозавод им. Коминтерна и др., от которых Пиерато потом требовал чертежи), а во-вторых, что на работы, производившиеся в мастерских Херсонского порта, имеются чертежи.

Обвинять Пиерато в том, что по его вине произошла задержка ремонта судов, повлекшая за собой несдачу в намеченный срок судов в эксплуатацию, нет оснований.

Особенно обращает на себя внимание невероятию затяжной характер восстановительного ремонта моторного катера «Добрый», который должен был выйти из ремонта в 1930 г., а вышел в 1934 г.; катер «Добрый» в 1930, 1931—1932 гг. ремонтировался на Херсонской судовой верфи и Херсонском судокombинате; за этот ремонт Пиерато ответственности нести не может, так как он никакого отношения к этим предприятиям и ремонту судов в то время не имел. Катер «Добрый» лишь в 1933 г. поступил в мастерские Херсонского порта.

Затяжка в ремонте катера «Добрый», так и других судов произошла из-за несвоевременного обеспечения работ финансовыми средствами и необходимыми для ремонта материалами. Об этих ненормальностях, как видно из представленных документов, Пиерато неоднократно сигнализировал организациям, которые обязаны были обеспечить мастерские этими материалами.

Пиерато не может нести ответственность за перерасходование средств сверх ассигнования, так как согласно его должностной инструкции он не был распределителем кредитов; он отвечал за правильное использование отпущенных на ремонт кредитов, но за сверхсметные расходы отвечает распорядитель кредитов — начальник порта.

Пиерато, безусловно, несет ответственность за то, что принял ряд недоброкачественно выполненных внутризаводских работ, в результате чего за 1933 и 1934 гг. Херсонский порт понес убыток в 5309 р. 89 к. Остальные убытки, установленные судом, явившиеся результатом недоброкачественного внутризаводского ремонта, произошли по вине остальных обвиняемых, так как Пиерато этих работ не принимал.

Остальные обвиняемые Зубилевич, Мудрый и Чернобровцев проявили при приеме работ халатность, привлекающую за собой переделки с повторной уплатой за работу, и приговор в отношении их вынесен правильно.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила преступление Пиерато переклассифицировать на ст. 99 УК УССР и наказание снизить до 1 года условно с испытательным сроком на 2 года.

Нарсуд 7 уч. Кировского района г. Москвы 15—17/II 1935 г. приговорил по ст. 109 УК Соколова И. В. к 5 годам лишения свободы с изъятием с него 3810 р. 72 к. по граждан-

скому иску Подрайжилсоюза и Матюнина С. Д. — к 3 годам лишения свободы.

Приговор этот был утвержден кассоколлегией Мосгорсуда.

Президиум Мосгорсуда отклонил протест Моспрокуратуры, требовавшей переклассификации деяний Соколова и Матюнина на ст. 111 УК.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор в отношении Соколова и Матюнина по следующим основаниям:

Соколов Иван Васильевич осужден за то, что, будучи зав. отделом снабжения и транспорта Зацепского подрайжилсоюза, не организовал должного учета работы гужевого транспорта, выписывал самостоятельные чеки, получал за транспорт валютированные чеки, минуя бухгалтерию, и производил обмен валютированных чеков в порядке, не соответствующем закону. В результате Подрайжилсоюз недополучил валютированных чеков на 2430 руб.

Соколову вменяется также в вину недостача материалов на складе на 3046 р. 31 к. и 534 р. 52 к. по подотчетным суммам.

Конкретных доказательств совершения Соколовым корыстных должностных злоупотреблений в деле нет. Суммы недостач, приписываемые Соколову, не находят себе подтверждения в материалах предварительного и судебного следствия.

Операция с получением валютированных чеков за работу транспорта Подрайжилсоюза плохо учитывались бухгалтерией Подрайжилсоюза, в результате чего было недоучтено чеков на 1900 руб.

Соколову может быть поставлена в вину халатность в смысле недостаточного наблюдения за бухгалтерским учетом. Эту халатность Соколов на суде признал.

Бухгалтер-эксперт Шмелев удостоверил на судебном следствии, что установить в точности сумму валютированных чеков, полученных Подрайжилсоюзом, не представляется возможным.

Это вызывает сомнения в правильности акта бухгалтерской экспертизы. Недополучение Подрайжилсоюзом валютированных чеков на 1900 руб. основано на неправильных записях бухгалтерии. Ставить в вину Соколову эту сумму валютированных чеков, как недостачу, неосновательно.

Сдача Соколовым валютированных чеков в бухгалтерию для их проведения и дальнейшее поступление их в кассу были подтверждены на суде рядом свидетельских показаний (Матюнин, Воробьев, Смыслов и др.).

Сумма недостачи по материальному складу Подрайжилсоюза 3046 р. 31 к. неправильно вменяется в вину Соколову.

За недостачи на складе отвечает непосредственно кладовщик, а не зав. снабжением и транспортом, каковым являлся Соколов.

По делу установлено, что учет на складе был поставлен плохо (свидетели Матюнин, Смыслов). Сумма недостачи в 3046 руб. выведена по плохим записям бухгалтерии и является спорной.

Недостачи в сумме 295 р. и 831 р., приписываемые Соколову за время его непосредственного заведывания складом во время болезни кладовщика Каменского, не доказаны, так как Соколов представил ряд расходных документов, которых суд не учел.

Остаток подотчетных сумм за Соколовым — 584 р. 52 к. также неправильно поставлен в вину Соколову. Материалами дела эта сумма задолженности не подтверждается.

Выписка счетов за транспорт Мосхимпрому помимо бухгалтерии неправильно вменяется в вину Соколову. Материалами дела устанавливается, что счета выписывала Федотова, счетовод транспорта Подрайжилсоюза, а Соколов скреплял их печатью и подписью.

В отношении Соколова можно признать установленным наличие должностной халатности, выразившейся в непринятии мер к надлежащей постановке бухгалтерского учета и отчетности, а также неправильное оформление счета на кирпич на 649 руб. Эти действия Соколова не носят характера корыстных должностных преступлений.

Деяния Соколова надлежало квалифицировать по ст. 111 УК.

В отношении ст. бухгалтера Подрайжилсоюза Матюнина ст. 109 УК применена также неправильно.

По формулировке приговора и по материалам дела Матюнин должен был быть признан виновным в служебной халатности по должности ст. бухгалтера Подрайжилсоюза, в результате чего учет и отчетность оказались в плохом состоянии, баланс за 1933 г. оказался недоброкачественным.

Плохую постановку бухгалтерского учета удостоверили свидетели Суханов, Смыслов и бухгалтер-эксперт Шмелев, не отрицая запущенности в делах бухгалтерии и Матюнина.

Никаких доказательств совершения Матюниным корыстных преступлений в деле нет.

Подлежит отмене приговор и в части удовлетворения гражданских исков как в отношении Соколова, так и в отношении Матюнина с передачей дела в части гражданского иска на рассмотрение в порядке гражданского процесса.

Судебная коллегия Верховного Суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила действия Соколова Ивана и Матюнина Сергея переквалифицировать на ст. 111 УК, избрав им меру наказания по 1 году и-т. работ каждому. Приговор суда в части гражданского иска в отношении Соколова отменить и представить истцу обратиться со взятием в гражданском порядке.

20/IX 1934 г. нарсуд Сталинского района г. Москвы приговорил в числе других Гольянова Н. А., инвалида 2-й группы, по ст.ст. 17 и 107 УК к 5 годам лишения свободы.

Кассколлегия горсуда приговор утвердила.

17/1 1935 г. уголовно-судебная коллегия Верховного Суда по протесту Прокуратуры РСФСР, принесенному в отношении осужденного Гольянова, признала, что действия Гольянова неправильно квалифицированы по ст.ст. 17 и 109 УК, так как Гольянов являлся частным лицом и, продавая валютные чеки другим осужденным по настоящему делу, не знал, как эти чеки будут использованы.

Верхсуд квалифицировал действия Гольянова по ст. 59¹² УК и определил ему меру наказания в 3 года лишения свободы.

Прокуратура Союза ССР опротестовала квалификацию действий Гольянова по ст. 59¹² УК по следующим основаниям:

валютные чеки были введены в действие Московской областной конторой Госбанка в 1932 г. и служили средством расчета между хозорганами обобщественного сектора г. Москвы.

Считать указанные чеки валютой, а незаконные операции с этими чеками нарушением валютных операций никаких оснований не имеет.

Суд признал Гольянова виновным в том, что, получив от некоего Бобкова валютные чеки на 14 тыс. руб., он часть из них на 900 руб. продал осужденным по настоящему делу Головину, Чижову и Кубареву со скидкой в 20% против их действительной стоимости.

Реализуя чеки по пониженной стоимости, Гольянов не мог не знать, что они не имеют свободного обращения и, таким образом, добыты преступным путем.

Материалами дела установлено также, что чеки, полученные Гольяновым от Бобкова для перепродажи, были похищены неизвестными лицами у инкассатора Электротреста.

Таким образом следует признать, что наиболее правильной является квалификация действий Гольянова по ст. 17 и п. «г» ст. 162 УК.

Осужденный Гольянов от отбывания наказания был освобожден в порядке ст. 458 УК согласно определению нарсуда Сталинского района г. Москвы от 14/X 1935 г.

Президиум Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил переквалифицировать преступление Гольянова по п. «г» ст. 162 и определить ему меру наказания в два года лишения свободы с оставлением в силе определения нарсуда Сталинского района об условно-досрочном освобождении Гольянова.

Верхсуд АзССР 8—16/V 1934 г. приговорил директора Бакинской макаронной фабрики Алескерова и технорука той же фабрики Чернышева к 5 годам лишения свободы каждого по ст. 163¹ УК АССР и закону 8/XII 1933 г. за то, что они допустили изготовление недоброкачественных макарон, в результате чего Госинспекцией по качеству было обнаружено и забраковано на складе фабрики в сентябре и октябре 1933 г. 20 тонн недоброкачественных, покрытых плесенью макарон, и в конце декабря 1933 г. 39 тыс. кг недоброкачественных макарон.

На этот приговор Прокуратурой Союза ССР в апреле 1935 г. был подан протест в президиум Верховного Суда АзССР по мотивам неправильного применения к осужденным закона 8/XII и чрезмерной жестокости назначенной им меры наказания.

Этот протест постановлением президиума Верховного Суда АзССР от 13/V 1935 г. был отклонен.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор Верховного Суда АзССР от 8—16/V 1934 г. и постановление президиума того же суда от 13/V 1935 г. по следующим основаниям:

по делу установлен факт обнаружения Госинспекцией по качеству на складе макаронной фабрики большого количества недоброкачественных макарон, недостатками которых были чрезмерная влажность и заплесневелость. Однако суд и следственные органы, квалифицируя действия Алескерова и Чернышева как

руководителей фабрики по закону 8/ХІІ, не учли, во-первых, что обнаруженная Госинспекцией недоброкачественная продукция была гут же заоракована и потребителям отпущена не была, во-вторых, что основными причинами недоброкачественности макаронных изделий были не недостатки, связанные с самим производством макарон, а чрезмерная влажность деревянной тары для макарон, полученной из Союзтары.

Вина Алескерова и Чернышева заключается в том, что, не будучи предупреждены Союзтарой о большой влажности деревянной тары, они не приняли мер к просушке этой тары и приняли ее без надлежащей проверки, в результате чего произошла порча большого количества продукции.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановила преступление Алескерова и Чернышева переквалифицировать на ст. 145^а УК АЗССР и, учитывая отсутствие какой-либо заинтересованности со стороны Алескерова и Чернышева, наказание им снизить до 1 года 6 мес. лишения свободы каждому.

Нарсуд по делам ^{**} местного транспорта г. Москвы 29/IV 1935 г. приговорил по ст. 139 УК гр. Двойникова Ивана Алексеевича к 2 годам лишения свободы. Определением КК Мосгорсуда приговор 13/V 1935 г. был оставлен в силе.

Двойников — шофер 4 базы Союзтранса, по формулировке приговора был признан виновным в том, что 6/III 1935 г., проезжая на грузовике по Бутырской улице у конечной остановки трамвая 41-й линии, допустил грубое нарушение правил движения, «выразившееся в том, что не видел мальчика, которого сбил передним колесом, затем проехал по нему, нанес ему тяжелые увечья, от которых он по доставлении в больницу умер». И дальше в приговоре повторяется еще раз: «Мальчик переходил мостовую, Двойников обязан был его видеть, однако, не заметил».

Эти утверждения суда в полном соответствии с материалами дела устанавливают тот факт, что Двойников не видел мальчика до того момента, когда он уже не мог предотвратить несчастия, и доказывают невиновность Двойникова в неосторожном причинении увечья со смертельным исходом.

В материалах дела есть точное описание картины несчастного случая, сделанное очевидцем, сторожем постройки дома ИТР по Бутырской, № 86, Константиновым. На конечной остановке, на самом кольце стоял вагон трамвая. Из-за трамвая «перпендикулярно шедшей автомашине выскочил мальчик и прямо попал под машину». Поэтому свидетель и добавляет: «В данном случае считать шофера виновным нельзя, так как мальчик выбежал из-за трамвая для него неожиданно, и он, шофер, не мог его заметить, так чтобы можно было остановить машину своевременно».

Этот момент находит косвенное подтверждение и в показании постового милиционера Иванушкина, указавшего, что на конечной остановке стоял вагон трамвая и что, «когда шофер, управлявший автомашиной, поровнялся с городскими часами, где стоял трамвай, то он машину резко остановил».

Подтверждает это и свидетельница Лома-

кина, ибо, обвиняя шофера в неосторожности, она устанавливает все же, что, выйдя из конечной остановки трамвая (следовательно, на правую сторону), увидела мальчика, шедшего здесь же по правой стороне на мостовой, «неожиданно мальчик перешел на левую сторону, находясь на мостовой, на него налетела эта автомашина».

Вся обстановка несчастного случая показывает, что ребенок Смирнов, 4 лет, оставленный без присмотра на улице, попал под грузовик, выскочив неожиданно из-за трамвая перед самым радиатором машины, т. е. сделал то, против чего предостерегают «правила движения по улицам г. Москвы».

Поэтому шофер и «не видел» мальчика, но вопреки утверждению приговора, и не мог его видеть.

Не находя в действиях Двойникова состава преступления, Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор нарсуда и определение КК горсуда.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор суда и определение Мосгорсуда отменить и дело производством на основании п. 5 ст. 7 УПК прекратить.

23/IX 1934 г. нарсуд по делам Моснарпита рассматривал дело работников кафе № 2.

Суд установил, что в кафе № 2 существовал такой порядок, по которому наличие продуктов в буфете не передавалось от одной сменной буфетчицы другой. Суд признал, что бухгалтер кафе Швецов является ответственным за существование в кафе указанного порядка учета материальных ценностей, в результате чего по буфету образовалась недостача продуктов на 1511 руб.

Одну из буфетчиц Барановскую суд признал виновной в том, что она злоупотребляла своим служебным положением (получала деньги помимо кассы, отпускала продукты знакомым и т. д.).

Двух других буфетчиц — Цоколь и Кузнецову суд признал виновными в халатном отношении к службе, выразившемся в слабом приеме продуктов по буфету без надлежащего оформления.

Бухгалтер Швецов и буфетчицы Цоколь и Кузнецова были осуждены по ст. 111 УК к 6 мес. и-т. работ с удержанием 15% из зарплаты; буфетчица Барановская по ст. 109 УК осуждена к 1 году и-т. работ на общих основаниях.

По этому же делу также по ст. 111 УК к 6 мес. и-т. работ был осужден кладовщик Ипатов.

Гражданский иск треста кафе в размере 1511 руб. суд присудил с Цоколь, Кузнецовой и Барановской солидарно.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор в отношении Цоколь и Кузнецовой по следующим основаниям:

сам суд установил, что передача продуктов в буфете от одной буфетчицы другой без надлежащего оформления имела место по вине бухгалтера Швецова, который являлся ответственным за постановку учета материальных ценностей в кафе, суд же установил, что со стороны буфетчицы Барановской имели место злоупотребления, что, конечно, должно было повлечь недостачу продуктов.

Кроме того из дела видно, что кладовником кафе Сидоркиным, дело о котором приостановлено, также совершались злоупотребления, выразившиеся в неправильном списании продуктов на буфет, что также способствовало образованию недостачи.

При этих условиях никаких оснований для признания буфетчиц Цоколь и Кузнецовой ответственными за недостачу продуктов по буфету у суда не имелось, так как недостача продуктов образовалась в результате злоупотреблений буфетчицы Барановской и кладовщика Сидоркина и в результате халатного отношения к своим обязанностям бухгалтера Швецова, который не организовал надлежащего учета продуктов в буфете кафе.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил приговор нарсуда и определение кассколлегии в части Кузнецовой и Цоколь отменить и дело в отношении их в уголовном порядке прекратить.

**

8/VIII 1934 г. в кладовой магазина ЗРК фабрики им. Молотова при снятии остатков товаров были обнаружены излишки следующих товаров — сельдей — 45,6 кг, крупы — 8 кг и сахара — 15,6 кг. Кроме того в кладовой оказались незаприходованными 6 кг сметаны и 1200 г русского масла.

При выверке результатов снятия остатков было установлено, что излишки, обнаруженные в кладовой на 8/VIII, выведены неправильно и в действительности составляют — по сахару 3,2 кг, по сельдям — 47,8 кг и по крупе — 8 кг.

Одновременно бухгалтерией была выявлена в кладовой за первую декаду августа недостача различных продуктов на сумму 382 р. 65 к.

По этому делу были преданы суду: зав. магазином Кузьминов, кладовщик Лаптев и его помощник Булыгин.

Первоначально дело рассматривалось нарсудом Фрунзенского района 14/IX 1934 г. Приговор суда, по которому Кузьминов был осужден к 1 году и.т. работ по месту службы, а Лаптев и Булыгин к 1 году и.т. работ на общих основаниях, кассколлегией горсуда был отменен.

Вторично дело рассматривалось 9/X 1934 г. Суд установил, что Лаптев и Булыгин «путем выдачи продавцам товаров без веса накопили у себя излишки товаров, приходили на работу в нетрезвом виде и отпускали продукты прямо из кладовой», а Кузьминов «не принял мер для пресечения злоупотреблений кладовщиков» и приговорил — Лаптева и Булыгина по ст. 109 УК к 1 году и.т. работ на общих основаниях, а Кузьминова по ст. 111 УК к 1 году и.т. работ по месту службы.

Кассколлегией горсуда этот приговор утвердился.

20/X 1934 г. уже после осуждения Булыгина ЗРК фабрики им. Молотова было возбуждено против него новое дело, во-первых, за недостачу товаров на 11/VIII в размере 338 руб. и, во-вторых, за недостачу товаров за время с 1 по 10/IX.

Это дело 28/XII 1934 г. рассматривалось нарсудом Фрунзенского района, и Булыгин был осужден по ст. 111 УК к 2 годам лишения свободы с поглощением приговора от 14/IX 1934 г.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор от 28/XII 1934 г. в отношении Булыгина по следующим основаниям:

по приговору от 9/X 1934 г. Булыгин вместе с Лаптевым и Кузьминовым был осужден за недостачу товаров за время с 1 по 10/VIII на 382 руб. Между тем и по приговору от 28/XII 1934 г. Булыгин также осужден за недостачу товаров на 11/VIII (т. е. за тот же период времени) на 338 руб. (т. е. на сумму почти равную той недостаче, за которую Булыгин был уже осужден).

Таким образом следует прийти к выводу, что Булыгин за одну и ту же недостачу был осужден дважды.

Кроме того за недостачу товаров за время с 1 по 10/VIII Булыгин был осужден по ст. 109 УК, а за недостачу товаров за время с 1 по 10/IX он же осужден по ст. 111 УК.

При этих условиях как первый, так и второй приговор в отношении Булыгина не могут быть признаны правильными. При вынесении первого приговора у суда не было данных о недостаче товаров у Булыгина за время с 1 по 10/IX, а при вынесении второго приговора суд не располагал материалами по делу о недостаче товаров у Булыгина, за которую он, Булыгин, был осужден по ст. 109 УК.

Помимо того суд неправильно признат поглощенным приговор суда от 14/IX, так как этот приговор был кассколлегией отменен и Булыгин вновь осужден 9/X.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил лишение свободы Булыгину заменить 1 годом и.т. работ и данным приговором поглотить приговор нарсуда Фрунзенского района от 9/X 1935 г.

**

В период весенней путины 1934 г. Верхне-Калининским рыбозаводом была допущена потеря сортности и порча части выловленной рыбы.

В связи с этим 6/V 1934 г. было приступлено к расследованию, в результате которого установлено, что с момента начала путины до 6/V из 17 562,67 центнеров рыбы оказалось рыбы 2-го сорта 4113 центнеров, нестандартной 1952 центнера и утиля 813 центнеров. Главной причиной потери сортности и порчи рыбы являлся несвоевременный ее вывоз с места лова, что в свою очередь объясняется неподготовкой в течение зимнего периода имевшегося флота.

Значительная часть, особенно деревянных судов, не была отремонтирована, а паромоторные суда (паровые баркасы) были отремонтированы недоброкачественно, вызывая значительные простои для повторного ремонта, не дававшие возможность своевременно вывозить рыбу.

В связи с этим были преданы суду по ст. 109 УК директор завода Васильев, технический директор Бросалин, мастер плотового цеха Фокин и Старков капитан баркаса «Тарань», совершивший две аварии.

Дело было рассмотрено нарсудом Камызякского района Сталинградского края 2/VI 1934 г., который признал виновность всех четырех обвиняемых, доказанной и осудил Васильева и Фокина к 2 годам лишения свободы, а Бросалина и Старкова к 4 годам лишения свободы.

Кассколлегия Сталинградского крайсуда переквалифицировала действия всех осужденных по ст. 111 УК, снизила Бросалину и Старкову меру наказания до 3 лет, а в остальном приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор в отношении Васильева и Фокина по следующим основаниям:

всеми материалами дела подтверждается, что главной причиной несвоевременной вывозки, а отсюда потери сортности и порчи рыбы явилась неподготовка в зимний период флота. К этому выводу пришел и сам суд. Выяснить в вину это обстоятельство Васильеву нельзя, ибо в зимний период декабрь — февраль Васильев был отозван с завода в Астрахань и находился там на курсах директоров. После возвращения с курсов он принимал меры к улучшению работы по ремонту флота, однако ликвидировать отставание уже нельзя было. В части вывоза рыбы Васильев виноват в том, что не принимал достаточно решительных мер до вмешательства Главрыбы и директивных органов, однако и в этом отношении материалы дела не дают оснований обвинять Васильева в полной бездеятельности.

Материалы дела подтверждают, что в этой части главным виновником являлся техдиректор Бросалин, который находился на месте во время ремонта, давал неправильные, очковитательские сведения о ходе этого ремонта, к которому, как показывают почти все свидетели, обращались с требованием скорейшей вывозки рыбы, но необходимых мер он не принимал. При всех этих условиях нельзя согласиться с мерой наказания в отношении Васильева ввиду ее явного несоответствия материалам дела и, учитывая, что Васильев в прошлой своей работе неоднократно премировался, имеет весьма положительные отзывы о работе, является выдвиженцем из рабочих, б. красный партизан, хотя в его действиях и имеется состав преступления, но для изоляции его нет никакой надобности, тем более, что он болен туберкулезом.

Неправильной является мера наказания и в отношении мастера плотового цеха Фокина. Из материалов дела видно, что во время путины распределением тоннажа занимался технический директор Бросалин. Это подтвердили на предварительном следствии ряд свидетелей, в частности Гавриков.

Фокин безусловно проявил некоторую нераспорядительность, однако и в отношении его следует признать меру наказания чрезмерно жесткой. Из имеющейся в деле характеристики Фокину и отзыва рабочих и служащих видно, что Фокин на заводе работает с 1925 г., неоднократно премировался, зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, имеет грамоту ударника.

Кроме того при разрешении данного дела нельзя не учесть, что при наличии действительно безобразного случая с порчей значительного количества рыбы, все же план был выполнен на 25/IV на 163%.

Коллегия по уголовным делам Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, определила в отношении Васильева Петра и Фокина Ивана лишение свободы заменить 6 мес. и.т. работ с зачетом времени, проведенного в заключении, и за отбытием срока наказания из-под стражи освободить.

Выездная сессия Верховсуда Туркменской ССР 4/VIII 1932 г. приговорила зам. председателя Кураиш Аулю Карабека Ульского района Комарова М. П. за разбазаривание 2605,5 кг плановой муки и растрату 2364 руб. кооперативных денег по закону 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы.

Прокуратура Союза ССР опротестовала приговор выездной сессии Верховсуда Туркменской ССР по следующим основаниям:

материалами дела установлено, что Комаров 27/XI 1932 г. по акту принял на себя ответственность по снабжению района хлебом.

При проверке расхода муки и хлеба выяснилось, что в течение декабря 1932 г. имело место перерасход муки в количестве 2605,5 кг, отпущенной по распоряжению Комарова.

Кроме того, будучи в командировке в г. Чарджие, Комаров получил 21 тонну муки; но из-за несвоевременно принятых им мер к отправке этой муки она пролежала под открытым небом 20 дней и пришла в негодность.

Получив 2064 руб. на приобретение муки и командировку в г. Чарджуй, Комаров не представил по возвращении оправдательных документов.

Материалами дела установлен перерасход муки в количестве 2605,5 кг, и совершенно непонятно, из какого расчета исходил суд, определив в приговоре перерасход в 16141 кг. Следствие по делу тянулось в течение 8 мес., и материалами дела виновность Комарова в хищении этой муки не была установлена.

Акт, составленный в пекарне на скидку на мешкотару, неправилен. В то время как в каждом мешке недостает 2½ кг чистого веса, акт определяет недостачу в ½ кг на мешок, вследствие чего по пекарне получился недoves муки в 925 кг.

Вина Комарова заключается в отсутствии строгого контроля за расходом хлеба и в бесконтрольном отпуске муки. Что же касается обвинения Комарова в растрате 2064 р. 29 к. и заявления последнего о том, что все документы были отобраны у него в г. Чарджие при аресте и впоследствии исчезли, то это совершенно не исследовано.

Недостаточно исследовано также обвинение Комарова в порче 21 тонны муки на ст. Чарджуй. Из материалов дела видно, что мука Комаровым была получена почти в то время, когда было дано распоряжение об его аресте.

Установить точно, какого числа был арестован Комаров, не представляется возможным, так как по небрежности следователя документы, относящиеся к этому моменту, не датированы, а постановлением об избрании меры пресечения Комарову было вынесено лишь через 2 мес. после его ареста.

Выяснение этого обстоятельства является чрезвычайно важным ввиду того, что арестованный Комаров был лишен возможности принять своевременные меры к отправке муки в район.

Верхсуд Туркменской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза ССР, постановил действия Комарова квалифицировать по ст.ст. 112 и 106 УК, в соответствии с чем и определить ему меру наказания в 3 года лишения свободы.

По союзным республикам

РСФСР

На охрану стахановского движения

Стахановское движение получило широкий размах. Являясь высшей формой социалистического соревнования, стахановское движение, опирающееся на новую технику, на людей, овладевших техникой, сознательно относящихся к труду, дает невиданные нормы производительности труда. Это движение в отдельных местах встречает сопротивление в форме прямого саботажа его и попыток консервативных элементов сорвать и опорочить стахановское движение.

На Калужском лесозаводе одной из первых объявила себя стахановкой работница Мыхова, кандидат в члены ВКП(б), и до того являвшаяся ударницей. Мыхова, прочитав в газете о работе Стаханова, задумалась над тем, как повысить производительность труда на своем станке. Мыхова увидела, что у нее много времени отнимает выполнение подсобных работ, не с полной мощностью используется пила и т. д. Мыхова предложила перестроить условия ее работы. В первый же день работы по-новому Мыхова выполнила программу на 130% (а раньше иногда и норма не вырабатывалась), а затем, улучшая технику работы, дошла до 210 и до 332,5%. Эффективность работы Мыховой очевидна; себестоимость продукции снизилась больше чем на 25%.

О Мыховой заговорили, Мыхову стали ставить в пример, Мыхова стала знатным человеком. Опыт ее работы был широко освещен в местной газете. Но только один человек не разделял общего мнения; это был зав. ТНБ лесозавода Каширин, который и в беседах с рабочими, и на собраниях заявлял: «Мыхова не стахановка, цифры ее дутые, у нее занижен план».

Каширин решил пересмотреть норму Мыховой, вызывал ее к себе в кабинет, предлагая принять повышенную норму, говорил об этом после отказа Мыховой с начальником завода и зав. цехом. К Мыховой Каширин относился вообще пренебрежительно, как и порою бывал груб и с другими рабочими, довел Мыхову до слез.

О «работе» Каширина заговорила печать, поместив статью «Чужак Каширин срывает работу стахановки Мыховой»; об этом же говорила и сама Мыхова на слете стахановцев города.

Следствие подтвердило вышеприведенные факты и кроме того установило новые обстоятельства. Каширин вообще произвольно пересматривал нормы и даже после того, когда пересмотр норм был воспрещен, он повысил на 100% норму бригаде навальщиков, что привело к уходу из бригады 4 чел. рабочих.

Столярам Каширин выводил заниженный расчет: вместо 12 р. 45 к., платил 7—8 руб. и вместо 17 руб.—8 руб.

Мыховой Каширин также пытался увеличить норму с 2 400 п/м до 3500 п/м, тогда как раньше он сам же эту норму изменил.

Приведенная по делу экспертиза подтвердила, что повышение производительности труда у Мыховой явилось результатом специализации и освобождения ее от выполнения подсобных работ. На станке у Мыховой заменили шкив, приводной ремень, увеличили количество оборотов пилы и провели ряд других мероприятий.

О стахановском движении Каширину было известно и, как он говорит, «метод его изучил», но срыва движения на лесозаводе он не преследовал.

Прокуратура района, учитывая социальное лицо Каширина, квалифицировала его действия по ст. 58¹⁴ УК, но по указанию Прокуратуры Союза ССР дело было переквалифицировано по ст. 109 УК.

Вокруг дела мобилизовали внимание общественности, рассмотрено оно было на лесозаводе, с участием сторон, в присутствии массы рабочих. Каширин осужден на два года лишения свободы; кассколлегия облсуда приговор утвердила.

Прокуратура района через свой актив держит постоянную связь с производством, немедленно принимая меры по сигналам актива о срыве и тормозах по разворачиванию стахановского движения, не ставя себе целью бороться с этим только методом судебной репрессии.

Приведем характерный в этом отношении пример. Швейная фабрика им. Димитрова от «ленточек», цехов перешла на стахановские дни, декады. Актив прокуратуры с фабрики сообщил, что закройный и механический цеха срывают работу пошивочных цехов; актив указывал, что закройный цех не дает вовремя крой, не комплектует материал, что приводит к простоям пошивочных цехов. Механический цех не обеспечивает ремонт машин, не дает запасных частей и машин, не следит за исправностью моторов, а это в значительной степени увеличивает простои и снижает производительность пошивочных цехов.

Прокуратура, проверив эти сигналы, подтвердила их правильность и рядом конкретных фактов установила срыв работы пошивочных цехов по вине закройного и механического цехов.

Уже в процессе проверки, видя вмешательство прокуратуры, руководители этих цехов и дирекция фабрики начали перестраиваться и дали обязательство устранить имеющиеся дефекты.

Прокуратура нашла возможным ограничиться предупреждением начальникам закройного и механического цехов. Постановление прокуратуры было проработано на цеховых собраниях рабочих фабрики. В настоящее время пошивочные цеха работают нормально, есть запча-

сти и запасные машины, ремонт налажен и крой дается во-время.

Так прокуратура района ведет и будет вести, где убеждением, а где принуждением борьбу за развитие и охрану стахановского движения.

Поменьше копий

«Копиетальщики» — было когда-то такое слово в лексиконе ранее существовавших органов РКИ, были и директивы, предлагавшие сурово карать и привлекать к ответственности за посылку копий всем инстанциям, подчас по маловажному вопросу или когда информируемые учреждения не имели никакого отношения к вопросу.

И в органах прокуратуры с «копиями» что-то неладно. Это надо отнести в первую очередь к практике принесения протестов на судебные приговоры и решения.

Приказ прокурора Союза ССР № 278 1935 г. определяет составление протеста в трех экземплярах (из них два идут с делом и один остается в делопроизводстве райпрокуратуры). Когда Кировская крайпрокуратура доводила этот приказ до райпрокуратур, она установила уже четыре экземпляра протеста (три с делом и один отпуск) по делам, по которым имеется определение кассинстанции.

Вскоре после этого места получили указание НКЮ РСФСР, предлагающее райпрокурорам копии подаваемого протеста сообщать на судье, рассматривавшему дело для сведения и учета ошибок, допущенных при рассмотрении дел. Это распоряжение подтверждено было крайпрокуратурой для исполнения и это уже пятый экземпляр протеста. Таким образом пока приказ прокурора Союза ССР дошел до района, он успел по пути обрасти еще на две копии.

Каково же положение райпрокурора? Установив, что приговор или решение на судья вынесены неправильно, райпрокурор естественно должен принести протест и добиться отмены незаконного решения и неправильного осуждения трудящегося. Для этого ему надо написать не много, не мало, как пять экземпляров протеста.

Наконец, все пять экземпляров протеста написаны. Куда же деваются те три экземпляра протеста, которые идут с делом? Практика Кировского крайсуда, например, показала, что по делам, рассмотренным по протестам, крайсудом при деле не оставляется ни одного экземпляра протеста и выходит, что пиши хотя 10 экземпляров, но если этого важного документа при деле не останется, при новом рассмотрении дела суд лишен возможности проверять доводы и обстоятельства, на нарушение которых приносился протест, и суд не гарантирован, что он не допустит тех же ошибок, по существу которых приносился протест.

Вместе с тем нельзя обойти и тот факт, что если райпрокурор снабжает копиями протеста все инстанции, то ни Прокуратура Союза ССР, ни НКЮ РСФСР не обязали крайпрокуратуры, СКК и президиумы крайсудов сообщать райпрокурорам результаты рассмотрения протеста для того, чтобы райпрокурор по конкретным делам и по приносимым им протестам был в курсе правильности проводимой им работы по

судебному надзору. Хорошо если судья случайно скажет, когда дело возвращается после рассмотрения протеста.

В итоге спрашивается — неужели после ряда директив, указаний партии и правительства о мероприятиях по проведению революционной законности форме будет придано преобладание над существом дела? Неужели незаконный приговор или решение суда могут быть отменены, извращение революционной законности исправлено, а права государства и трудящегося восстановлены при условии принесения протеста прокурором не менее чем в пяти экземплярах? Абсурд, который немелленно надо изгнать из практики и дать райпрокурору возможность заниматься не «копиями», а действительно вопросами и работой судебного надзора. Тут слово о перестройке практики по принесению протестов за руководителями советской юстиции.

Я не беру на себя задачу определить, сколько копий протестов оставить, сколько сократить, но считаю, что один экземпляр протеста должен приобщаться к делу, чтобы никто не смел его изъять из дела, ибо протест является по существу документом политической бдительности прокурора при проведении революционной законности.

И. Коротких

ОТ РЕДАКЦИИ

Прокурором Союза ССР дано распоряжение, устанавливающее порядок, по которому протесты составляются в двух экземплярах, из них один остается в деле, а второй — у райпрокурора.

В борьбе за первенство

Важнейшее значение в проведении Всесоюзного конкурса активистов прокуратуры в должной степени, по-большевистски было понято и оценено прокуратурой района им. Серго Орджоникидзе г. Свердловска.

Работу по конкурсу прокуратура проводила в тесной связи с профсоюзом. При помощи и активном участии партийных и профсоюзных организаций на предприятиях было проведено 6 кустовых совещаний групп содействия прокуратуре и 2 районных слета актива. В помощь прокуратуре в проведении конкурса и развертывания массовой работы профсоюзом была выделена шефская бригада из рабочих-стахановцев из ремонтно-механического цеха завода, в числе 16 чел.

Проводя работу по качественному подбору актива и его закреплению, прокуратура значительно увеличила и улучшила ряды своего актива. Если к началу конкурса было всего лишь 80 членов ГСП и 16 групп, то на I/II членов групп содействия насчитывалось уже 130 чел., а групп содействия прокуратуре — 28.

Увеличивая ряды актива за счет лучших людей, рабочих—стахановцев и отличников, прокуратура выпестовала немало активистов. Некоторые из них в процессе проведения конкурса были выдвинуты даже на постоянную работу в органы юстиции. Так, например:

соцсовместитель райпрокурора, рабочий УЗТМ т. Хрампев работает сейчас в прокуратуре помощником райпрокурора. Помощником райпрокурора работает и работница т. Бобров

ва. Считавшийся лучшим сосовместителем следователя т. Спиридонов сейчас работает парследователем.

За время проведения конкурса (апрель—декабрь) непосредственно активистами было закончено расследованием дел:

Направлено в суд с обв. заключениями	Направлено для привлечения к дисциплнар. ответственности	Направлено для привлечения к партийной ответственности	Направлено в товарищеск. суд.	Напр. в др. организац.	Прекращено	Всего
81	17	1	5	25	34	163
% к общ. числу дел 49,6%	11%	0,4%	3,1%	15%	20,9%	

Качество проведенных и направленных в суд дел в большинстве своем не ниже качества дел следователей. Это подтверждается и результатами рассмотрения дел в суде.

Из 93 чел., преданных суду по делам, проведенным общественностью, приговорено: к и.т. работам — 36 чел.; к лишению свободы — 19 чел.; к условному осуждению — 2 чел.; наложен штраф — 6 чел.; к общественному порицанию — 4 чел.; к прочим мерам (возмещение вреда и убытка) — 6 чел.; прекращено — 7 чел.; оправдано — 13 чел.

По далеко не полному учету за время конкурса общественностью выполнено 85 поручений прокуратуры. Эти поручения в большинстве своем сводились к проверке жалоб и заявлений трудящихся, газетных заметок, обследований, получению объяснений, допросу отдельных лиц и т. д.

Так, например, члены групп содействия прокуратуры тт. Палкин, Житно, Кукарцева провели обследование состояния овощехранилищ в системе Нарпита и орса. В результате обследования был выявлен ряд безобразий. Этими же членами ГСП была проведена вторичная проверка выполнения их предложений об исправлении обнаруженных дефектов.

Член ГСП т. Кукарцева, Захаровский и Орлова организовали проверку состояния вевого хозяйства Свердловдеторга.

Члены ГСП тт. Суханов и Палкин проверили своевременность и правильность удержаний алиментов бухгалтериями четырех крупнейших цехов УЗТМ. В результате проверки был поставлен вопрос перед администрацией завода о перестройке системы удержаний по исполнительным листам, так как она не обеспечивала четкого и своевременного удержания и перевода денег.

Сосовместители прокуратуры втягивались в практическую работу по надзору.

Сосовместитель прокурора т. Цирк в порядке надзора провела проверку дел по детской преступности.

Проведенная сосовместителями и членами ГСП проверка в порядке надзора 102 алиментных дел, рассмотренных нарсудом, выявила ряд недостатков, а именно: несвоевременную выдачу истцам исполнительных листов, отсутствие по ряду дел дат о выдаче исполнитель-

ных листов, отсутствие справок о зарплате ответчиков и т. д. Результаты проверки были сообщены ст. судье города для принятия мер к устранению выявленных недостатков в работе суда.

Членами группы содействия прокуратуры Ягодкиной, Кукарцевой и сосовместителем прокурора т. Мартемьяновой была проведена большая работа по борьбе с подпольными абортными. По их инициативе были привлечены к ответственности «бабки-повитухи» Ефремова и др.

Тт. Палкиным, Придковым — членами ГСП — был выявлен и разоблачен ряд чужаков, обманым путем пробравшихся на завод. Чужаки Китаев, Зайков, Тименцов, Рыбалко и др. были с работы на заводе сняты.

Прокуратурой было получено от актива более 30 сигналов. Большинство сигналов имело своевременное и большое общественно-политическое значение. По сигналам общественности возбужден был ряд уголовных преследований.

Так, по сигналам ГСП типографии об издательстве над стахановцами были привлечены к уголовной ответственности работники типографии Соколов и Кораблев.

По сигналу члена ГСП Захаровского о наценках, производимых на товары, продавец магазина «Гастроном» Стахова была отдана под суд.

ГСП при механическом цехе № 1 УЗТМ сигнализировала нач. сборки о недогрузке станков слесарной работы, вследствие чего не выполнялась производственная программа и вынужденно применялись сверхурочные работы. По получении сигнала нач. сборки дал распоряжение о немедленной полной загрузке станков. Эта же ГСП сигнализировала о задержке нарядов зав. СНЗ Сукова об оплате сверхурочных работ. В результате сигнализации наряды немедленно были оплачены.

По сигналу сосовместителя прокурора, рабочего механического цеха № 1 т. Бабина, о задержке деталей по обработке кранов, что являлось основной причиной срыва выполнения плана, администрация завода немедленно приняла меры, и на виновных мастера участка Жарова и Фролова было наложено дисциплинарное взыскание.

По инициативе этого же сосовместителя т. Бабина были привлечены к дисциплинарной ответственности: нормировщик Лубегин и др. за задержку нарядов-расценок и мастер Дубинский за то, что обязывая рабочих производить работу без нарядов.

Производственная и общественная работа т. Бабина заслуженно оценивается и заводом. Тов. Бабин за проявленную исключительную борьбу за выпуск машин директором УЗТМ т. Владимировым премирован месячным окладом.

Принимая активное участие в работе прокуратуры, отдельные товарищи показывают исключительные образцы работы и у себя на производстве, у себя в цехе, будучи за станком, агрегатом.

71 чел. из числа актива — стахановцы.

Хорошая и умелая постановка работы с общественностью, проводимая прокурором т. Шондиным и другими работниками, переносится в другие прокуратуры города.

Городской прокуратурой прокурор Шлюндин премирован патефоном и грамотой. Получили премию и лучшие активисты тт. Гришин и Хирус.

Таковы предварительные итоги участия в конкурсе прокуратуры района имени Серго Орджоникидзе.

А. Шестаков

БАШКИРИЯ

Как мы соревнуемся

Включившись в конкурс на лучшее следственное дело и руководство следствием, объявленный Прокуратурой РСФСР, прокуратура АБССР мобилизовала все силы на успешное проведение этого конкурса и развертывание его на основе социалистического соревнования.

Фактические материалы взаимной проверки выполнения договора свидетельствуют о том, что прокуратура АБССР не плохо выполнила взятые на себя обязательства.

Итоговые данные показывают, что прокуратура АБССР из 13 обязательств, принятых на себя, выполнила полностью 9 и 4 — частично, прокуратура же Челябинской области не выполнила ни одного пункта и лишь по 5 пунктам провела частичные мероприятия.

По первому пункту договора стороны обязаны были обследовать силами облпрокуратуры не менее 20 следователей и прокуроров по вопросам следствия. Челябинская областная прокуратура обследовала 3 районных и 2 городских следователя с просмотром 40 дел, а прокуратура АБССР обследовала и изучила дела 25 следователей, просмотрев и дав указания по 271 делу.

По второму и третьему пунктам договора прокуратуры должны были заслушать на методбюро доклады 20 следователей и 10 райпрокуроров по конкретным делам. Эти пункты договора Челябинской облпрокуратурой не выполнены, так как заседания не созывались. Методбюро Башкирской прокуратуры заслушало 20 следователей и 17 райпрокуроров по отдельным делам и отдельным вопросам следствия с точки зрения методики расследования дел.

Пункт четвертый договора обязывал дать три методзаписки о методах расследования дел о растратах, должностных преступлениях в колхозах и делах, связанных с привлечением малолетних. Это обязательство Башкирской прокуратурой выполнено полностью, а Челябинская прокуратура поместила в бюллетене только одну методическую статью об ошибках следствия по делам о малолетних.

Пункт шестой договора, возлагавший постановку докладов на следователей, включившихся в конкурс, о их работе по уборочной и зернопоставкам на заседаниях президиумов райков, обеими прокуратурами выполнен неудовлетворительно, причем Челябинская облпрокуратура по этому вопросу в своем распоряжении никаких сведений не имеет, а Башкирская прокуратура имеет сведения о заслушании этих докладов лишь в 3 районах.

По восьмому пункту договора каждая прокуратура должна была издавать ежемесячно бюллетень. Челябинская прокуратура за все время соревнования издала 1 бюллетень, а

прокуратура АБССР за это время издала 5 бюллетней.

В соответствии с пунктом 10 договора следователи — участники конкурса должны были сдать зачеты по судоустройству и методике расследования. В соответствии с пунктом 13 договора методбюро должно было заслушать доклад 3 следователей о их работе в уборочной и зернопоставках. Башкирской прокуратурой эти пункты договора целиком выполнены, а Челябинская облпрокуратура эти обязательства не выполнила.

Остальные обязательства пп. 9, 11 и 12 договора, предусматривавшие привлечение общественности к предварительному расследованию, обеими сторонами выполнены лишь частично, и этот участок работы требует усиления внимания в будущем.

Таковы итоги выполнения договора социалистического соревнования между Челябинской и Башкирской прокуратурами в борьбе за качество предварительного следствия.

Дальнейшая задача прокуратуры Башкирской АССР заключается в том, чтобы закрепить свои достижения в этом направлении в 1936 г. и поднять работу на высшую ступень.

Для этой цели прокуратура АБССР развернула соцсоревнование между районными прокуратурами и следователями и вызвала вновь на соцсоревнование Челябинскую облпрокуратуру.

А. Тимашев

УССР

Некоторые итоги наблюдения за местами заключения

Проводя решительную борьбу за четкое выполнение инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР 8/V 1933 г., Прокуратура Республики поставила перед собой центральную задачу — организовать прокурорский надзор за местами заключения так, чтобы повседневно выявлять недочеты, решительно устраняя их в практической работе, не допуская нарушений закона.

Ставя перед собой эту задачу, мы нередко проводили глубокую проверку состояния движения дел в кассинстанциях облсудов, выявляли причины задержки и волокиты, ведя с этим решительную борьбу (Донбасс, Днепрпетровская область, Харьковская область), привлекая к ответственности тех, кто преступно маринировал дела, нарушая установленные сроки рассмотрения.

Работа судебных органов Украины, несомненно, теперь налажена крепче и поставлена лучше, чем это имело место год-два назад. Мы наблюдаем гораздо меньший процент отмены приговоров, более удачный выбор объектов репрессии и в основном своевременность разрешения дел. Такое состояние не могло не оказать положительного влияния на места заключения. Это, несомненно, приводило и приводит к упорядочению деятельности мест заключения.

На уменьшение количества заключенных в местах заключения имело влияние и то, что следственные органы Украины значительно повысили качество своей работы. Сократились сроки продвижения дел, более удачно подбирают объект репрессии. Этому, несомненно, в

значительной степени способствовало улучшение прокурорского надзора и активизация органов прокуратуры Украины.

Места заключения Украины пахотятся в значительно лучшем состоянии, чем это было раньше.

Условие содержания, режим, питание находятся под повседневным наблюдением прокуроров. Организовано систематическое посещение камер, прием и разрешение жалоб заключенных, обследование работы клубов, библиотек, комнат свидания заключенного с родственниками, комнат передач.

В процессе таких проверок, кроме положительных сторон, выявлялись и случаи грубого нарушения ревзаконности со стороны администрации мест заключения. Мы повседневно наблюдаем за тем, чтобы не пропускать безнаказанно ни одного случая нарушения ревзаконности, не взирая на лица.

Большое внимание прокурорского надзора обращено на вопросы организации производственных процессов в местах заключения, как-то: устранение нарушений техники безопасности, промсанитарии, постановка дела получения заключенными производственной квалификации.

Естественно, что, констатируя положительные стороны, улучшающие состояние мест заключения, мы часто выявляем чрезвычайно отрицательные факты, которые заключаются в том, что отдельные следственные работники еще недостаточно оперативно работают. Плохо еще перестроена работа в отношении улучшения качества и соблюдения сроков предварительного следствия. Нередко мы сталкиваемся со случаями, когда следователь нарушает ст. 157 УПК. Так, в Черниговской области мы обнаружили таких нарушений до 120 случаев, когда следствие тянулось по пять и более месяцев (к виновным приняты меры воздаяния, и нарушения исправляются). Следователи Титов и Турин (Донецкая область) преступно относились к своим обязанностям. Первый — 7 мес., а второй — 9 мес. маршировали у себя следственные дела, несмотря на ряд напоминаний и предложений форсировать окончание дела. Приказом наркома юстиции Украины б. следователи Титов и Турин за халатно-преступное отношение к своим служебным обязанностям отданы под суд. В данный момент мы еще имеем нарушение сроков следствия со стороны отдельных следователей других областей (Одесса, Днепропетровск), к которым принимаем решительные меры, не останавливаясь и перед судебными мерами.

К темным сторонам нашей работы нужно отнести еще недостаточный прокурорский надзор за судебными органами, что часто приводит к нарушению ст. 234 УПК УССР. Мы обязаны этот участок работы наладить так, чтобы не было даже малейших отступлений от сроков расследования дел, предусмотренных законом, ибо от этого зависит положительное состояние места заключения и авторитет судебных органов. За качество судебного приговора, за своевременное рассмотрение дела мы должны драться со всей решительностью.

Практика надзора за местами заключения широко показала положительные результаты систематической проверки дел всех заключенных; при этом выявляются: грубые ошибки

отдельных судебно-следственных органов в их приговорах и первичных постановлениях об избрании меры пресечения. Нередко по жалобе заключенного выявляются недочеты и ошибки. Поэтому стержневым вопросом прокурорского надзора за местами заключения является систематическое посещение камер, проверка и изучение документации о каждом заключенном в отдельности для установления законности содержания его под стражей.

Вопросы режима и питания в местах заключения заняли одно из центральных мест прокурорского надзора. Существовавший раньше порядок установления калоража на основе полагающихся продуктов питания по настоянию прокуратуры был изменен, установленные нормы калорий питания измеряются лабораторным путем из фактически получаемого питания заключенных; при таком порядке никакого отклонения калоража в сторону уменьшения не происходит.

Неоднократные настояния прокурорского надзора перед администрацией мест заключения побудили последнюю привести вопросы условий режима в надлежащее состояние (обеспечение кроватями, постельными принадлежностями, регулярной баней, мылом и другими необходимыми предметами и условиями быта). Все это дало положительные результаты и обеспечило необходимые санитарно-гигиенические условия.

Организация судебных заседаний в местах заключения по вопросам условно-досрочного освобождения превратилась в подлинно политическое событие, стимулирующее повышение элементов перевоспитания и улучшения трудовых процессов заключенных, подняло производительность труда и улучшило качество работы. Каждый заключенный знает, что, честно работая, приобретает трудовые навыки, овладевая производственной квалификацией, отбывая не ниже одной трети срока наказания при наличии видов на исправление, он ходатайствует перед судом и суд выносит о нем решение об условно-досрочном освобождении. Мы добились такого положения, когда такие заседания судов полностью обеспечены прокурорским участием. Наши прокуроры в этом деле производят немалую работу, решительно настаивая перед судами о предоставлении условно-досрочного освобождения тем, кто действительно в честном труде оправдывает себя и исправляет. Подводя итоги этой работе, можно считать, что условно-досрочное освобождение дало эффективные результаты в местах заключения.

Мы имеем ряд отрицательных явлений, как-то: отсутствие со стороны отдельных прокуроров систематической проверки причин загрузки кассинстанций и судов и принятия надлежащих мер к их разгрузке и недостаточное воздействие на лиц, задерживающих своевременное проведение предварительного следствия.

Не везде еще прокуроры систематически проверяют документацию на заключенных и тем самым не всегда своевременно вскрывают незаконность содержания и другие нарушения и не всегда их своевременно устраняют.

Исходя из этих недостатков, мы должны еще крепче улучшить нашу надзорную прокурорскую работу за каждым местом заключения. Не взирая на лица, надо беспощадно

наказывать тех, кто искривляет нашу социалистическую законность. Органы юстиции УССР так же, как и места заключения, имеют все условия и предпосылки работать лучше, чем они работают сейчас.

Петренко

Об областных государственных арбитражах

В настоящее время решительно поставлен вопрос о повышении внимания органов юстиции к гражданским делам. В областных судах восстановлены гражданские коллегии и усилен падеж прокуратуры за разрешением гражданских дел. В связи с этим своевременно поставить вопрос о целесообразности существования областных государственных арбитражей как самостоятельной структурной единицы.

Анализ работы Харьковского областного государственного арбитража подтверждает необходимость постановки этого вопроса.

В обларбитражах за три квартала 1935 г. поступило 10 785 дел, из них: 7909, или 73,3%, дел по искам на сумму до 5000 руб., причем в I квартале 1935 г. количество этих дел составляло 75%, а в III квартале — 82%.

В большинстве случаев дела по искам на сумму до 5000 руб. несложны и в значительном своем количестве бесспорны, что видно хотя бы из того, что из общего количества дел, разрешенных обларбитражем в 1935 г., 85% исков было удовлетворено.

Среди дел, разобранных обларбитражем по искам до 5000 руб., первое место занимают дела по дебиторской задолженности, о взыскании основной суммы долга и пени, неустойки и штрафов.

По эти категории дел основную массу составляют, примерно, такие дела:

Дело № 8189 по иску Руджилстроя треста «Руда» к деревообделочной фабрике на 3269 р. 22 к. Ответчик в заседании признал иск в сумме 3179 р. 22 к., которые арбитр и присудил.

Дело № 9276 по иску Яковлевской выходной базы Союзльносбыта к Облхудождетекстильсбыту на 1298 р. 65 к. (пени и неустойка за неплату счетов в срок). Ответчик иск признал, но сослался на пропуск истцом срока давности. Арбитр присудил 1232 р. 70 к.

Дело № 8116 по иску Тростянецкого райпотребсоюза к Сумскому спиртоводочному заводу. Ответчик возражений не представил. Иск удовлетворен.

На втором месте идут дела о недоставках, обнаруженных при приеме товара.

Дело № 8231 по иску Роменской межрайбазы к Кондитерснабсбыту на 1934 р. 45 к. за весовую недостачу и штраф за отправку товара не в стандартной таре. Арбитр в иске отказал, так как недостача была недостаточно оформлена.

Затем следуют дела о качестве продукции.

Эти дела занимают небольшое место среди общего количества дел и тоже не представляют особой сложности.

Дело № 8953 по иску Роменской картонажной фабрики к Киевскому утильзаготпрому на 2364 р. 12 к. за постановку недоброкачественного бумбрака. На основе двусторонних актов о браке арбитр присудил 1973 руб.

Дело № 8192 по иску Майкопского коммунального треста к ХПЗ на 3417 р. 50 к. за дефектную шестеренку. Арбитр в иске отказал, так как истец произвел зачет спорной суммы при взаимных расчетах.

Далее идут дела по искам о цене. Дела эти в основном следующего характера:

Дело № 8115 по иску Продобъединения Харьковского горпотребсоюза к Харьбсбыту на сумму 1462 р. 33 к. Арбитр иск удовлетворил на основе постановления Конвенционного бюро.

Решения арбитров отменяются в очень незначительном количестве (5%), главным образом вследствие бесспорности исков, причем основная масса жалоб разрешается главарбитром и только 1% их подается в президиум облисполкома.

Дела в заседаниях арбитража докладываются референтами и консультантами, заключения которых почти всегда принимаются арбитрами.

Представителями учреждений в заседаниях арбитража являются главным образом юристы-консульты. Руководители учреждений или хозяйственники являются очень редко и притом всегда в сопровождении юристконсульта.

Анализируя дела, разрешенные обларбитражем, следует признать, что последний в настоящее время уже утратил свои специфические особенности, отличающие его от общих судебных учреждений, и свел разрешение дел к обычному судебному разбирательству со значительно упрощенным порядком судопроизводства. Об этом свидетельствует также и тот факт, что докладчиками и сторонами по делам являются почти исключительно юристы. Первый шаг к изъятию ряда дел из подсудности арбитража сделан постановлением правительства от 19/VI 1935 г. о передаче споров колхозов с организациями общественного сектора по искам на сумму до 5000 руб. общим судам. Споры эти по сравнению с делами, разрешаемыми ныне обларбитражем на сумму до 5000 руб., значительно сложнее, тем более, что стороны в организациях госторговли и госпромышленности более подготовлены к защите своих интересов. Отсюда совершенно бесспорна нецелесообразность дальнейшего оставления дел по искам на сумму до 5000 руб. в органах арбитража.

В связи с тем, что при изъятии из подсудности обларбитражей дел по искам на сумму до 5000 руб. в их производстве останется очень незначительное количество дел, дальнейшее существование областных государственных арбитражей является излишним, их надо ликвидировать, используя кадры арбитров, референтов и консультантов на работе в общих судах по гражданским делам.

А. Ротт

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

АНГЛИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

1

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ И НАЧАЛА

До настоящего времени из всего английского уголовного законодательства кодифицированы только нормы о некоторых видах преступлений: о кражах, о повреждении имущества и пр. В целом оно остается до сих пор не кодифицированным. Задачу кодификации взял на себя в 70-х годах Стифен. В 1879 г. выработанный им проект был предложен парламенту, но здесь, так как ни одна из политических партий им не интересовалась, был положен под сукно. Со времени правительства лорда Биконсфильда, в осуществление программы которого был составлен стифеновский проект, вопрос о кодификации английского уголовного права не подвинулся вперед. «Воз и ныне там». Еще в 1926 г. проф. Кенни в его классическом руководстве по уголовному праву писал, что «осуществление задачи кодификации уголовного права в Англии кажется еще более отдаленным, чем 50 лет назад».

До сих пор «источником» уголовного права в Англии, как и права вообще, наряду с законом является «общее право», или как называл его Бентам, «судами созданное право».

При существующем положении источников английского уголовного права в нем нет особо выделенной общей части. Авторы английских руководств по уголовному праву выделяют в первую часть этих руководств (Стифен) или в первую книгу (Гаррис, Кенни) следующие вопросы: о видах преступлений, о субъекте преступления (условия вины и виновности), о соучастии. Из трех названных авторов только Кенни посвящает особую главу (всего 3 страницы) учению о «начатом (мы бы сказали: о неоконченном) преступлении», причем к этой главе отнесены и вопросы о подстрекательстве и заговоре.

Виды преступных деяний. Все преступные деяния делятся на два рода по процессуальному признаку, именно, по порядку их преследования, который соответствует большей или меньшей тяжести преступлений: для одних установлен порядок преследования с обвинительным актом (хотя и с возможностью отступления от этого порядка), для других — порядок суммарной юрисдикции, без обвинительного акта. Так как первый род преступных деяний принято называть собственно «преступлениями» (crimes), то применительно к тому различению наказуемых деяний, которое существовало в русском дореволюционном праве, всю вторую обширнейшую группу преступных деяний можно было бы назвать проступками. В английском юридическом языке для них соответствующего наименования не существует; по процессуальному признаку они называются «суммарными» преступными деяниями — summary offences.

Тот «компромиссный характер», который имела английская революция, оставил свой отпечаток на ее праве — на уголовном в частности. Несмотря на то, что Англия — страна наиболее раннего развития капитализма, в ней сохранилось много феодальных пережитков; ее право, буржуазное, конечно, по своему содержанию, все еще несвободно от влияния феодальных форм.

Влияние феодальных пережитков сказалось и на различении родов преступлений в собственном смысле.

Собственно «преступления» (crimes) делятся на три группы, для которых в русском языке нет никаких соответствующих наименований; это — преступления, составляющие «тризн», «фелонию» и «мисдиминор».

Хотя слово «тризн» и значит «измена», но было бы совершенно неправильно словом «измена» передать английское «тризн» как наименование определенной группы преступлений, ибо это наименование обнимает и такие посягательства на внешнюю государственную безопасность, которые и по-русски могли бы быть названы государственной изменой, и такие, которые с точки зрения наших правовых представлений — как современных, так и дореволюционных — никак не могут быть подведены под понятие измены. Это — посягательства на личность короля, наследника престола, их супруг, старшей и незамужней дочери короля¹ и даже на некоторых высших должностных лиц. Наименование этих посягательств изменой соответствует воззрению феодальной эпохи, согласно которому все население государства состояло, кроме короля и его семейства, из подданных короля (а не подданных государства), и обязанности подданных по отношению к королю выводились из долга верности.

Что касается двух других групп преступлений, в собственном смысле, «фелонии» и «мисдиминор», то для их различения, которое можно объяснить также только исторически, дано нельзя, как констатируют авторитетные английские юристы, указать «сколько-нибудь понятное принципиальное основание».

До настоящего времени «фелонией» считаются все те преступления, которые ранее, по общему праву, влекли за собою конфискацию имущества, но кроме того любой статут может объявить фелонией (с вытекающими отсюда практическими последствиями) любое преступление.

За исключением «тризн» все преступления, которые подходят под понятие «фелонии», составляют группу «мисдиминор».

Мы ограничимся здесь указанием только некоторых практических последствий, которые влечет за собой отнесение преступного деяния к той или другой из трех названных групп: при «фелонии» различается соучастие «главное» и «дополнительное» с различной ответ-

¹ Речь идет об изнасиловании ее.

ответственностью для соучастников, тогда как при «мисдиминор» все соучастники отвечают одинаково; недонесение о преступном деянии составляет самостоятельное преступление, если кто-либо не донес о «тризн» или «фелонии», к которым сам он не имел никакого отношения, и не составляет преступления, если лицо знало и не довело до сведения подлежащих властей о «мисдиминор»; обвиняемый в «тризн» или «фелонии» имеет право немотивированного отвода известного числа присяжных заседателей; обвиняемый в «мисдиминор» имеет право лишь на мотивированный отвод и т. д.

Английское трехчленное деление преступлений, не дающее никакого общего критерия для отнесения преступления к той или другой категории, и система связанных с этим делением многообразных, не поддающихся обобщению, последствий, таковы, что они одни оправдывают слова проф. Перси Уинфильда в его вступительной лекции в Кеймбриджском университете: «Римское право эпохи Антонинов на 1700 лет моложе нашего современного права, но оно на 1700 лет старше нашего отечественного права с точки зрения простоты и элегантности».

Субъект преступления. Как известно, в праве различаются две категории субъектов: физические лица и юридические лица.

Английское право не безусловно исключает юридические лица из числа возможных субъектов преступления. Корпорация не может быть привлечена к ответственности за деяние, влекущее за собой личное наказание. Но корпорация может быть осуждена и подвергнута денежному взысканию (штрафу) за «пасквиль» (ляйбель)¹, за «причинение вреда» или за проявившееся в бездействии или злоупотреблении властью нарушение какой-либо обязанности, возложенной законом.

Проф. Хаккер утверждает, будто ответственность корпорации установлена в Англии, как и в штате Нью-Йорк, — «наиболее капиталистических странах», для того, «чтобы помешать вредному развитию капитализма». В действительности возложение ответственности на корпорацию во многих случаях должно означать переложение ответственности с заправил капиталистических организаций на мелких держателей ценных бумаг (акций или облигаций), вложивших свои средства в капиталистические предприятия.

Что касается физических лиц, то основным вопросом в учении о субъекте преступления является вопрос о вменяемости.

Невменяемость, по английскому праву, может быть обусловлена возрастом, душевной болезнью, опьянением.

По возрасту абсолютно невменяемыми признаются дети в возрасте до 8 лет.

Критерий невменяемости вследствие душевной болезни до настоящего времени определяется в Англии доктриной, изложенной совещанием судей в 1843 г. в заключении, данном по предложению палаты лордов: «Для того, чтобы ссылка на душевную болезнь могла послужить аргументом для защиты, должно быть ясно доказано, что во время совершения преступления обвиняемый действовал под влиянием такого дефекта сознания, проистекающего из душевной болезни, при ко-

тором он не мог понимать природы и свойства совершаемого им действия, или, если он это понимал, то не мог отдавать себе отчета в противозаконности того, что он совершил».

Доктриной 1843 г. установлена презумпция вменяемости. Обязанность опровержения этой презумпции возлагается на защиту. Даже в том случае, когда душевная болезнь обвиняемого установлена, предполагается, что он совершил преступление в светлый промежуток, пока противное не будет доказано.

Если преступление совершено под влиянием обманчивого представления (иллюзии, галлюцинации) относительно тех или других обстоятельств, лицо, совершившее преступление, не несет за него ответственность в той мере, в какой оно должно было бы отвечать, если бы обстоятельства, представившиеся ему, действительно имели место.

Явно устаревшая доктрина 1843 г. продолжает действовать до настоящего времени, несмотря на неоднократные попытки добиться расширения установленного ею критерия невменяемости¹.

Вопрос о значении опьянения для ответственности был подвергнут обстоятельному рассмотрению Палатой лордов в 1902 г. в решении по делу Бирда. При этом было формулировано следующее положение: «Если в результате чрезмерного употребления алкоголя наступает состояние душевной болезни, вопрос об уголовном преследовании разрешается совершенно точно так же, как он решается при душевной болезни, наступившей вследствие какой-либо другой причины».

Условия совершения деяния, исключающие уголовную ответственность за него. Под этой или аналогичной рубрикой в английских руководствах рассматриваются вопросы о принуждении, приказе, необходимой обороне, крайней необходимости и ошибке. Мы отметим здесь только два характерных для английского права момента.

Своеобразной чертой английского права в вопросе о принуждении представляется освобождение жены от ответственности за деяние, совершенное по принуждению мужа. В этом сказались архаичность взглядов английской буржуазной среды на взаимоотношения мужа и жены. До 1925 г. (1), если женщина совершила преступление («фелонию») в присутствии мужа, то презюмировалось, что она действовала по принуждению мужа, и освобождалась от ответственности при отсутствии доказательств, прямо опровергающих эту презумпцию. Последняя, правда, в несколько неточной редакции дала однажды повод для замечания: «если таково положение права, то право глупо, как осел»¹. Тем не менее это положение просуществовало до 1925 г. В этом году оно было отменено статьей 47 закона об уголовном правосудии, так как было несколько случаев, когда им воспользовались молодые женщины «в современном духе» (имелись, очевидно, ввиду суфражистки). Однако реформа, произведенная законом 1925 г., вовсе не радикальна: в случае обвинения в каком-либо преступлении, за исключением «тризн» и умышленного убийства, замужняя женщина сохраняла пра-

¹ Существует специальное «Национальное общество для содействия реформе законодательства о душевнобольных».

¹ См. ниже.

во ссылаться в свое оправдание на то, что преступление было совершено ею в присутствии мужа и по его принуждению. Другими словами, закон попрежнему исходит из предположения безусловной подчиненности жены мужу и лишь возложил на жену, ссылающуюся на принуждение со стороны мужа, бремя доказывания, что такое принуждение действительно имело место.

Крайняя необходимость принимается за обстоятельство, извиняющее деяние, которое при других условиях повлекло бы за собою наказание, если это деяние было совершено во избежание большего зла и притом для спасения интересов другого лица или в общественных интересах. Из крайней необходимости выводится освобождение от ответственности должностного лица, если, встретив сопротивление при выполнении обязанности арестовать кого-либо или разогнать сборище, оно нанесет побои, причинит ранение или даже убьет кого-либо. Это положение получило в последнее время очень большое практическое значение при разгоне рабочих митингов и демонстраций.

Напротив, опасность для чисто личных интересов не извиняет преступления, совершенного для избежания угрожающего зла. Не только убийство для спасения себя от голодной смерти не оправдывается крайней необходимостью, — английское право, бдительно стоящее на страже интересов собственности, не допускает оправдания крайней необходимостью и имущественных преступлений.

Покушение совершить преступление, подпадающее под понятие «фелонии» или «мисдиминора», рассматривается по общему праву, как «мисдиминор». Однако покушение совершить умышленное убийство составляет «фелонию». Покушение на целый ряд преступлений специально предусматривается отдельными статьями.

Соучастие. Английское право различает соучастие главное и дополнительное. Главные участники делятся на две группы или степени. Постановления о различных видах и степенях соучастия представляют собой сложное нагромождение казуистических правил, излагать которые в настоящем кратчайшем очерке английского уголовного права было бы неуместно. Укажем только, что английское право знает не только соучастие, предшествующее или сопутствующее преступлению, но и следующее за ним, и что английскому праву известно и так называемое (в континентальной доктрине), «посредственное виновничество», т. е. совершение преступления через посредство невинного лица (невинного по той или другой причине: вследствие невменяемости, заблуждения). Посредственный виновник приравнивается к главному виновнику первой степени.

II

НАКАЗАНИЯ

Английское уголовное право знает пять видов наказаний: 1) смертную казнь, 2) каторжные работы, 3) тюремное заключение, 4) сечение, 5) штраф.

Смертная казнь в настоящее время по общему уголовному законодательству применяется в

четырёх случаях: за умышленное убийство, измену государю или отечеству, пиратство с насилием на основании закона о пиратстве 1837 г. и поджог королевских (т. е. государственных) кораблей, портов, складов по закону 1772 г. об охране портов.

Возраст, до которого смертная казнь не применяется, повышен законом 1930 г. о детях и несовершеннолетних до 18 лет.

Каторжные работы, или по английской терминологии «уголовное рабство», по законам 1853 и 1857 гг. заменили собою ранее существовавшую «ссылку за море».

Минимальный срок каторжных работ — три года; максимальный срок определяется тем законом, которым предусмотрено преступление. За очень большое число преступлений предусмотрена пожизненная каторга. Вообще английское законодательство проявляет большую щедрость в назначении наказания каторгой. Даже целый ряд «мисдиминор» влекут за собой наказание каторжными работами. Впрочем, во всех тех случаях, когда судом может быть (т. е. не обязательно должна быть) назначена каторга, он имеет право, по своему усмотрению, приговорить осужденного к тюремному заключению.

Тюремное заключение. Различаются два вида тюремного заключения: с тяжкими работами и без тяжких работ. Тюремное заключение, по «общему праву», может быть назначено на любой срок, но на практике никогда не назначается на срок более двух лет, не превышает этого срока и тюремное заключение, предусматриваемое статутами.

Сечение применяется к лицам мужского пола. Телесному наказанию могут быть подвергнуты как взрослые, так и малолетние. Взрослый мужчина, т. е. лицо мужского пола, достигшее 16-летнего возраста, может быть приговорен к телесному наказанию: 1) если он приговором суда четвертой сессии признан «неисправимым негодяем» (incorrigible rogue), 2) если он осужден за преступление против государя, 3) за разбой или вымогательство при отягчающих обстоятельствах; 4) за попытку оглушить, задушить или задавить другое лицо с намерением совершить или содействовать совершению такого преступления, которое преследуется по обвинительному акту, 5) за сводничество с девушкой (независимо от возраста) или с женщиной моложе 21 года, если она не проститутка и не имеет репутации безнравственной женщины, или за принятие мер к тому, чтобы сделать из девушки или женщины проститутку, 6) за проживание полностью или частью за счет средств, добываемых путем проституции или за назойливое приставание в публичном месте с безнравственными целями, в случае вторичного осуждения за эти преступления и притом при условии производства дела с обвинительным актом.

По уголовно-статистическим данным за последние годы наблюдается значительное увеличение числа приговоров к телесным наказаниям взрослых.

Штраф. Наказание штрафом занимает в английском уголовном праве исключительно большое место. Все деяния, которые, по «общему праву», представляют собой «мисдиминор», могут влечь за собою наказание штрафом.

фом; по статутному праву также огромное количество «мисдиминор» наказываются штрафом; статутное право, кроме того, допускает наказание штрафом и за отдельные тяжкие преступления, как, например, при известных условиях даже за неумышленное лишение жизни.

В случае неуплаты штраф заменяется тюрьмою.

В заседании Палаты лордов 27/II 1935 г. было указано, что из числа всех лиц, заключаемых в тюрьмы, ежегодно в среднем приходится 47,5% на заключенных за невзнос денежных платежей (не только штрафов). В 1932 г. из 53 150 всех заключенных в тюрьму за неуплату штрафов были заключены 11 214 лиц, за неуплату алиментов — 6083, за неуплату местных налогов — 3089.

В августе 1935 г. через парламент прошел закон, в силу которого суды впредь, как правило, не должны постановлять в самом приговоре о замене штрафа, в случае неуплаты, тюрьмою. Замена не должна быть автоматической; каждый раз судом должно делаться особое постановление. Из этого правила, однако, законом предусматриваются исключения. Если суд, ссылаясь на исключение, постановит уже в самом приговоре о замене штрафа, в случае неуплаты, тюрьмою, он должен публично указать имеющееся для этого основание.

В заключение этого краткого обзора наказаний по английскому праву следует отметить, что английское право в большинстве случаев ограничивает судью только максимумом допустимого наказания на каждое совершенное преступление, не стесняя судью минимумом наказания. Это дает возможность английским судьям, в общем отнюдь не проявляющим склонности к снисходительным приговорам, в отдельных случаях постановлять чисто номинальные приговоры.

Английское право знает и неопределенные приговоры. Закон 1908 г. ввел понятие «привычных преступников», под которым разумеются лица, осужденные по достижении ими 16-летнего возраста не менее трех раз за серьезные преступные деяния и ведущие преступный образ жизни. В случае присуждения «привычного преступника» к каторжным работам суд может прибавить, что по отбытии каторги он должен быть подвергнут особому режиму, срок которого, указанный в приговоре, не должен быть меньше 5 и больше 10 лет с тем, однако, что он может быть освобожден и ранее, если будет этого заслуживать.

III

ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мы остановимся только на преступлениях наиболее важных, наиболее своеобразных по своему составу и таких, в определении которых особенно ярко вскрывается классовая природа социальных отношений английского общества¹.

Преступления против внешней и внутренней безопасности государства. Из числа преступлений против внешней безопасности государства мы выделим шпионаж, а из числа преступлений

¹ Мы совсем не коснемся проступков, преследуемых в порядке суммарного производства.

против внутренней безопасности государства — внесение смуты.

Шпионаж предусмотрен законами 1911 и 1920 гг. о государственной тайне. Согласно этим законам считается «фелонией», если кто-либо с целью, угрожающей безопасности или интересам государства а) приблизится к какому-либо запретному месту, будет обозревать такое место или пройдет через него, б) сделает рисунок, план, модель или заметки, годные для того или рассчитанные на то, чтобы служить неприятелю, в) получит, будет собирать, запишет или обнаружит или сообщит другому лицу секретный официальный шифр или пароль или набросок и т. п. или другие сведения, годные для того или рассчитанные на то, чтобы служить неприятелю.

Что следует считать запретным местом, это закон определяет обширным перечнем, в который включено всякое оборонительное сооружение, всякое место, в котором выделяются, ремонтируются, запасаются, складываются предметы военного снаряжения, всякое место, используемое для газовых, водяных, электрических и иных предприятий государственного значения, и многое другое.

Как ни характерна неуклюжая и многословная фразеология законов о шпионаже для английской законодательной техники, предпосылающей перечень обобщению или восполняющей перечень обобщение, все же нельзя не отметить особую скрупулезность, с которой приводятся и затем с утомительным однообразием повторяются перечни запрещенных объектов и запрещенных действий в законах о шпионаже: законодатель боится выпустить из поля зрения какой-нибудь требующий охраны объект или какое-нибудь подозрительное действие.

Выдающуюся особенность английского законодательства о шпионаже составляют те презумпции виновности, которые в нем установлены. Так, «если какой-нибудь список, план, образец, материал, заметка, документ или сведения, имеющие отношение к месту, запретному в смысле настоящего закона, или к предмету, находящемуся в таком месте или используемому в нем, будут сделаны, добыты или переданы лицом, не имеющим на то законных полномочий, то до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться, что вышеуказанное было сделано, добыто или передано с целью, угрожающей безопасности или интересам государства».

Под «внесением смуты» в «общем праве» согласно определению, данному юристом Арчболдом, разумеются всякого рода приемы, в чем бы они ни состояли — в действии, слове или письме, — которые, не составляя «высокой измены», имеют своей прямою целью «возбудить недовольство, враждебное или недоброжелательное отношение между различными классами подданных короля, породить в обществе беспорядки или довести до гражданской войны, вызвать враждебное или неуважительное отношение к государю или правительству, к законам или к конституции империи и вообще всякого рода попытки вызвать нарушение общественного порядка или подстрекнуть народ к образованию незаконных обществ, к восстанию или к нарушению мира, или к насильственному противодействию приведению законов в исполнение».

В этих нормах общего права о внесении смуты и в постановлениях закона о подстрекательстве к мятежу власть располагала, как будто, уже достаточно энергичными средствами для борьбы с противоправительственной деятельностью, в чем бы она ни проявлялась, но «национальное правительство» ими не удовлетворилось. В 1934 г. оно провело через законодательные палаты проект закона о подстрекательстве к неподчинению, который в прогрессивной печати и в широких кругах получил название «сидиши-билля» — проекта закона о внесении смуты, чем подчеркивалась его однородность с уже ранее существовавшими карательными нормами, направленными против опасных для правительства политических деятелей.

Ничто в большей мере, чем новый закон о внесении смуты, не выявляло реакционной тенденции в уголовной политике национального правительства. В течение всего 1934 г. «сидиши-билль» был в центре политической борьбы в парламенте, на митингах и в печати. В ноябре 1934 г. билль стал законом.

По ст. 1 нового закона, «кто с умыслом и намерением будет пытаться отвратить кого-либо из лиц, принадлежащих к войскам его величества, от исполнения их долга или поколебать их верность его величеству, тот будет виновен в преступлении, подпадающем под действие настоящего акта».

В парламенте было немало копей переломано из-за союза «или» (отвратить от исполнения долга или поколебать верность его величеству). Союз «или» не просто заменил собою союз «и», бывший в соответствующей формуле закона 1797 г. о подстрекательстве к мятежу. Лорд Арнольд в заседании палаты лордов 8/XI 1934 г. пояснил, что с союзом «или» закон будет распространяться и на призыв к солдатам не стрелять в рабочих-забастовщиков, между тем как при сохранении союза «и» («склонить... к нарушению обязанности и долга преданности») призыв не стрелять в забастовщиков не подпадал бы под действие закона, так как такой призыв составляет только подстрекательство солдат к нарушению их служебных обязанностей, не заключающая в себе призыва к нарушению долга верноподданничества.

По второй статье закона карается хранение документов (письменных или печатных материалов), распространение которых в войсках составило бы преступление, предусмотренное статьей первой. Правда, парламентская оппозиция добилась того, что предусмотренное статьей второй хранение антимилитаристической литературы карается при условии, если оно имело своею целью содействовать совершению преступления, преследуемого по ст. 1 закона, но и с этой поправкой закон не перестал быть угрозой, главным образом для коммунистических организаций, так как всякая коммунистическая организация имеет, конечно, в своем распоряжении антимилитаристическую литературу, а цель хранения представляет собой момент настолько субъективный, что в его установлении легко может быть допущена значительная степень усмотрения.

Должностные преступления, по английскому праву, это — злоупотребление властью, вымогательство, бездействие власти и взяточничество.

С нормами английского права, относящимися к последнему виду должностных преступлений, советскому суду пришлось познакомиться в процессе о вредительстве на электростанциях. Наряду с общими нормами, устанавливающими широкое понятие взяточничества, специальный закон 1916 г. предусматривает взяточничество в тех случаях, когда делом или сделкою, по поводу которых взятка была дана, был договор или предложение договора с центральным правительством, или с отдельными правительственными ведомствами, или с публично-правовыми организациями, или договор с контрагентом правительственного учреждения или публично-правовой организации о выполнении того или другого задания правительственного учреждения или публично-правовой организации.

Предусмотренное законом 1916 г. взяточничество карается каторжными работами на срок не свыше семи и не менее трех лет.

Особый интерес в законе 1916 г. представляет та презумпция, которая в нем установлена для облегчения доказательства преступления взятки. Презумпция эта формулирована следующим образом: «Если при производстве уголовного дела о ком-либо по обвинению его на основании закона 1906 г. о предупреждении коррупции или закона 1889 г. о взяточничестве в публично-правовых организациях будет установлено, что лицу, состоящему на службе в центральном или каком-либо ином правительственном учреждении или публично-правовой организации, были уплачены или предоставлены или таким лицом были получены деньги, подарок или что-либо иное, имеющее ценность, от лица или по поручению лица или от агента лица, связанного договором или помогающего заключить договор с центральным правительством или с каким-либо правительственным учреждением, или с публично-правовой организацией, то до тех пор, пока противное не будет доказано, должно считаться установленным, что деньги, подарок, или что-либо иное, имеющее ценность, были уплачены, предоставлены или получены в качестве взятки для побуждения или вознаграждения за что-либо, как это предусмотрено в названных актах».

Преступления в области хозяйственных отношений. Преступления в области хозяйственных отношений в английском уголовном праве это — преступления против интересов торговли и промышленности. Характерно, что уголовной охране труда ни Стифен в своих «Комментариях», ни Гаррис в «Началах уголовного права», ни Кенни в «Очерке уголовного права» вовсе не уделяют места, — в такой мере эта охрана (в области уголовного права по крайней мере) отступает на задний план перед охраною чисто коммерческих интересов. К посягательствам на эти последние Гаррис относит: нарушения законов о банкротстве, недобросовестные действия должников в отношении кредиторов, специальные преступления директоров, служащих и членов коммерческих обществ, подделка торговых марок и несоответствующие действительности описания товаров, нарушение правил о торговле продуктами питания и лекарственными веществами и (на последнем месте) преступления, сопутствующие промышленным конфликтам.

Для нас, разумеется, именно законодательство о преступлениях, сопутствующих промышленным конфликтам, представляет особый интерес, ибо здесь находит себе прямое отражение коллизия двух основных борющихся в современном буржуазном обществе сил — труда и капитала.

Ничего не может быть более знаменательного для тех взаимоотношений, которые установились между трудом и капиталом в современной Англии в связи с ее послевоенным экономическим развитием, чем закон 29/VII 1927 г. о промышленных конфликтах и профсоюзах.

Закон этот означает крутой поворот в политике английской государственной власти в отношении рабочих коалиций. Закон 22/VI 1824 г. провозгласил безнаказанность рабочих коалиций, имеющих целью добиться улучшения условий труда. В течение столетия со времени издания этого акта законодательство оставалось верным взгляду, что для предпринимателей выгоднее свобода соглашений рабочих, направленных на отстаивание их интересов, чем борьба с этими соглашениями путем репрессий. Однако эта политика компромисса со стороны законодателя в отношении рабочих, когда под влиянием кризиса усилилось, с одной стороны, наступление предпринимателей на рабочий класс, а с другой, участились и стали приобретать все более широкие размеры направленные против притязаний капитала массовые выступления рабочих, все чаще и чаще выходявших из повиновения умеренным вождям тред-юнионов.

Толчком для издания нового закона послужили великие стачки 1926 г.

Закон 29/VII 1927 г. запретил все политические стачки и стачки «из сочувствия», если такие стачки объявляются рабочими, принадлежащими к иной отрасли промышленности, чем та, в которой возникла первоначальная стачка, и служат для оказания воздействия на правительство. Самым существенным и самым выразительным в новом законе является именно то, что, «мирясь» с профессиональной солидарностью рабочих, вытекающей из занятости в одной и той же отрасли промышленности, он направляет свое острие против классовой (независимой от общности профессии) их солидарности. Законодатель считает еще допустимыми экономические забастовки, обнимающие какую-либо жизненную отрасль промышленности, даже в национальном масштабе, но обрушивает кару на тех рабочих, которые, отказываясь руководиться девизом «моя хата с краю», объявляют забастовку из солидарности с рабочими другой отрасли промышленности, объявившими экономическую забастовку в одном или нескольких предприятиях, хотя бы местного только значения.

Само собой разумеется, что закон не мог установить наказуемость всех участников подпадающей под его определения забастовки. При современных размерах предприятия, в которых число занятых рабочих зауряд измеряется тысячами, закон, карающий всех участников забастовки, или обречен был бы на то, чтобы стать мертвою буквою, или заранее угрожал бы совершенно произвольным его применением. Однако круг лиц, подлежащих ответственности за противозаконную забастовку, определен достаточно широко. По ст. 2 закона, если какое-либо лицо объявит

противозаконную стачку, будет возбуждать к ней, подстрекать других к участию в ней или каким-либо иным способом содействовать проведению такой стачки или локаута, то такое лицо приговаривается в порядке суммарного уголовного судопроизводства к штрафу не свыше десяти фунтов стерлингов или к тюремному заключению на срок не свыше трех месяцев, или в порядке общего судопроизводства на срок не свыше двух лет.

Круг противозаконных забастовок не исчерпывается названными выше. Закон особо предусматривает (в ст. 6) нарушение рабочими или служащими договора найма в учреждениях или предприятиях, имеющих публично-правовой характер. Здесь карается уже не только забастовка: наказание влечет за собой всякое нарушение договора найма рабочим или служащим, если нарушитель знал или должен был знать, что вероятным (хотя бы только вероятным) последствием его действия, совершенного им единолично или совместно с другими лицами, будет причинение, создание опасного состояния или нанесение значительного ущерба интересам общезжития. Наказание, налагаемое в порядке суммарного производства, — штраф до десяти фунтов или тюрьма до трех месяцев, а в порядке производства с обвинительным актом — тюрьма до двух лет.

Как известно, проведение забастовки для рабочих чрезвычайно затруднительно, в особенности в период экономического кризиса и сопровождающей его безработицы, если участники забастовки не имеют возможности бороться с штрейкбрехерами («стачколомками»). Имея это в виду, закон 29/VII 1927 г. принял специальные меры противодействия такой борьбе. Эти меры стяжали закону заслуженную репутацию «хартии штрейкбрехеров».

Преступления против личности. Из числа преступлений против личности мы остановимся на преступлениях против жизни, против нравственности и против чести, хотя английская концепция отводит последней категории преступлений иное место.

Посягательства на жизнь. Английское право различает умышленное убийство, неумышленное убийство и детоубийство.

Неумышленное лишение жизни приравнивается к умышленному, если сопутствовало другому преступлению, квалифицируемому как фелония.

Единственное допустимое по закону наказание за умышленное убийство — смертная казнь, за исключением случаев, когда осужденному нет еще 18 лет, или осужденная — беременная женщина.

Детоубийство до 1922 г., если оно было умышленным, каралось, как умышленное убийство, смертной казнью. Впервые закон 1922 г. ввел понятие детоубийства, как привилегированного преступления. Таким, т. е. привилегированным оно является в том случае, если будет признано, что во время совершения действия или упущения, последствием которого была смерть новорожденного ребенка, мать еще не оправилась после родов и находилась в состоянии нарушенного равновесия ее рас-судка.

Английское право до сих пор рассматривает самоубийство, как «фелонию», если оно совершено в здравом уме и твердой памяти. Правда, самоубийца в настоящее время не под-

вергается уже позорному погребению на большой дороге, и в его тело не взбивается кол, как предписывалось прежде, но он лишается обрядов церковного погребения. Последствием взгляда на самоубийство, как на «фелонию», является квалификация покушения на самоубийство, как «мисдиминора». Оно карается тюрьмою.

Преступления против половой нравственности. В числе преступлений против личности, связанных с нарушением требований половой нравственности, действующий до настоящего времени закон 1861 г. о преступлениях против личности предусматривает мужеложство и скотоложство, как фелонию, караемую каторгой, которая может быть даже назначена пожизненно. При этом согласие лица, с которым совершено противоестественное сношение, не служит к оправданию обвиняемого: оба участника противоестественного акта, если они действовали по соглашению между собою, признаются одинаково виновными, но если одним из участников был мальчик моложе 14 лет, то виновником преступления считается только другой участник.

Преступления против чести. По словам проф. Липмана, наиболее близко подойдет к пониманию определений английского уголовного права о преступлениях против чести тот, «кто не будет искать в них какой-либо идеалистической или эмоциональной подкладки, а будет иметь в виду только экономические, финансовые последствия для репутации».

Характерно, что английские руководства трактуют об оскорблениях чести не в разделе о преступлениях против личности, а среди преступлений против общественного спокойствия, которое ими нарушается, именно потому, что они угрожают устойчивости социального положения лица, против которого они направляются.

Английское право различает два вида оскорбления: 1) лайбель—позорящее сочинение, письмо, картина и т. п., словом, опозорение в какой-либо форме, сохраняющей длительное существование, и 2) «слэндер» — устное оскорбление. «Слэндер», по общему правилу, может влечь за собой только гражданско-правовые последствия и то лишь тогда, когда доказан причиненный оскорблением убыток. Оскорбительные слова наказуемы только в том случае, если в то же время они богохульны, «возмутительны» (т. е. вносят смуту), грубо безнравственны. Другими словами, устное оскорбление, если и карается, то не как оскорбление.

Существует тесная связь между условиями уголовного обвинения и предъявления гражданского иска. Стифен формулирует следующие два положения: «всякий лайбель, по поводу которого можно было бы предъявить гражданский иск, может быть преследуем в порядке обвинительного акта», и наоборот: «для того, чтобы служить основанием для обвинительного акта, произведение должно быть таким, чтобы оно могло служить основанием для гражданского иска». Правда, существует ряд исключений из этого последнего начала.

Понятие «лайбеля» (по-русски обычно этот термин переводят словом «пасквиль») чрезвычайно широко. Кроме «лайбеля», который может быть приравнен к оскорблению чести

лица в письменной или печатной форме, английское право знает «лайбель» богохульный, изменнический, «возмутительный» (сеюущий смуту), безнравственный. Все эти виды оскорбления рассматриваются, как оскорбление чувств общества. Именно эти виды «лайбеля» имел в виду Энгельс, когда писал: «Правильно в целом, что нигде не существует более широкая свобода печати, чем в Англии; и все-таки эта свобода еще очень ограничена. Закон о пасквилях, закон о государственной измене и закон о богохульстве лежат тяжелым бременем на печати, и если она редко преследуется, тот тут дело не в законе, а в страхе перед неизбежной непопулярностью вследствие принятых против печати мер. Английские газеты совершают ежедневно проступки в области печати как против правительства, так и против отдельных лиц, но на них смотрят сквозь пальцы и ждут, пока представится возможность начать политический процесс. Тогда к стати захватывают и печать»¹.

Имущественные преступления. Стифен определяет имущественные преступления по английскому праву между четырьмя категориями: «воровство» («лярсни»)², подлог, виды обмана и подделки, не подходящие под понятие «воровства» и имущественные повреждения. Центральное место среди этих преступлений занимает «воровство», понятие которого чрезвычайно широко. Мы только на нем здесь и остановимся.

Сводный закон 1916 г. о «лярсни» впервые дал определение этого понятия. Согласно этому определению в понятие «лярсни» входят 4 момента: 1) взятие вещи без согласия собственника; 2) взятие должно сопровождаться уносом, увозом или уводом взятого; 3) со стороны внутренней взятие чужой вещи должно быть недобросовестным (т. е. взявший должен сознавать, что он не имеет права взять чужое имущество); кроме того, взявший должен действовать с намерением лишить навсегда собственника принадлежащего ему имущества; 4) взятый предмет должен быть таким, который может быть похищен.

Как видно из перечисленных признаков, входящих в понятие «лярсни», понятие это представляется очень широким. Оно еще более расширяется оговоркою, которою сопровождается определение его в законе, а именно: лицо может быть виновным в воровстве такого предмета (т. е. предмета, который может быть похищен), несмотря на то, что предмет находился в его законном владении, в том случае, если, владея им по доверенности или в качестве собственника, оно недобросовестно обращает его в свое пользование или в пользование другого лица. Таким образом под понятие воровства подходит не только похищение, но и присвоение и притом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. II, 1929 г., стр. 381.

² Для перевода английского термина «larceny» (лярсни) мы выбрали слово «воровство», которое в русском юридическом языке всегда имело более широкое значение, чем слово кража. См. ст. 581 Уголовного уложения 1903 г., которым этот термин заимствован из указа 1781 г.: «о различных видах воровства и какие за них наказания чинить».

как найденного, так и вверенного. Не всегда, впрочем.

От простого воровства, наказуемого каторгой до 5 лет, закон отличает квалифицированные его виды. Основанием для увеличения наказания за воровство служит предмет похищения или способ совершения его.

Так, по предмету выделяется и облагается наказанием каторгой до 14 лет воровство, на сумму в 10 шиллингов или больше, шерстяной, льняной, пеньковой или хлопчатобумажной пряжи, или предмета, сделанного из шелка, шерсти, льна, хлопчатой бумаги, альпага, если воровство совершено во время производства. Трудно подыскать другой пример уголовного

закона, в котором бы так выразительно сказались и производственные отношения и самый характер производства, долгое время бывшего господствующим в стране.

Наш по необходимости очень краткий очерк английского уголовного права все же достаточен для заключения, что и английским уголовным правом оправдывается взгляд Иеринга на уголовное право, как на материал, из которого познается существующий в данном обществе (следует прибавить: в соответствии с его классовой конституцией) масштаб для измерения ценности социальных благ.

Н. Полянский

В институте уголовной позитики

По криминалистическим журналам

Техника расследования)

1. Следы инструментов

Один из труднейших вопросов криминалистики — обнаружение преступника по следам, оставляемым инструментом, которым он пользовался при совершении преступлений. Это особенно относится к расследованию поджогов, так как здесь на следы инструментов часто не обращают внимания. При изучении следов инструмента необходимо определить по ним длину и толщину инструмента, размер его режущей поверхности и присущей последнему особенности, образовавшихся, быть может, в результате или долгого употребления, или поломки, что создает индивидуальные признаки для данного инструмента. В практике имел место такой случай: сын одного крестьянина, возвращаясь вечером домой, заметил сквозь щели мерцающий в сарае свет. Он знал, что отца нет дома, и решил, что в сарае должна быть мать. Однако, войдя в дом, он увидел мать в комнате. Он рассказал ей о замеченном в сарае свете. Мать вышла и, увидев в сарае свет, подняла тревогу. Когда они вошли в сарай, то там никого не было. Среди сена стояла горевшая свеча. Своим заостренным концом она была вставлена в просверленную щель доски. Около свечи лежала тряпка, пропитанная бензином. Осмотр места происшествия никаких следов для раскрытия преступления не дал. Кусок доски, в котором была свеча, был отослан для экспертизы вместе с буравчиком, который был отобран у хозяина сарая. Лаборатория этот бурав внимательно осмотрела и измерила, были определены его длина, место его наибольшей толщины, состояние его острия и расстояние между ним и наибольшим утолщением. Этим буравчиком сделаны были пробные щели в пластинке, покрытой смесью воска и свинцовыми белилами. Поперечным распилом распилили имеющую щель в доске, присланной на исследование.

Произведя исследование, эксперт установил, что следы буравчика, оставленные в доске, и следы, произведенные в щели для исследования, совпадали. Эти улики и дополнительные собранные по делу доказательства выяснили, что свечу и тряпку с бензином в сарае положил сам хозяин, который имел намерение организовать пожар, чтобы получить страховую премию.

(«Архив фюр криминологи», 1934 г. № 5—6).

2. О рикошетах пуль

Всякий, кому приходилось заниматься исследованием уголовного дела, знает, что отскакивание пули передко играет видную роль при определении выстрела. А между тем, даже среди специалистов недостаточно распространены правильные сведения о рикошетах пули. Встретив препятствие своему движению, пуля отклоняется от первоначального пути. Для тех пуль угол отклонения больше, чем меньше быстрота полета и вес пули. В том случае, когда медленно летящая пуля встречает на пути перпендикулярно стоящую доску, в которую она не может врезаться, она отскакивает в перпендикулярном к стрелявшему направлению. Остроконечные и овальные пули отклоняются скорее чем плоские. Пули отскакивают не только от таких твердых предметов, как камень, доска, дерево, но иногда и от земли, иногда не только от мерзлой, твердой земли, но и от мягкой земли. Отклоняясь, пуля, даже мелкокалиберная, может наносить ранения на значительном расстоянии (до нескольких сот метров). Однако ссылки заповедных на случайный рикошет далеко не всегда бывают верны, и каждый такой случай должен быть внимательно расследован. В качестве примера приводится следующее дело. Охотник, стрелявший на расстоянии 12 метров в дикого козла, скрывшегося в камышах, ранил в руку человека, находившегося по близости. По словам этого охотника, пуля, попав в рог козла, отскочила под углом в 90° и ранила стоявшего человека. Произведенная по

этому поводу экспертиза установила, что рикошет на 90° в данном случае не мог иметь места, какие бы исключительные условия ни допустить. Пуля ранила человека не в результате отклонения пули — выстрел был произведен прямо в него.

(«Криминалистиче Монтсхефте», 1935 г. № 4).

3. О значении инфракрасных лучей для расследования преступлений

Инфракрасные лучи еще не завоевали себе большого внимания в криминалистике, а между тем они могут быть очень полезны при расследовании различных преступлений.

При помощи инфракрасных лучей возможно проявить надпись, сделанную обыкновенным карандашом и затертую впоследствии темносиними чернилами. В журнале «Полис Дженераля» в одном из рисунков дана фотография этого замазанного текста, сфотографированного обыкновенным путем. На снимке надпись прочесть нельзя было. На другом снимке тот же текст дан снятым в инфракрасных лучах. Затертый текст настолько хорошо виден, что его можно прочесть. Во втором приведенном в качестве примера документе были замазаны темносиними чернилами слова «8 октября 1934 г.». Путем фотографирования в инфракрасных лучах зачеркнутые слова выступили с большой отчетливостью.

Инфракрасные лучи очень полезны, при фотографировании в тумане.

(«Полис Дженераля», 1935 г., октябрь—декабрь).

4. Следы

В декабре 1928 г. в штате Вашингтон, в г. Рой было совершено следующее преступление. 12-летняя школьница, возвращаясь из школы домой, была изнасилована неизвестным в роще по пути из школы к дому. После изнасилования преступник быстро скрылся. Через час девочка, избитая и перепуганная, пришла домой и рассказала о всем происшедшем. Это преступление взволновало весь город. Потерпевшая могла лишь сообщить о преступнике немного. Она показала, что он был высокого роста, в темном пальто, в шапке, в брюках, концы которых были засунуты в сапоги. Но такую одежду носили чуть ли не 90% молодых людей города. Она сообщила дальше, что лица его не разглядела, так как он был в белой маске. Место преступления, которое было указано потерпевшей, было внимательно осмотрено, причем невдалеке было найдено нечто вроде засады, устроенной в кустах. На земле были кедровые ветки, срезанные ножом. Отсюда можно было видеть идущих из школ детей, не будучи замеченным ими. Около этого места был найден окурочок папиросы, свернутой вручную из коричневой бумаги. Подозрение пало на некоего клерка, который жил в городской гостинице. При обыске у него в номере нашли две недавно срезанные кедровые ветки. Обыск в вещах обнаружил у него карманный нож. Ветки дерева и нож, найденный при обыске, и ветки дерева, обнаруженные около места совершения

преступления, были посланы на исследование в Вашингтонский институт судебной экспертизы. Эксперт дал заключение, что на лезвии ножа обнаружены следы смолы кедрового дерева и что микроскопическое исследование лезвия показало, что оно часто оттачивалось и его острие режет неправильно. Эксперт изготовил следы этого лезвия и установил, что срезы веток, найденных на месте преступления и найденных в комнате у клерка, сделаны одним ножом, отобранным у него при обыске. Все эти данные в результате разоблачили клерка как совершившего вышеописанное преступление.

Кровяные пятна

В отношении кровяных пятен, с точки зрения криминалистики, возникают две задачи. Прежде всего нужно выяснить, человеческая ли это кровь или кровь какого-нибудь животного. Заподозренные, на одежде которых найдены пятна крови, часто утверждают, что это кровь животного или птицы. Вторая задача сводится к определению, если это кровь человеческая, то к какой группе она принадлежит.

Кровяные следы — очень важное доказательство. Если работник расследования не нашел их, он не должен считать, что их нет, так как они, будучи не заметны невооруженному глазу, могут быть обнаружены специальной экспертизой. Особенно часто кровяные пятна в случаях насильственных преступлений бывают на одежде. Места, на которых найдены пятна, должны быть обведены мелом. Если пятно на дереве или камне, которых нельзя взять, то делается осторожный срез пятна со слоем дерева или пятно осторожно соскабливается. В тех местах одежды, на которых обнаружены пятна, с противоположной стороны полезно подшить несколько большего размера, чем пятно, кусок картона. При отвозе или отсылке пятна на экспертизу следует особенно позаботиться о такой упаковке одежды, чтобы пятна ни обо что не терлись. Башмаки или сапоги должны быть упакованы каждый в отдельности. При осмотрах надо отмечать и собирать не только несомненные кровяные пятна, но и пятна подозрительные, на которых специальная экспертиза может обнаружить кровь. Нужно иметь в виду, что если у преступника было время и он достаточно предусмотрителен, то он может замазать пятна крови со своей одежды или уничтожить их на обуви. Но экспертиза иногда и после замывки пятен или иных способов их уничтожения может обнаружить следы крови.

Выяснив, что данное пятно заключает в себе человеческую кровь, экспертиза должна пойти далее и установить, к какому типу принадлежит эта кровь. Если подозреваемый говорит, что кровь на его одежде или обуви принадлежит ему самому и вытекла из носа и т. п., необходимо проверить это показание посредством исследования группы крови. Случайно, конечно, может быть, что кровь убитого и убийцы принадлежит к одной группе и тогда этот метод ничего не даст. Но чаще всего этот метод помогает раскрыть дело.

(«Полис Дженераля», 1935 г., октябрь—декабрь).

План работы Института уголовной политики на 1936 г.

(Утвержден на заседании Совета ин-та 4/1 1936 г.)

Научно-исследовательская работа Института уголовной политики в 1936 г. должна быть развернута на основе изучения следующих основных вопросов:

1. Методы изучения преступности и ее причин в переходный период, в частности, методы изучения личности преступника.

2. Изучение движения преступности, ее форм и мер наказания за 1935 г. и I половину 1936 г.

При изучении движения преступности и ее форм поставить в качестве важнейших вопросов: 1) новые формы контрреволюционных преступлений, 2) изучение форм сопротивления стахановскому движению, 3) хищений общественной (социалистической) собственности, 4) преступлений против личности и имущественных прав граждан, 5) должностных преступлений. Изучение этих вопросов должно выйти за рамки конъюнктурных разработок и представлять собой научно-исследовательские работы, характеризующие наиболее серьезные категории этих преступлений.

3. Изучение преступности несовершеннолетних, применяемых мер наказания, принципов организации расследования, процесса, исполнения приговоров по делам о несовершеннолетних.

4. Подведение итогов реформы уголовной статистики с проведением специального всесоюзного совещания по уголовной статистике.

5. Проработка принципиальных вопросов, вызываемых новыми уголовным и уголовно-процессуальным кодексами Союза ССР.

6. Теоретическая разработка основ советского уголовного процесса, в связи с реформой УПК, в частности проблемы — «Принципы состязательности в советском уголовном процессе».

7. Подготовка материалов, в связи с 20-летием Октябрьской революции, к изданию трехтомника по истории советской уголовной политики за 20 лет с организацией специального кабинета при Институте по истории советской уголовной политики.

8. Изучение уголовной политики права в капиталистических государствах с подготовкой: 1) серии очерков уголовной политики капиталистических стран, 2) сборника исключительного законодательства, 3) сборника документов по истории уголовного права и процесса, придав ему характер исторической хрестоматии с соответствующим освещением и комментариями.

9. Изучение научных методов расследования преступлений.

ОБЩЕИНСТИТУТСКИЕ РАБОТЫ

1. Составление конъюнктурных обзоров о движении преступности в СССР за 1935 г. и за I половину 1936 г. (с выпуском сборника по статистике преступности в СССР).

2. Проработка принципиальных вопросов, вызываемых новыми уголовным и уголовно-процессуальным кодексами Союза ССР.

3. Подготовка сборника к 20-летию Октябрьской революции на тему: «История советской уголовной политики» (трехтомник).

4. Четыре сборника «Проблем уголовной политики».

5. Подготовка сборника об исключительном законодательстве в послевоенный период в капиталистических странах.

6. Выпуск статистического сборника, освещающего движение преступности в капиталистических странах и дореволюционной России.

7. Выпуск сборника по криминалистике (аннотации).

8. Выпуск библиографического указателя по криминалистике (русского и иностранного).

9. Подготовка сборника документов по истории уголовного права и процесса, с приданием ему характера исторической хрестоматии с соответствующим освещением и комментариями.

10. Проведение одной научной сессии института.

11. Созыв оперативного совещания по уголовной статистике.

12. Выезды на места с докладами.

СУДЕБНАЯ СЕКЦИЯ

1. Преступность и репрессия в СССР за II половину 1935 г. (обзор).

2. Преступность и репрессия в СССР за I половину 1936 г. (обзор).

3. Преступность и борьба с ней в СССР во 2 пятилетке (т.т. Шляпочников и Герцензон). Брошюра.

4. Судебная политика и практика в борьбе с сопротивлением стахановскому движению. (Вышинский).

5. Судебная практика по борьбе с хулиганством (популярная брошюра).

6. Судебная борьба с преступлениями, направленными против раскрепощения женщин.

7. Преступления, связанные с извращением устава сельхозартели.

8. Бандитизм (Антонов-Саратовский).

9. Судебная практика по делам об убийствах. Монография (Герцензон, Вышинская).

10. Детоубийство (Авдесва).

11. Посягательство на имущество частных лиц (Дурманов).

12. Судебная практика по ст. 109. Злоупотребление властью (Трайнин).

13. Борьба с националистическим уклоном в уголовном праве. Доклад (Бенедиктов).

14. Методология изучения личности преступника. (Шляпочников).

15. История революционных трибуналов в РСФСР. Монография (Ошерович).

16. Учебник уголовного права (Ошерович).

17. Проблема ответственности в буржуазном и советском уголовном праве. Монография (Маньковский).

18. Уголовный закон в защиту мира (Трайнин).

19. Уголовно-правовая теория Гегеля. Монография (Пионтковский).

20. История римского уголовного права (Зимелева).

21. Новейшие буржуазные уголовные кодексы. (Издание текстов как пособий для научных работ).

СЕКЦИЯ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ

1. Организационно-методическая работа по единому учету (Герцензон).

2. Подготовка ко 2 Всесоюзному совещанию по уголовной статистике.

3. Составление методических писем по судебной статистике (Герцензон, Хлебников).

4. Обсуждение II издания Курса уголовной статистики. (Герцензон).

5. Выборочный метод в уголовной статистике (Хлебников).

6. Статборщик о движении преступности в капиталистических странах.

Факультативно

7. Подготовка сборника по уголовной статистике несовершеннолетних правонарушителей капиталистических стран (Гернет, Авдеева).

СЕКЦИЯ ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

1. Методическое письмо о порядке расследования и проведения судебного процесса по делам о несовершеннолетних преступниках.

2. Имущественные преступления несовершеннолетних (Дурманов).

3. Хулиганство несовершеннолетних (Ботвинник).

4. Преступления несовершеннолетних против личности и судебная практика по борьбе с этими преступлениями (Безрукова).

5. Участие несовершеннолетних в государственных преступлениях и бандитизме. (Богуславская).

6. Конъюнктурные обзоры о состоянии детской преступности (за 2 половину 1935 г. и 1 полугодие 1936 г. (Тадевосян, Безрукова).

7. Детствующие учреждения для несовершеннолетних (Куфаев).

8. Методы работы с уголовно-осужденными несовершеннолетними правонарушителями (Утецкий).

9. Игры применения постановлений ЦК ВПЦБ и Совнаркома Союза о ликвидации детской беспризорности, безнадзорности и преступности (Нахимсон).

10. Вопросы процесса по делам несовершеннолетних (Тадевосян).

11. Свидетельские показания несовершеннолетних в стадии предварительного и судебного следствия.

12. Защита несовершеннолетних на суде (Ингель).

13. Преступления детей и молодежи в капиталистических странах (Утецкий).

14. Буржуазный детский суд.

15. Трудовое устройство несовершеннолетних (Воловников).

16. Организация выездов на места с докладами о состоянии борьбы с детской преступностью.

1. Состязательность в советском уголовном процессе (Вышинский).

2. Доказательства в уголовном процессе (Гродзинский).

3. Кассационное производство (Тагер).

4. Следственные упражнения (2 брошюры) Долицкий.

5. Участие прокурора в судебном заседании (методическое пособие).

6. Предание суду (теоретическая и практическая постановка проблемы) Голунский, Львов.

7. Методика кассационно-надзорного производства.

8. История советской кассации (Жрыленко).

9. Исключительное законодательство (сборник).

10. Суд присяжных. Монография (Люблинский).

11. Судостроительство и процесс во Франции.

12. Судостроительство и процесс в Швейцарии (Исаев).

13. Судостроительство и процесс в Чехословакии (Сапфир).

14. Судостроительство и процесс в Америке (Люблинский).

15. Судостроительство и процесс в Польше (Гродзинский).

16. Судостроительство и процесс в Германии.

17. Защита в советском суде. Монография (Вышинский).

Факультативно

18. Судебное следствие как одна из важнейших стадий уголовного процесса (Лаговьер).

19. Роль, значение и практика работы судебных подготовительных заседаний (Лаговьер).

20. Процессуальные гарантии в стадии предварительного расследования преступлений (Громов).

ПО ТЕХНИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

21. Уголовная техника в работе следователя (лаборатория).

22. Использование невидимых лучей в качестве метода исследования судебных доказательств (лаборатория).

23. Техника исследования подложных документов.

Секции хоз. и гражданского права и процесса на 1935 г.¹

А. ГРУППА ТРАНСПОРТНОГО ПРАВА

1. По железнодорожному и автомобильному праву

1. Вопросы недостачи и утраты грузов при жел.-дор. перевозках в практике применения устава жел.-дор. 1935 г. Тов. Балакова.

2. Арендное отношение по подвижному составу на жел.-дор. транспорте. Тов. Буйницкий

3. Документация жел.-дор. перевозки. Тов. Изволенский.

4. Основные вопросы выполнения ответственного плана перевозок по уставу жел.-дор. 1935 г. Тов. Шухер.

5. Взаимоотношения жел.-дор. и автотранс-

¹ Этот план не утвержден еще Советом.

порта на прямой смешанной перевозке грузов. Тов. Долматовский.

6. Отношения между жел.-дор. транспортом и промышленными предприятиями по подъездным путям. Тов. Изволенский.

7. Правовые вопросы закрепления, отчуждения и использования земель, находящихся в ведении транспорта. Тов. Рожковский.

8. Правовая система международных жел.-дор. перевозок (только в отношении СССР) Тов. Козловский.

По издательской линии

1. Учебник жел.-дор. права. Весь 1936 г. — 15—18 печатн. листов. Тт. Костельцев, Шухер.

2. Популярные брошюры.

а) оформление договора жел.-дор. перевозки — 2 печатн. листа. Тов. Изволенский.

б) Борьба с недостатками грузов по жел.-дор. перевозкам — 2 печатн. листа. Тов. Самбур и т. Балакова.

3. Учебник автомобильного транспортного права — 8—10 печатн. листов. Тов. Израэлит.

4. Монография — «Правовая организация складского хозяйства и поклажи в СССР». 12—15 печатн. листов. Тов. Долматовский.

Представление рукописи в сентябре, сдача в печать в октябре—ноябре 1936 г.

II. По морскому праву

Издание книги «Морское право СССР и капиталистических стран».

Б. ГРУППА ЖИЛИЩНОГО ПРАВА

Доклады и сообщения

1. ВЖСКТ (в связи с проектом нового устава) — т. Гинсбург.

2. Надстройки — т. Гуревич.

3. Застройки.

4. Право на площадь (его возникновение, нормы площади, утраты и право на площадь, изъятие излишков) — т. Гинсбург.

5. Самоуплотнение, принудительное уплотнение и переселение.

6. Обмен жилплощади. Доклад — т. Бронштейна.

7. Выселение (административное, судебное) доклад — т. Лабанова.

8. Жилищные льготы (научные работники и к ним приравненные, военнослужащие, ИТР и др.)

9. Жилищные дела в суде — т. Самбур.

10. Нежилое помещение.

В. ГРУППА БАНКОВСКОГО ПРАВА

1. Ответственность банка за нарушения в кредитно-расчетном обслуживании — т. Шварцман.

Содоклад о спец. банках — т. Ахманов.

2. Обзор судебной практики по банковским делам — т. Каменский.

3. Давность в банковских операциях — т. Алексеевский, т. Альтшулер.

4. Правовой режим советских облигационных займов за границей — т. Лунц.

5. Защита советских интересов в кредито-

ва импорта и экспорта (совместно с иностранной подсекцией) — т. Вольф.

6. Функции, применяемые банком к клиентуре обобщественного сексхозяйства — т. Лавров.

7. Функции, применяемые банками долгосрочных вложений к хозорганам и ответственность по договорным обязательствам — т. Ахманов.

8. Юридическая природа долгосрочного кредита — т. Альтшулер.

9. Процессуальная работа банка — т. Каменский, т. Ахманов.

10. Имущество национализированных банков за границей (совместно с подсекцией иностранной группы права) — т. Лунц.

11. Национализация банков — т. Атлас.

12. Положение о векселях в связи с новым порядком с подсекцией иностранного гражданского права — т. Вольф.

13. Исполнение обязательств по договорам в условиях кредитной реформы — т. Шварцман.

Г. ГРУППА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

1. Права научного сотрудника исследовательского института на написанное им произведение — т. Винавер.

2. Договор библиографического отзыва — т. Пертцик.

3. Судебная практика по авторским делам. Бригада: т. Винавер, т. Пертцик, т. Танин, т. Шафров.

4. Авторское право и радио — т. Лури.

5. Судебная практика по изобретательским делам. Бригада: т. Иогихес, т. Тейлицкий, т. Гиленсон, т. Завитаев.

6. Типовой издательский договор — т. Крутиков.

7. Защита прав на советские изобретения за границей — т. Шретер.

8. Практика конфликтных комиссий — т. Аранович.

9. Авторское право архитектора — т. Пертцик, т. Райгородский.

II. Научно-литературные работы

1. Очерки изобретательского права (около 10 печатн. листов) — т. Раевич.

2. Комментарий к основному закону об изобретениях (работа вчерне готова; около 10 печатн. листов) бригада: тт. Раевич, Иогихес, Аронович, Штрейтер, Вдовченко, Эленбогс, Райгородский.

3. Авторское право союзных республик. Сборник законов (3 печатн. листа) — т. Крутиков.

4. Право рабочего изобретения на вознаграждение (популярная брошюра — 2 печатн. листа) — т. Райгородский.

5. Издательский договор (брошюра — 2 печатн. листа) — т. Пертцик.

6. Статьи

а) по иностранному изобретательскому праву для сборника «Очерки иностранного права». (В зависимости от срока подготовки сборника) — т. Раевич.

б) о судебной практике по авторским делам, о судебной практике по изобретательским делам: т. Винавер, т. Иогихес, т. Гиленсон.

Д. ПОДСЕКЦИЯ АГРАРНОГО ПРАВА

1. О порядке перевода имущества при переходе колхозников из колхоза в колхоз — т. Павлов.
2. Об участии колхозов в строительстве — т. Павлов.
3. О порядке лишения права на колхозные доходы и расчеты с исключениями на основании закона 17/Ш 1933 г. «Об отходничестве» — т. Павлов.
4. О порядке перехода с.-х. коммун на устав сельхозартели и передачи части ранее общественного имущества колхозникам — т. Турубинер.
5. О порядке начисления трудодней вновь вступающим в колхозы женщинам за время уставного отпуска по родам и праве их на самый отпуск, а также порядке предоставления отпуска — т. Кравченко.
6. О порядке использования неделимых фондов при разукрупнении колхоза и изъятии у них земель для государственных и общественных надобностей — т. Павлов.
7. О порядке обращения взысканий на имущество (и доходы на трудодни) колхозников — т. Комаров.
8. Об условиях передачи земель госзапаса (фонда) в пользование (временное и постоянное) различными землепользователями — т. Турубинер.
9. О размерах усадеб единоличных крестьянских хозяйств — т. Павлов.
10. О порядке обмена усадебными и построенными участками в сельских местностях — г. Турубинер.
11. О соотношении прав на управление сельской площадью в деревне и заведывание усадебными участками сельсоветов и колхозов — т. Павлов.
12. Основные положения типового устава МТС и МТМ, неподчиненной МТС — т. Павлов.
13. Некоторые важнейшие итоги регистрации уставов колхозов Московской обл. — т. Черноусов.

Е. ПОДСЕКЦИЯ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Доклады и сообщения

1. Установление отцовства по действующему законодательству и судебной практике — т. Копелянская.
2. Законодательство и судебная практика по алиментным делам. (В плане обобщения суд. практики верхов судов СССР и союзных республик, г. Москвы, областных и городских судов). Бригада под рук. т. Рейхеля — тт. Гинзбург, Клячко, Капелянская, Тадевосян и председат. Моск. гор. или обл. суда.
3. Опекa над малолетними детьми и ее новые задачи — т. Файшишевская.
4. Споры о детях — т. Копелянская.
5. Правовые последствия фактического брака — т. Клячко.
6. Обеспечение интересов детей при разводе родителей — т. Шнейдер.
7. Урегулирование имущественных отношений супругов при разводе — т. Овсянников.
8. Новейшее законодательство и судебная практика по вопросам семейного права в стра-

нах фашизма — т. Вольфсон, т. Люблинский.

9. Обзор советской и иностранной литературы по семейно-брачному праву.

10. Доклад верхов судов Белоруссии или Азербайджана об итогах судебной практики 1935 г. по основным вопросам семейно-брачного права.

Докладчики и сроки докладов согласовываются т. Рейхелем с председателями указанных верхов судов.

Признать необходимым ряд докладов (пп. 1, 2, 5, 7, 8, 10 плана) — провести в широкой аудитории судебно-прокурорских и правовых работников, в частности в клубе работников НКВД, в Московском правовом институте и Всесоюзной правовой академии.

Разработка всех докладов должна вестись под углом зрения критики и необходимых изменений действующего семейного кодекса.

Издание сборников и монографий

1. Учебник советского семейно-брачного права. — Авторский коллектив под руководством т. Бранденбургского в составе тт. Рейхеля, Вольфсона, Клячко, Капелянской, Тадевосяна.

2. Сборник действующего законодательства по семейному праву союзных республик (кодексы о браке, семье, опеке, разъяснения верхов судов и т. д.). — Коллектив под руководством т. Рейхеля в составе тт. Тадевосяна и др.

3. Итоги судебной практики по вопросам семейно-брачного права (объем 2—3 печатн. листа). — Издание доклада т. Рейхеля в сборнике «Проблемы хоз. гр. права и процесса».

4. Очерки сравнительного семейного права союзных республик. — Авт. коллектив под руководством т. Тадевосяна в составе тт. Рейхеля, Ростовского, Солодилова, Копелянской и др.

Ж. ПОДСЕКЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

1. Роль прокурора в гражданском процессе — Лаговнер.

2. Судебный гражданский и арбитражный процесс — Клейнман.

3. Проблема обжалования в гражданском процессе — т. Домбровский.

4. О порядке надзора по гражданским делам — т. Овсянников.

5. Об исполнительных надясах и о судебных приказах — т. Бельдюгин.

6. О доказательствах в гражданском процессе — т. Ильинский.

7. Вопросы гражданского процесса в судебной практике по некоторым категориям дел (жилищные, транспортные, авторские, банковские и др.) — т. Самбур.

8. Давность и процессуальные сроки — т. Долматовский.

9. Исполнение судебных решений — т. Чапурский.

10. О решении по гражданским делам (включая подготовку для печати методического письма) — т. Вольфсон.

11. О недостатках и необходимых изменениях Гражданского процессуального кодекса — т. Борисов.

12. Процессуальные вопросы, связанные с ликвидацией предприятий общественного сектора — т. Долматовский.

13. Об иностранном процессуальном праве — т. Перетерский.

План издательской работы подсекции

1. Издание сравнительного официального текста гражданских процессуальных кодексов союзных республик. — Бригада: тт. Борисов, Домровский, Бельдигин, Рейхель, Дадьянц.

2. Издание официального комментария к ГПК РСФСР — тт. Борисов, Чайурский, Самбур, Лаговиер, Клейнман.

3. Издание учебника гражданского процесса.

4. Издание важнейших докладов (в виде монографических работ по процессуальному праву).

3. Подсекция иностранного гражданского и международного частного права

1. Проект единообразного закона о продаже Римского института Лиги наций — т. Агарков.

2. Общие условия поставок торгпредства СССР в Германии от 20/III 1935 г. — т. Вольфсон.

3. Судебная иностранная практика по советским делам — т. Членов.

4. Современное польское гражданское материальное и процессуальное право — т. Домбровский.

5. Защита советских интересов кредитования импорта и экспорта. (Совместно с банковской группой) — т. Вольф.

6. Договорные обязательства в коллизионном праве — т. Агарков.

7. Имущество национализированных банков за границей. (Совместно с банковской группой) — т. Лунц.

8. Положение о векселях 1922 г. в связи с новым порядком кредитования внешней торговли. (Совместно с банковской группой) — т. Вольф.

9. Международный чекový устав. (Совместно с банковской группой) — т. Вольфсон.

10. Международный вексельный устав. (Совместно с банковской группой) — т. Агарков.

II. ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ

а) Сборник «Источники иностранного гражданского и торгового права» (Международный вексельный устав — английский вексельный устав — т. Агарков; международный чекový устав — т. Вольфсон; польский обязательственный закон — т. Амфитеатров; английский закон о торговом представительстве и посредничестве — т. Вольф). (Объем 10—12 печатн. листов).

б) Очерки современного капиталистического гражданского и торгового права и процесса. (Объем 8—10 печатн. листов).

в) Информация о текущем буржуазном гражданском и торговом законодательстве и судебной практике (ежемесячно).

План работ подсекции трудового права на 1936 г.

1. Основные вопросы трудового права в свете стахановского движения — т. Войтинский и т. Гришин.

2. Итоги судебной практики по трудовым делам — т. Троицкий.

3. Колдоговор на данном этапе.

4. Правовые вопросы организации и работы инспекций труда в связи со стахановским движением.

5. Основные принципы организации соцстраха в условиях 2 пятилетки.

6. Сталин и вопросы трудового права.

7. Советский трудовой договор.

8. Вопросы увольнения работника.

9. Правовое положение профсоюзов в важнейших странах капитализма.

10. Фашизм и трудовое право Германии — т. Войтинский.

Библиография

Кимрская районная прокуратура Калининской обл., установив связь с местной газетой «Коллективная жизнь», добилась помощи ее по развороту и популяризации конкурса-смотря на лучшую группу содействия, на лучшего активиста.

Газета «Коллективная жизнь» в течение всего хода конкурса на своих страницах помещала и освещала работу актива прокуратуры. Кроме того с помощью районной газеты кимрская райпрокуратура выпускала однодневную газету «На страже революционной законности», в которой широко освещала свою работу с активом, помещала заметки руководителей групп содействия прокуратуре, соцсовместителей и членов ГСП.

Перед нами номера газет «На страже революционной законности» от 22/X и 27/XI 1935 г. и от 25/I 1936 г.

Актив прокуратуры и сама кимрская райпрокуратура задачи, поставленные конкурсом, разрешили хорошо. В конкурсе удалось включить все 44 группы и охватить около 250 членов. Эти 250 лучших грамотных людей колхозов и фабрик смогли на общих собраниях проработать ряд законов. Так, например, закон об обязательных поставках зерна, льноволокна был проработан в 135 колхозах.

Огромнейшая помощь была оказана кимрской райпрокуратуре райкомом ВКП(б) и райком. На страницах «Коллективной жизни» 24/X 1935 г. секретарь кимрского райкома ВКП(б) вызвал через бюллетень областной прокуратуры всех секретарей райкомов партии Калининской обл. на соцсоревнование по оказанию практической помощи в деле проведения конкурса и выполнения задач, поставленных перед ним. В этой же статье секре-

тарь кимрского райкома партии указал, что он знает актив прокуратуры района как «неплохо работающий, помогающий району в работе».

В газете «На страже революционной законности» 22/X 1935 г. помещено большое постановление кимрского районного исполнительного комитета от 4/X 1935 г., вынесенное на основе заслушанных докладов ряда групп содействия прокуратуре. В постановлении отмечено, что за время конкурса активом прокуратуры оказана серьезная помощь организациям в борьбе за успешное выполнение хозяйственно-политических кампаний в районе.

Ряд сельсоветов слушали отчеты актива прокуратуры и работу признали удовлетворительной. Во время конкурса 3 группы отчитывались в рике, 8 — на сельсоветах, 6 — на фабзавкомах, 2 — в райпрофсовете, 8 — на общих собраниях рабочих и 4 — на собраниях колхозников. И когда 25/XII президиум Калининского облисполкома обсуждал вопрос о ра-

боте групп содействия прокуратуре, в числе руководителей ГСП других районов отчитывался руководитель ГСП Кимрской райпрокуратуры, в отношении которого, как лучшего, был поставлен вопрос о посылке его на учебу в областную правовую школу.

Следует указать, что за время конкурса кимрской райпрокуратурой выдвинуто на работу в органы юстиции 5 человек и в советские органы — 4 человека. Руководители и члены ГСП в многочисленных своих заметках отмечают, что работают на этом участке с интересом, знают свои задачи, на работе растут и хотят учиться дальше.

Работа кимрской прокуратуры по конкурсу, ее связь и использование районной печати, повседневный деловой контакт с местными организациями заслуживают не только внимания, но и того, чтобы многим быть поставленными в пример.

Л.

Приветствия, поступившие на имя прокурора Союзов. А. Я. Вышинского

ДНЕПРОПЕТРОВСК.

Слет активистов советской юстиции Красногвардейского района г. Днепропетровска шлет тебе, дорогой Андрей Януарьевич, горячий привет.

Мы, слет активистов, членов групп содействия прокуратуры, шефских бригад и соц. совместителей, многие из которых лучшие стахановцы производства, заверяем, что, повышая свою революционную бдительность, мы приложим все силы на выполнение директив партии о соц. законности, на охрану священной и неприкосновенной общественной собственности.

Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует великий вождь и любимый учитель товарищ Сталин!

Президиум слета

ЭЛИСТА

Первое республиканское совещание работников юстиции Калмыкии горячо приветствует Союзную прокуратуру.

Калмыкия, благодаря правильному проведению ленинско-сталинской национальной политики, достигла крупнейших успехов в области хозяйственно-культурного строительства. В этих успехах не малую роль сыграли работники юстиции. В 1935 г. по инициативе великого вождя товарища Сталина наша область в день пятнадцатилетия преобразована в Калмыцкую автономную советскую социалистическую республику. На нашем совещании стоят вопросы о борьбе с хищениями и растратами, стахановском движении и задачах юстиции.

Под огнем жесточайшей самокритики и критики, мы вскрыем все свои недочеты и наметим новые пути дальнейшей работы.

Под руководством партии и правительства мы будем драться за устранение всех недочетов, за высокое качество судебно-следственной работы, кладя в основу своей работы намеченную вами на первом всесоюзном совещании работников юстиции программу.

Даем вам обещание еще крепче стоять на страже по охране соц. собственности и взять под свою бдительную охрану славную жизнь лучших из лучших людей нашей эпохи — стахановцев.

Да здравствует великий вождь нашей партии товарищ Сталин! Да здравствует торжество ленинско-сталинской национальной политики!

Президиум совещания

КАЛЯЗИН

Актив прокуратуры Калязинского района, собравшийся для подведения итогов конкурса шлет тебе пламенный привет.

Обещаем быть в передовых рядах борцов социалистического строительства, еще больше усилить борьбу с происками классового врага, саботажниками стахановского движения, зорче охранять общественную собственность.

Да здравствует любимый вождь народа товарищ Сталин!

Президиум конференции

ЛЕНИНГРАД

Итоговая конференция по конкурсу общественного актива прокуратуры Октябрьского района г. Ленинграда шлет вам, руководителю советской прокуратуры, большевистский пламенный привет.

Мы твердо помним указания вождя нашей партии товарища Сталина об укреплении органов пролетарской диктатуры, об охране обще-

ственной социалистической собственности — устоев советского строя, о внимательном и чутком отношении к живому человеку и необходимости вести решительную борьбу с теми, кто мешает росту и развитию стахановского движения, — и осуществляем эти указания в своей работе.

Подводя итоги своей работе по борьбе за ревзаконность за время республиканского конкурса, мы заверяем вас в том, что, закрепив наши достижения, мы под вашим руководством будем еще крепче вести борьбу с происками классового врага и его агентурой; еще настойчивей будем охранять революционную законность и лучших людей нашей страны — стахановцев, создавая им условия для

достижения невиданных показателей производительности труда.

Президиум конференции

НОВАЯ ЧАРДЖУЯ

Работники прокуратуры и суда с активом, собравшиеся на слет, обещают по-большевистски участвовать в посевной кампании и работать по-стахановски, усилить бдительность против классового врага, саботажников, и правильно осуществлять ревзаконность. Обещаем досрочно выполнить посевной план района в 1936 г.

Да здравствует наш великий вождь товарищ Сталин!

Президиум слета

Официальный отдел

Центральным исполнительным комитетам союзных республик

О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УЛУЧШЕНИЮ РАБОТЫ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СУДОВ

Действующим законодательством на местных исполкомы, сельсоветы и народные суды возложен ряд обязанностей по отношению к сельским общественным судам, как-то: на райисполкомы и сельсоветы возложена обязанность по организации сельсудов, подбору кадров и обслуживанию сельсудов; на народные суды — руководство работой сельсудов (обследования и инструктаж).

Представленные Президиуму ЦИК Союза ССР материалы о состоянии и работе сельских общественных судов показывают, что вследствие крайне неудовлетворительного, а во многих случаях и полного невыполнения исполкомами, сельсоветами и народными судами указанных обязанностей, в работе сельских общественных судов имеют место следующие существенные недостатки:

- а) рассмотрение неподсудных дел;
- б) превышение прав при определении меры взыскания;
- в) волокита в рассмотрении дел;
- г) увелечение такими мерами взыскания, как штраф и принудительные работы, в ущерб основному мерам общественно-предупредительного характера (общественное порицание, предупреждение и т. п.);
- д) крайне незначительная нагрузка сельских общественных судов (в среднем за год сельсуд разрешает 10 дел, а в ряде мест сельсуды совершенно бездействуют или рассматривают одно-два дела в течение года).

Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР в целях изжития отмеченных недостатков в работе сельских общественных судов и укрепления последних как органов борьбы за повышение социалистической дисциплины, за ликвидацию пережитков капитализма и за новый культурный быт колхозного села предлагает центральным исполнительным комитетам союзных республик:

А. Обязать районные исполнительные комитеты и сельские советы.

1. Обеспечить своевременное приведение в исполнение постановлений сельских общественных судов.

2. Периодически и не реже одного раза в квартал заслушивать отчетные доклады о работе сельских общественных судов.

3. Обеспечить улучшение положения кадров сельских общественных судов, их техническое обслуживание помещениями, бумагой, литературой и т. п.

4. При производимых райисполкомами обследованиях работы сельсоветов проверять фактическое исполнение последними своих обязанностей в отношении сельских общественных судов.

5. Включить в сметы необходимые средства для обслуживания сельских общественных судов.

6. Ассигновать в 1936 г. из бюджетов союзных республик по смете верховных судов союзных республик средства, необходимые на содержание курсов для председателей сельских общественных судов и на издание соответствующей литературы, в частности, пособий и справочников для сельских общественных судов.

Б. Предложить верховным судам принять меры к осуществлению со стороны судебной системы конкретного и оперативного руководства сельскими общественными судами и, в частности, обеспечить:

1. Производство систематического, не реже одного раза в полугодие, инструктирования председателей сельских общественных судов с предварительным обследованием работы отдельных сельсудов.

2. Выделение в главных, краевых, областных и окружных судах специальных работников по руководству сельскими общественными судами.

3. Систематическое заслушивание докладов председателей отдельных сельских общественных судов на заседаниях главных, краевых, областных и окружных судов, а также президиумов верховных судов союзных республик с поста-

новкой содокладов соответствующих народных судей.

4. Освещение работы сельских общественных судов в издаваемых судебных бюллетенях, а также и в местной печати.

5. Расширение применения сельскими общественными судами мер взыскания общественно-предупредительного характера (общественное порицание, предупреждение, выговор и т. п.).

6. Поощрение и награждение отдельных работников сельских общественных судов.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР **М. Калинин.**

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР **И. Акулов.**

Москва, Кремль,
10 февраля 1936 г.

ПРИКАЗ № 58

ПО ПРОКУРАТУРЕ СОЮЗА ССР

5 февраля 1936 г. Москва.

В декабре 1935 г. Прокуратурой Союза ССР была организована помощь прокурорам Азербайджана и Армении в деле правильной постановки делопроизводства и учета жалоб.

Технические работники указанных прокуратур, проработав новую систему, заключили между собой договор социалистического соревнования сроком до 1 июля 1936 г. на образцовую канцелярию и лучшее обслуживание обращающихся в прокуратуру с жалобами на нарушения революционной законности граждан.

С просьбой быть арбитром в деле определения результатов социалистического соревнования товарищи обратились в Прокуратуру Союза ССР.

Принимая просьбу технических работников аппарата прокуратур Азербайджана и Армении, возлагаю обязанности арбитра на начальника управления делами т. Бесякова и зав. Общим отделом т. Гуревич и предлагаю им не реже одного раза в месяц сообщать непосредственно мне о ходе социалистического соревнования между указанными прокуратурами.

Начальнику Управления делами т. Бесякову выделить для премирования канцелярии лучшей прокуратуры пишущую машинку и две денежные премии по триста рублей для премирования лучшего секретаря каждой прокуратуры.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский.**

ОБ УЧЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Несмотря на постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 27/XI 1933 г. об уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении учетно-статистической дисциплины, и ряд директив Прокуратуры Союза о борьбе с этого рода преступлениями, в ряде местных органов прокуратуры наблюдается совершенно неудовлетворительная постановка прокурорского надзора по указанным делам, например, в Прокуратуре БССР, Туркменской ССР, в Свердловской облпрокуратуре и др.

Нарушение форм отчетности и сроков ее представления особенно наблюдается со сто-

роны низовых земельных органов (райзо Араван-Буриного р-на Кыргызской АССР, райк Голышановского р-на Омской области, райзо Ирбитского р-на Свердловской области и др.).

С другой стороны обнаружены случаи очковитирательства и обмана вышестоящих организаций (сообщение преувеличенных сведений о выполнении сельскохозяйственных работ и т. п.) со стороны райзо, МТС, сельсоветов и колхозов, чем были дезориентированы областные и центральные организации. Органы прокуратуры и суда подходят к такого рода делам формально, считая их мелкими, передают их на расследование в милицию и допускают исключительную волокиту.

Для устранения указанных дефектов предлагаю усилить борьбу с незаконной отчетностью, точно выполняя решение правительства о привлечении к уголовной ответственности всех, кто нарушает отчетную дисциплину, для чего:

1. Установить постоянную связь с органами народнохозяйственного учета для получения всех сведений о нарушении отчетной дисциплины.

2. Расследование этих дел, как правило, проводить в декадный срок, привлекая к нему членов групп содействия прокуратуре и секций революционной законности, а в качестве экспертов — работников органов УНХУ.

3. Дела этой категории не передавать для расследования в органы РК милиции, а проводить следствие своим аппаратом, поручая расследование опытным следователям, знакомым с постановкой учетно-статистической работы.

4. Следить за скорейшим рассмотрением дел в судах, добиваясь привлечения к уголовной ответственности виновных в ведении незаконной отчетности или представлении неправильных сведений, сообщая о каждом случае отказа в рассмотрении дела в Прокуратуру Союза ССР.

5. Группе учета и информации Прокуратуры Союза разработать совместно с Институтом уголовной политики и ЦУНХУ методическое письмо о расследовании дел указанной категории.

6. Представить мне в декадный срок примерный перечень дел указанной категории, не оконченных органами прокуратуры и суда.

Прокурор Союза ССР **А. Вышинский**
20 февраля 1936 г.

№ 10/20.

О ЧИСЛЕ И НАПРАВЛЕНИИ КОПИЙ ПРОТЕСТОВ

В отмену и замену всех изданных ранее по линии прокуратуры приказов и распоряжений по вопросу о числе и назначении копий протестов, изготовляемых прокуратурой в случаях опротестования приговоров, решений и определений судов, независимо от того, кем были изданы эти приказы и распоряжения, Приказываю:

1. Во всех случаях опротестования прокуратурой приговоров, решений и определений судов протесты изготовляются только в двух экземплярах — подлинник и копия, из которых подлинник приобщается к делу и направляет-

ся с делом, а копия оставляется в наблюдательном производстве соответствующего прокурора.

2. Прокурорам союзных республик обеспечить порядок, чтобы протесты, приносимые районными прокурорами в порядке надзора в краевые (областные) суды, а в республиках, не имеющих краевого (областного) деления, в верховные и главные суды, направлялись райпрокурорами не иначе, как через соответствующих краевых (областных) прокуроров и прокуроров республик по принадлежности.

Кассационные протесты направляются райпрокурорами в соответствующую судебную инстанцию непосредственно.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский.

21 февраля 1936 г. № 82.

На периферии

ПРИКАЗ № 14

ПО ОМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПРОКУРАТУРЕ

21 января 1936 г. гор. Омск.

Произведенной по моему распоряжению во исполнение указания прокурора Союза ССР проверкой выполнения Омской облпрокуратурой поручений Прокуратуры Союза ССР и Прокуратуры РСФСР установлено, что к этим важнейшим документам со стороны отделов облпрокуратуры и окррайпрокуроров нет должного внимания и контроля, результатом чего является нарушение установленных для исполнения сроков, волокита и т. д.

Так, например:

Из Прокуратуры Союза ССР 17/VII 1935 г. поступила в облпрокуратуру жалоба Демерджиева для проверки. Эта жалоба 19/VII 1935 г. была направлена для исполнения тарскому окрпрокурору. 27/VII 1935 г. сделано напоминание об исполнении, 9/X 1935 г., при личном посещении зам. окрпрокурора т. Зима облпрокуратуры, он обещал по приезде в г. Тару принять немедленные меры к проверке и результат сообщить. 27/X 1935 г. было получено сообщение от тарского окрпрокурора, что проверка жалобы производится нарследователем Тевризского р-на.

11/XI 1935 г. тарский окрпрокурор сообщает, что нарследователем установлена основательность жалобы Демерджиева и, кроме того ряд других, обнаруженных при расследовании этой жалобы беззаконий. С момента этого сообщения от тарского окрпрокурора никаких больше сообщений нет, несмотря на то, что ему 8/I 1936 г. было сделано последнее напоминание, в котором указано об ответственности за неисполнение этого последнего предложения и хотя окрпрокурору т. Лисину великолепно было известно, что речь идет о поручении прокурора Союза ССР.

В сельскохозяйственный отдел облпрокуратуры 22/VIII 1935 г. поступило предложение Прокуратуры Союза ССР, по которому облпрокуратура обязана была истребовать дело Панасюк, осужденного к 10 годам лишения свободы, с целью проверки закономерности приговора.

Срок исполнения был установлен к 10/IX 1935 г.

Сельскохозяйственный отдел 22/VIII 1935 г. запросил это дело из нарсуда Кировского района г. Омска, но дело по запросу не было выслано. Несмотря на это, только лишь 23/XI 1935 г. было сделано первое напоминание. Таким образом в течение 4 месяцев эта перписка пролежала без всякого движения контроля со стороны с.-х. отдела, в то время как Прокуратура Союза ССР сделала уже напоминания по этому своему поручению.

Возмутительные факты волокиты, случаи игнорирования исполнения поручений и предложений Прокуратуры Союза и РСФСР, а также и моих, наблюдаются со стороны и других отделов облпрокуратуры и окррайпрокуроров.

В целях устранения подобных безобразий:

1) Тарскому окрпрокурору т. Лисину за волокиту по проверке жалобы Демерджиева ставлю на вид. Предлагаю не позднее 1/I с. г. по этой жалобе принять исчерпывающие меры. Предупреждаю, что невыполнение настоящего предложения к установленному сроку повлечет применение к т. Лисину более суровых мер воздействия.

2) Устанавливаю следующий порядок:

а) Общая переписка из Прокуратуры Союза ССР, Прокуратуры РСФСР, Совпартконтроля, редакций центральных газет, обкома ВКП(б) и облисполкома, после внеочередной регистрации в общей регистратуре, докладывается мне или заместителям облпрокурора по принадлежности; наиболее важная из поступившей переписки берется на личный контроль мной или заместителями, о чем на переписке делается пометка «ЛК». Остальная с моими или заместителей резолюциями секретарем по приему т. Абрамсон берется на особый контроль и передается в отделы для исполнения. Переписка на контроле у т. Абрамсона раз в пятидневку докладывается мне и заместителям облпрокурора по принадлежности.

б) Такого рода переписка после поступления ее в отделы берется ими на личный контроль зав. отделов и выполняется к установленным срокам. Если к установленному сроку она не может быть выполнена, в каждом отдельном случае на продление срока отделы обязаны истребовать разрешение от меня или заместителей облпрокурора по принадлежности, с представлением объяснения о причинах необходимости продления срока и сообщением органу, чье поручение исполняется.

в) Для директив центральных органов (циркуляров, приказов) остается прежний порядок: они регистрируются непосредственно ст. секретарем т. Тегинцевым, берутся им на особый контроль и докладываются мне или заместителям для дачи по ним распоряжений и взятия на личный контроль исполнения наиболее важных из них.

г) Окррайпрокуроры обязаны брать на особый контроль все поступающие от центральных и областных органов прокуратуры, партсовконтроля, обкома ВКП(б), облисполкома и центральных и областных газет поручения и выполнять их вне всякой очереди точно в установленные сроки.

3) предупреждаю, что в будущем за допущение волокиты по такого рода перепискам виновные будут привлекаться к строгой дисциплинарной ответственности, вызываться ко мне с объяснениями, а в случае злостности и си-

тематичности вопрос будет стоять о снятии с работы и предании суду.

Настоящий приказ разослать всем окружным, городским и районным прокурорам и явить всему аппарату облпрокуратуры под аслиску. Тов. Урещичу установить наблюдение за срочным введением в жизнь установленного этим приказом порядка.

Прокурор Омской области РАПОПОРТ

ПРИКАЗ ПО КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПРОКУРАТУРЕ

4 декабря 1935, гор. Калинин

Просмотрим находящегося на производстве у следователя Новоторжского района дела по обвинению б. председателя артели «Красная заря» Пережжегина, зам. председателя артели Белова и бухгалтера Михайлина по закону 7/VIII 1935 г. установлено:

18/IV 1935 г. на основании акта обследования артели, ком обвиняемым вменялась в вину растрата 11 960 руб., уголовным розыском было возбуждено уголовное преследование, и в тот же день Пережжегин, Михайлин и Белов были арестованы.

22/IV 1935 г. уголовный розыск в порядке ст.ст. 99 и 108 УПК дело направил для окончания следствия следователю Новоторжского района.

Дополнительной экспертизой и следствием растрата была выявлена в 16 220 р. 34 к., поэтому следователь Яковлев 10/VI 1935 г. Пережжегина, Михайлина и Белова привлек в качестве обвиняемых, предъявил им обвинение по закону 7/VIII 1935 г. 11/VI 1935 г. объявил им об окончании следствия, не обсудив вопроса о мере пресечения.

22/VI 1935 г. дело с обвинительным заключением направил в облпрокуратуру.

По докладу просматривавшего пом. облпрокурора Иванова И. Д. обвинительное заключение утверждено, и дело для рассмотрения направлено в облсуд.

Выездной сессией облсуда 31/VII 1935 г. по ходатайству райпрокурора Ивашечковой дело слушанием отложено и обращено к дополнительному исследованию.

Вновь дело поступило от облсуда в райпрокуратуру 1/VIII 1935 г., однако резолюция райпрокурора Ивашечковой о передаче дела следователю датирована 21/VIII 1935 г. Причем 15/VIII 1935 г. лично прокурором Ивашечковой послано следователю Косимовского р-на отдельное требование о допросе ряда лиц.

14/IX 1935 г. следователь Яковлев послал два отдельных требования следователям Пушкинского и Александровского районов. 11/X 1935 г. послал напоминание. 22/X 1935 г. им же райпрокурор послал телеграфные напоминания.

Следователь, видя, что все установленные

законом сроки на ведение следствия и содержание под стражей истекли, однако не возбудил согласно ст. 116 УПК ходатайства на продление срока ведения следствия и содержания под стражей. Не потребовал этого от следователя и райпрокурор.

17/XI 1935 г. Пережжегин, Михайлин и Белов следователем из-под стражи освобождены под личное поручительство.

10/XI 1935 г. в 7 часов вечера подследственный Пережжегин в своей квартире в состоянии опьянения покончил жизнь самоубийством через повешение.

Произведенным раймилицией следствием установлено, что Пережжегин покончил жизнь самоубийством вследствие семейно-бытовых неурядиц, на почве пьянства и ревности.

Последнее отдельное требование от Александровского следователя поступило 13/XI 1935 г. и 16/XI 1935 г. Михайлину и Белову объявлено об окончании следствия. Однако обвинительное заключение до сих пор не было составлено. Виновость Пережжегина в растрате и подлогах установлена. Однако его действия подлежали квалификации не по закону 7/VIII 1932 г. а по ст.ст. 102 и 116 УК.

Таким образом, несмотря на несложность дела, оно находилось в стадии следствия 6 месяцев, и тем не менее ряд моментов по делу вовсе не уточнен.

Отмечая это дело как образец безобразного отношения к следствию и надзору прокурора за следствием:

1. Нарследователю Новоторжского р-на т. Яковлеву за недоброкачественное проведение по делу следствия, за волокиту в расследовании, за игнорирование норм УПК объявить строгий выговор с предупреждением.

Обязываю нарследователя Яковлева закончить дело в отношении Белова и Михайлина в 7-дневный срок.

2. Райпрокурору т. Ивашечкиной за слабый надзор по этому делу, за допущение содержания под стражей свыше установленного срока объявить выговор.

3. Вопрос о степени ответственности и о наложении взыскания на пом. облпрокурора т. Иванова И. Д., просматривавшего дело, разрешить после возвращения его из отпуска и истребования от него объяснения.

4. Обязываю всех райпрокуроров в 5-дневный срок просмотреть все следственные дела как у следователей, так и в органах милиции, приняв меры к окончанию дел, по коим допущены нарушения сроков следствия.

5. Предупреждаю всех следователей и райпрокуроров, что за нарушение сроков расследования и содержания под стражей и за неисполнение норм буду налагать на виновных строгие взыскания.

Прокурор области НАЗАРОВ

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за январь 1936 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. О частичном изменении структуры аппарата Народного комиссариата водного транспорта и речных пароходств и о реорганизации заготовительно-снабженческих органов системы Наркомвода — пост. СНК СССР 23/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 9).

2. О реорганизации Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР, народных комиссариатов внутренней торговли союзных республик и их местных органов — пост. ЦИК и СНК СССР 5/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 2, ст. 17).

3. Об отмене некоторых постановлений СНК Союза ССР о структуре Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР — пост. СНК СССР 29/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 2, ст. 20).

2. Просвещение

4. О приеме в высшие учебные заведения и техникумы — пост. ЦИК и СНК СССР 29/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 2).

5. О передаче Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию в ведение Совета народных комиссаров Союза ССР — пост. ЦИК СССР 26/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 6).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Планирование и учет

6. О народнохозяйственном плане Союза ССР на 1936 г. — четвертый год второй пятилетки — пост. ЦИК СССР 14/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 4, ст. 32).

2. Промышленность

7. Об организации азербайджанского нефтяного комбината — пост. СНК СССР 17/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 8).

8. Об отмене ст. 4 постановления СНК Союза ССР 29/ІХ 1934 г. «О предприятиях, входящих в состав местной промышленности» — пост. СНК СССР 16/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 12).

9. О заключении договоров на 1936 г. — пост. СНК СССР 15/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 3, ст. 27).

3. Транспорт

10. О плате за очистку, промывку и дезинфекцию железнодорожных вагонов после пе-

ревозки живности — пост. СНК СССР 13/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 3, ст. 29).

III. ФИНАНСЫ

11. Об изменении порядка обложения подоходным налогом некооперированных кустарей и ремесленников — пост. ЦИК и СНК СССР 17/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 4).

12. Об изменении налогового законодательства — пост. ЦИК и СНК СССР 5/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 2, ст. 18).

13. О порядке обложения налогом с оборота предприятий общественного питания — пост. СНК СССР 29/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 2, ст. 21).

14. О расширении доходных источников сельских бюджетов — пост. ЦИК и СНК СССР 4/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 3, ст. 23).

15. О едином государственном бюджете Союза ССР на 1936 г. — пост. ЦИК СССР 16/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 4, ст. 33).

16. По отчету об исполнении единого государственного бюджета Союза ССР на 1934 год — пост. ЦИК СССР 16/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 4, ст. 34).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

17. О порядке подписания сделок по внешней торговле — пост. ЦИК и СНК СССР 26/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 3).

18. О номенклатуре средств производства, которыми организации системы Народного комиссариата земледелия Союза ССР снабжаются в централизованном порядке — пост. СНК СССР 15/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 11).

19. Об ограничении экспорта в некоторые страны — пост. СНК СССР 16/І 1936 г. (С. З. 1936 г. № 3, ст. 28).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

20. О распространении ставок заработной платы, установленных постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) 4 марта 1935 г. на медицинских работников, независимо от подчиненности тех учреждений, в которых они работают, — пост. СНК СССР 26/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 10).

21. О перенесении выходного дня с 30 декабря на 1 января — пост. СНК СССР 20/ХІІ 1935 г. (С. З. 1936 г. № 1, ст. 16).

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство «Советское законодательство»

Отв. редактор А. Я. Вышинский.
Редколлегия: Г. М. Леплевский, А. А. Солец,
В. В. Соринин, Л. М. Сузоцкий, А. С. Шляпчинин

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 3/ІІ 1936 г.

Сдано в производство 4/ІІІ 1936 г.

Подписано к печати 21/ІІІ 1936 г. 4,5 п. л.; 11,71 авт. листа. В одном бум. листе 93680 печ. знаков

Формат бум. 72x110₁₆

С—04 п.; № 91.

Технический редактор Х. В. Личко.

Уполном. Главлита Б - 18349

Заказ № 347.

Тираж 15000

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 11 декабря 1935 г. под № 549 (пятисот сорок девятым)

Московская областная контора ПЧЕЛОВОДСТВА,

находящаяся в ведении Московского областного земельного управления
Адрес: Москва, Садово-Триумфальная, д. 10, тел. Д-1-49-71.

0

НКФ СССР на основ. положения и правил о государств. регистрации (Собр. закон. и распор. правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финанс. и хозяйств. законодат. 1931 г. № 12) зарегистр. в госуд. реестре юрид. лиц под № 3327 (три тысячи триста двадцать седьмым)

Всесоюзная государственная контора оптовой и мелкооптовой торговли швейными принадлежностями и мультавтоматами, в части стирально-техническими и швейными товарами, учебно-наглядными пособиями, фото, радио, музыкальными и спортивными принадлежностями и играми

„СОЮЗКУЛЬТОРГ“,

наход. в ведении Наркомвнурторга СССР
Адрес: Москва, Кузнецкий мост, 18.

13

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 5 ноября 1936 г. под № 540 (пятисот сороковым)

Московский государственный трест блочного строительства,

наход. в ведении президиума Моссовета
Адрес: Москва, Кузнецкий мост, д. 16.

10

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. закон. и распоряжен. правительства СССР 1931 года статья 99 и Бюллетень финанс. и хозяйств. законодат. 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 2 января 1936 года под № 354 (триста пятьдесят четвертым)

Московская контора Всесоюзного треста „СОЮЗПЛОДООВОЩТАРА“,

находящаяся в ведении Всесоюзного треста Союзплодоовощтара
Адрес: Москва, ул. Кирова, д. 47, тел. 3-60-33.

14

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодательства 1931 года № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3297 (три тысячи двести девяносто седьмым)

Акционерное общество „КРЕДИТ-БЮРО“

Адрес: Неглинный, 12.

11

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 21 дек бря 1936 г. под № 3294 (три тысячи двести девяносто четвертым)

Государственное центральное вагонно-проектное бюро (ЦВПБ),

действующ. на основ. устава Бюро в пределах директив и план. задан. НКТП, вход. в веден. Главвагонпрома и помещающееся по адресу: Москва, ул. Мархлевского, д. 20/2.

15

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 года № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц

Всесоюзная контора „СОЮЗУГОЛЬСБЫТ“

Адрес: Москва, ул. Кирова, 20.

18

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г. № 8, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 340 (триста сороковым)

Московская контора по сбыту масла, сыра и козеина „МОСКООПСБЫТМАСЛО“,

находящаяся в ведении Центромаслобывота Молочно-Масляного объединения Центросоюза
Адрес: В. Черкасский пер., 15, тел. 2-29-12.

16